

Дик Рафси

Луна и радуга

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Дик Рафси

Луна и радуга

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

И(Австрал)
P26

Scan+DjVu: AlVaKo
04/08/2023

DICK ROUGHSEY
MOON AND RAINBOW
SYDNEY, 1971

Редакционная коллегия
К. В. МАЛЮХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с английского
Т. И. НОСАКОВОЙ и Р. И. АЛИБЕГОВА

Ответственный редактор
Л. А. ФАЙНБЕРГ

Рафси Д.
P 26 Луна и радуга. Пер. с англ., М., Главная редак-
ция восточной литературы издательства «Наука»,
1978.

176 с. с ил. и карт. («Рассказы о странах Востока»).

Книга написана австралийским аборигеном Диком Рафси, широко известным в Австралии художником. В своей биографии Д. Рафси раскрывает перед читателем современный жизненный уклад и духовный мир австралийских аборигенов.

Р 20901-176 197-78
013(02)-78

И (Австрал)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена австралийским аборигенам. Для нас особенно интересно то, что и написана она чистокровным аборигеном. Автор искренне желает, чтобы его народ был лучше понят белым населением Австралии. Не исключено, что книга вызовет поток новых произведений аборигенов, рассказывающих о самих себе. Несомненно, что это обогатит австралийскую литературу и науку.

Губалаталдин, или, как называют его теперь, Дик Рафси, начал свою жизнь, как и его предки, в тени деревьев, где листья и травы служили ему постелью. Если бы жизнь его не изменилась, то, не стесненный европейской одеждой, он кочевал бы с сородичами по землям своего клана, научился бы охотиться и, пройдя обряд инициации, стал бы независимым, гордым и разумным главой крепко спянной семьи, членом общества людей, известных как племя *лардилов* (хозяев острова Морнингтон в заливе Карпентария).

От отца к сыну передавали лардилы множество изустных преданий, и потому они до сих пор помнят имена Марнбила, Гин-Гин и Деваллевула — родоначальников своего племени, которое пришло на Морнингтон, когда он еще был полуостровом, видимо более двенадцати тысяч лет назад.

Дик Рафси подробно описывает священные обряды и традиционные верования своего племени, рассказывает о том, как лардилы представляют зачатие и рождение, жизнь и смерть, загробную жизнь. Это, без сомнения, поможет рассеять многие из ошибочных суждений об аборигенах, которые существуют среди европейцев и поныне.

Лардилы питались в основном дарами моря. Их рассказы об охоте, сражениях, любви и стихийных бедствиях — свидетельства того, что они люди добрые, умные, наделенные чувством юмора.

Пагубное воздействие европейской цивилизации в корне изменило образ жизни лардилов. Христианство в основном вытеснило прежние верования, и если раньше члены племени жили кланами или семейными группами, разбросанными по всему острову, то ныне они проживают в лачугах, построенных близ пресвитерианской миссии.

В первые годы европейской колонизации эти «бедные, невежественные дикари» интересовали, пожалуй, лишь миссионеров; лардилы, одна из немногих племенных групп, обитающих и по сей день в

Квинсленде, уцелели благодаря их усилиям. Однако для того, чтобы создать им сносную жизнь в наше время, у церкви попросту нет средств.

Поддержка же и помощь государства все еще незначительны и не могут удовлетворить даже самые насущные нужды, о которых известно уже не один десяток лет.

Доктор Рамсей Смит, выступая в защиту австралийских аборигенов, заявил: «Вопрос о том, что делать с одним из самых интересных народов в мире, менее всего заслуживающим забвения, вопрос о том, как поступить с людьми, к которым мы были особенно несправедливы, не так уж сложен, было бы только желание решить его»¹.

С той поры прошло более шестидесяти лет, но и сейчас совершенно очевидно, что особенного желанья как-то решить эту проблему не возникло; невозможно опровергнуть тот факт, что большинство аборигенов, остатки некогда великих и гордых племен, прозябают в нищете. Они скудно питаются, плохо одеты, необразованны, страдают и умирают от истощения и болезней. Общество изобилия в слепой погоне за великим богом, именуемым прогрессом, оставило лардилов на обочине большой дороги. Но куда она ведет? Весьма возможно, что к полному загрязнению окружающей среды, к загрязнению и духовному и физическому.

В Австралии, если сравнивать ее с другими регионами мира, исключительно неблагоприятные природные условия. Первобытному человеку необходимо было здесь не только выжить, но и приспособиться к ним. Это оказалось по силам лишь высокоразвитому племени. Прошло, видимо, свыше сорока тысяч лет с тех пор, как первобытный человек начал заселять территорию Австралии; на протяжении тысячелетий длился процесс его развития, в результате которого возник «народ философов», создавших своеобразную культуру, основанную не на материальных, а на духовных ценностях². Аборигены одухотворяли все окружающее. По их представлениям, дерево и скала, прутик и камень — все наделено душой; поэтому каждый предмет имел свой особый смысл, каждому отводилось определенное место и придавалось особое значение. Все животные и ра-

¹ «Commonwealth Year Book», 1909.— *Прим. авт.*

² Это не вполне точно. По современным представлениям, заселение Австралии вряд ли началось ранее 30 тыс. лет назад. Неверно и утверждение П. Трезайса, что культура австралийских аборигенов была основана не на материальных, а на духовных ценностях. Аборигены смогли освоить Австралию и создать богатую духовную культуру лишь потому, что их хозяйство и материальная культура были хорошо приспособлены к местным условиям.— *Здесь и далее прим. ред.*

стения, по мнению местных жителей, были когда-то людьми. Эти сверхъестественные существа — прародители человека — превратились в животных и растения, потом ушли в землю с тем, чтобы возродиться в окружающей природе и стать пристанищем духов, их предков. Именно из этих тотемов вновь и вновь возрождается живой дух всего сущего — людей, животных и растений.

К тому времени, когда первые европейцы прибыли в Австралию, у аборигенов уже образовалось общество и сложился жизненный уклад, который позже будет признан самым необычным, более того, во многих отношениях этот уклад был самым идиллическим из всех, когда-либо созданных людьми. В этом обществе заботились и о духовных и о материальных потребностях человека, он находился в полной гармонии с природой и сам был частью ее. С точки зрения европейца, аборигены жили бедно, и поэтому к ним отнеслись как к дикарям, детям природы, лишь волею случая причисленных к человеческому роду.

Тонкое строение культуры аборигенов не захотели признать; хрупкая конструкция была разрушена еще до того, как стало известно о ее существовании.

Печальные последствия нашего отношения к австралийским соотечественникам начали осознавать только тогда, когда Дик Рафси, австралийский абориген, овладев в достаточной мере грамотой, добился успеха, написав книгу о своем народе; произошло это через двести лет после того, как мы навязали лардилам «блага» нашей цивилизации³.

Отняв у аборигенов землю, их лишили жизненной силы: структура этого общества зиждется на владении землей. Решить проблемы аборигенов можно, только вернув право на землю; кроме того, необходимо оказать им финансовую помощь и дать образование, чтобы они могли вновь обрести свободу, независимость и чувство собственного достоинства. Необходимо восстановить все их права; сами аборигены слишком вежливы и воспитанны, чтобы требовать что-то от нас.

Видимо, еще не один писатель-абориген расскажет о своем народе, о его культуре, и тогда это поможет лучше понять их и по достоинству оценить. Хочется верить, что культура аборигенов станет фундаментом той, которой сможет заслуженно гордиться следующее поколение австралийцев.

П. Дж. Трезайс

---

³ Неверно, что печальные последствия несправедливого отношения англоавстралийцев к аборигенам начали осознавать только после того, как Дик Рафси написал свою книгу. На самом деле это случилось значительно раньше (см. послесловие).

БЕЛОЛИЦЫЕ

Отец метнул копьё в ската; сверху, с обрыва послышались крики. Люди возбужденно жестикулировали, подпрыгивали и указывали куда-то в сторону моря. Он услышал:

— *Йокай, валпа, валпа, дунга, киал!*¹

Губалаталдин быстро сунул ската в сетку с рыбой и поспешил к своим сородичам на вершину скалы.

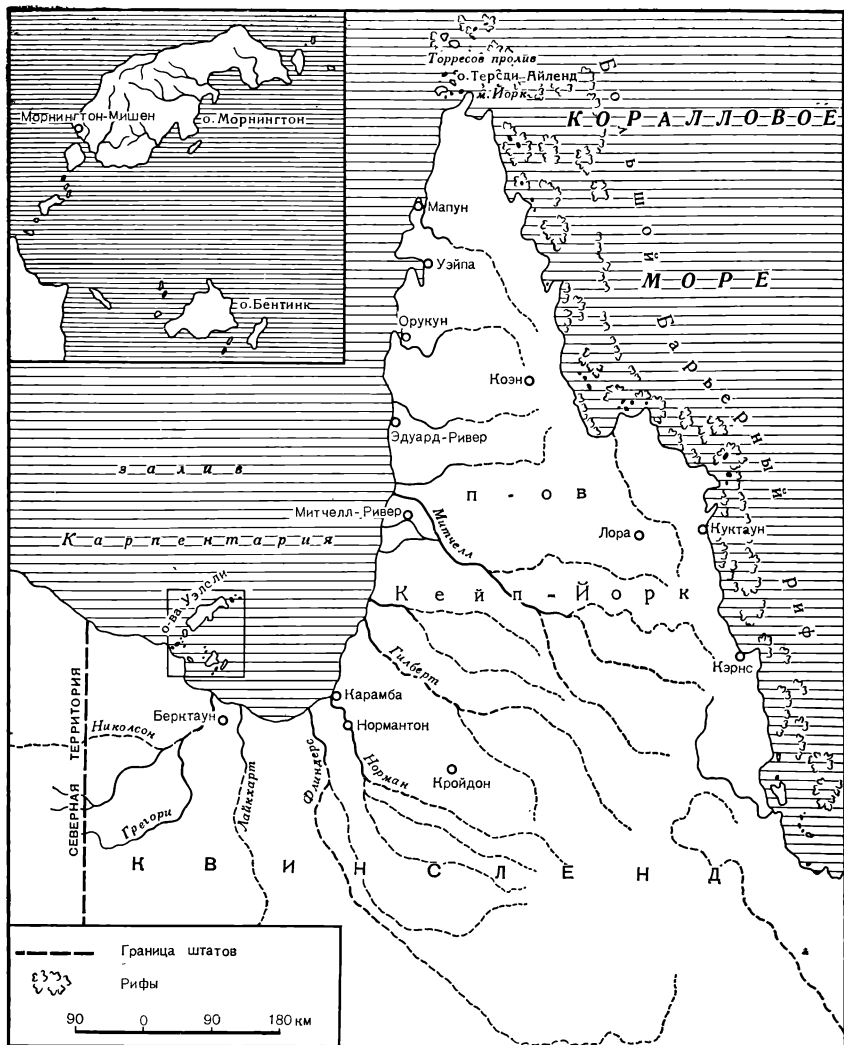
Уже не раз за последние годы отец видел этих белолицых людей на необычных кораблях, которые скользили мимо нашего острова Лангу-Нарнджи. Обычно они проплывали вдалеке от берега, и никто не видел, чтобы люди на этих кораблях гребли, но, словно по волшебству, корабли неслись сами под сенью громадных белых раковин, прикрепленных к мачтам. Затем исчезали в дальнем конце большого залива Бангубелла, что находится на севере от нас.

В молчании люди следили за тем, как маленький корабль огибал с севера Лангу-Нарнджи. Они вскрикнули от изумления, когда увидели, что одна из больших белых раковин опала, корабль плавно повернул и двинулся в бухту близ местечка Ред-Билл-Берд. Потом в воду что-то упало и раздался грохот. Мой отец и его друзья в страхе кинулись прочь. Они притаились в кустарнике у холма Динглема и стали наблюдать, как какие-то непонятные люди спустили лодку и начали грести к берегу.

Лардилы боялись пришельцев. Им уже рассказывали люди из племени янггарлов с острова Денхэм и из других племен, что белолицые могут сразить человека громом или послать невидимые стрелы, которые продырвливают тело и проливают кровь.

---

¹ Эти слова означают примерно следующее: «Глядите все, к нам снова плывут на кораблях люди, у которых лица из белой глины».

Северная Австралия. Полуостров Кейп-Йорк

Белые люди вытащили из лодки какие-то вещи, отнесли их на берег и положили на отмели. Один человек посмотрел в сторону холма и начал что-то выкрикивать. Он, видимо, обращался к тем, кто спрятался, и все время показывал на вещи, сложенные на берегу. Потом пришельцы сели в лодку и вернулись на корабль.

С холма увидели, что на корабле ведутся какие-то приготовления, видимо, гости решили остаться на ночь. Поэтому лардилы забрали детей, оружие, запас рыбы и отправились в глубь острова, к озеру, где можно было устроить стоянку и приготовить еду на безопасном расстоянии от белолицых.

Наутро послали мальчишек посмотреть, что делают белые люди. Очень скоро те прибежали обратно и сообщили, что корабль уходит на север и вещи, которые были сложены на берегу, все еще на прежнем месте.

Когда корабль исчез из виду, мой отец и несколько мужчин, оставив женщин и детей на холме, стали незаметно пробираться к берегу, решив посмотреть, что же там такое. Они обнаружили какие-то пакеты и коробки, а в них необычные предметы.

Белые люди оставили в подарок кое-что из еды, желая расположить к себе мое племя. Но все это было напрасно, потому что мои бедные соплеменники подарки использовали не по назначению. Пакет с мукой приняли за глину и стали натирать ею тело и посыпать волосы, а все, что осталось, выбросили. Потом исследовали пакет с рисом и решили, что это личинки шершней или ос, непригодные в пищу. Желтые куски мыла походили на сладости, и их решили разогреть на костре. Когда мыло размякло на углях, моя мать подумала, что оно уже готово, и дала кусок старшему брату. Бедняга Бурруд, он до сих пор помнит, как сильно болел у него потом живот. Да и другие дети, которые отведали мыла, заболели. После чего все окончательно решили, что еда отравлена.

Вот так встретились впервые белые люди и представители племени *ларумбанда* или, как их еще называют, лардилы южного ветра. Тогда мы еще не знали, что скоро вся наша жизнь изменится, станет совсем иным уклад, к которому мы привыкли еще со времени Сновидений, когда пришли три великих человека из

племени *балумбанда* и создали все, что нас теперь окружает.

Старое время не вернется, оно ушло. И никогда не забудутся те времена, когда мы еще не знали белых людей, которые принесли с собой ткани и гвозди, шляпки и веревки, и многое, многое другое, что изменило нашу прежнюю жизнь, когда мы были счастливы.

Но я могу рассказать об ушедших временах, о том, как охотился и делился добычей, переживал беды и невзгоды с людьми моего племени на земле, которая всегда принадлежала нам.

ЛЕГЕНДЫ ПЛЕМЕНИ ЛАРУМБАНДА

Острова Уэлсли, расположенные в юго-восточной части залива Карпентария, простираются на северо-восток от Бейли-Пойнт, к материку. Самый большой из них, Морнингтон, имеет сорок три мили в длину и восемь-десять в ширину. Остальные острова этой группы — Форсайт, Денхэм, Сидней и Валлаби — более мелкие.

Людам моего племени принадлежали Морнингтон, Сидней и Валлаби. Племя делилось на четыре подразделения: западное — балумбанда, северное — *джирргурумбанда*, восточное — *лелумбанда* и южное, к которому отношусь и я — ларумбанда. Моему отцу принадлежала половина острова Сидней, который мы называем Лангу-Нарнджи, и часть острова Морнингтон. Лангу-Нарнджи и Морнингтон соединены песчаной косой, появляющейся во время отлива. Ребятишками мы часто перебегали с одного острова на другой.

Ларумбанда, в свою очередь, делилось на родовые группы, в каждую из которых входило пятнадцать-двадцать человек, которые в поисках пищи охотились в пределах принадлежащей нам земли. Мы не вели счет времени, а просто жили, радовались каждому времени года, выполняли священные обряды и танцевали, охотились, ловили рыбу, сражались, любили, воспитывали детей и умирали.

Родился я под сенью пальм в Гара-Гара, и меня, естественно, тоже называли Гара-Гара. Произошло это примерно в 1920 году, но сколько точно мне лет — не знаю. Мне было лет двенадцать, когда мать показала место, где я родился, и сказала, что я появился на свет в сезон созревания пальмовых орехов. Обычно это бывает в сентябре.

Место для роженицы всегда тщательно выбирают: оно должно быть в тени, там, где есть чистый песок и

запас веток для костра, чтобы отгонять мух. За будущей матерью обычно ухаживает ее сестра, а если таковой нет, то на помощь приходит женщина племени. С матерью в это время была бабушка Гаранду.

Кожа у новорожденных светло-шоколадного цвета, но через несколько дней она темнеет. До тех пор младенца отцу не показывают. Роженице нельзя появляться даже перед собственным отцом, пока не пройдет месяца после родов. Затем она сойдет к морю, искупается сама, вымоет новорожденного и только после этого, очищенная, приходит с ребенком к своему отцу. Тот, преисполненный гордости за дочь и новорожденного, немножко всплакнет, глядя на ребенка.

Большинство людей нашего племени до сих пор следует этому обычаю. У нас с женой шестеро детей, и всякий раз ей приходилось ждать прежде, чем она могла показать ребенка своему отцу.

Старики считают, что души детей живут в маленьких пузырьках пены, появляющейся на берегу во время отлива. Если мужчине посчастливилось поймать крупную рыбу, черепаху или ската-хвостокола¹, он уверен, что именно в них вселилась душа ребенка, которая ищет свою мать. Мужчина приносит добычу домой и дает отведать жене для того, чтобы душа младенца «переселилась» в нее.

Беременной женщине запрещается есть дюгоней², морских черепах, крупных рыб. Она может питаться лишь мелкой рыбешкой и плодами земли. Если же женщина нарушит этот запрет, ребенок может родиться уродом, а тот вид рыбы, которым она полакомилась, исчезнет и не попадет больше в сети.

Матери носят новорожденных в корзинах, сплетенных из коры дерева. Дно корзины делают плоским, чтобы спина ребенка была прямой и сильной. Иногда его выстилают корой чайного дерева³. Когда малыш

---

¹ Скот-хвостокол (*Trygonidae*) — рыба отряда акулообразных с плоским туловищем и голой кожей. Имеет длинный хвост с одним или несколькими шипами.

² Дюгонь (*Dugong dugon*) — водное млекопитающее; единственный представитель рода *Dugong* отряда сирен. Длина тела — 2,5 м—3,2 м. Передние конечности — гибкие ластообразные плавники.

³ Чайное дерево, или мелалеука, — вечнозеленое дерево из семейства *Myrtaceae*.

Дик Рафси с женой
и сыновьями

подрстет, он станет крепко держаться на спине или бедре матери. Ей помогают старшие дети. Они любят баловать малышей и этим их часто портят. Маленьких не наказывают, поэтому детство — самая счастливая пора. В старое время, когда мальчику исполнилось десять-двенадцать лет, его забирали от матери и передавали на воспитание дяде, который держал его в строгости и готовил к обряду инициации.

Однако миссионеры, пришедшие на наши острова, запретили нам проводить традиционные обряды. Мальчиков и девочек поселили в школе, чтобы обучать чтению и письму. Сначала дисциплина там была

довольно строгая. Теперь же о ней забыли совсем. Дети болтаются без дела и ни над чем не задумываются; они растут ленивыми, совсем не умеют охотиться. У моего отца Губалаталдина и матери Гутагин было пятеро детей, все мальчики. Старшего звали Тунгулминдуга (Кенни), затем шел Бврруд (Линдсей), Губалаталдин (это я, Дик), Давул (Дункан) и Варгуджа (Тимми). Кенни было около двенадцати лет, когда в наших местах появились первые миссионеры. Его пытались приучить жить в школе, но мальчик каждый раз убегал к нам в лес. Когда умер отец, Кенни уже был хорошим охотником и помогал матери приглядывать за малышами.

Линдсей проучился в школе всего несколько лет, зато трое младших, в том числе и я, немного не закончили пять классов.

Мои первые воспоминания относятся к тому времени, когда мать в поисках пищи носила меня с собой. Помню, как она копалась в высыхающем болоте, до-

бывая сладкие луковицы, или, сидя на песчаной гряде, выкапывала толстые корни маниока или ямса⁴. Вместе с другими темнокожими ребятами я барахтался у песчаного берега в светлой, чистой воде. Нас не сковывала одежда, мы жили только сегодняшним днем и были счастливы.

Старики практически не носили никакой одежды — ведь у нас круглый год тепло. Незамужние молоденькие девушки надевали иногда небольшие пояса с бахромой, прикрывающие тело спереди. У мужчин чаще всего пояса были сплетены из человеческих волос; на них носили бумеранги или ножи из раковин. Во время танцев они украшали себя кисточкой из меха валлаби⁵ или опоссума⁶. Никто не стыдился своей наготы; просто мужчины не смотрели пристально на женщин, а женщины — на мужчин. Так повелел обычай.

В прохладные ночи, когда налетал порывистый ветер, мы всегда жгли небольшие костры. А когда наступало время дождей, строили круглые хижины из прутьев, травы и коры. Если же становилось совсем сыро и холодно, то накрывались кусками коры чайного дерева.

В давние времена наши острова, которые теперь называются Уэлсли, составляли еще часть полуострова, далеко вдававшегося в море. Геологи, пришедшие на остров Морнингтон искать нефть, предполагают, что полуостров распался на острова во время большого наводнения около двенадцати тысяч лет назад. Но наши люди считают, что каналы между островами вырыла Гарнгуур, женщина-чайка, которая волочила *валла*, или плот, взад и вперед по полуострову.

Геологам так и не удалось найти нефть. На глубине около трех тысяч футов они встретили очень крепкие породы — бурение пришлось прекратить. И напрасно геологи пытались бурить в Бугаргане, на том самом месте, где Тувату, змей-Радуга, ушел в землю. Старик-то уверен, что бур просто наткнулся на кости Тувату, а их ничем не пробить.

⁴ Маниок (*Manihot utilissima*) — одно из важнейших пищевых растений тропиков. Имеет клубни весом в несколько килограммов. Ямс дикий (*Dioscorea sativa*) — растение, клубни которого широко использовались в пищу аборигенами Австралии.

⁵ Валлаби — австралийский горный кенгуру.

⁶ Опоссум — небольшое животное из отряда сумчатых.

Люди племени балумбанда попали на полуостров задолго до того, как он разделился на острова. Они пришли сюда с запада. Об этом говорит само слово балумбанда, что означает «человек с запада». В наших преданиях говорится, что сначала здесь появилось три человека во главе с Марнбиллом. С ним была его жена Гин-Гин и ее дядя Деваллевул. Марнбил называл Деваллевула зятем и поэтому не имел права с ним разговаривать. Он беседовал с ним через Гин-Гин. Так требовал обычай.

Они пришли на полуостров, и все, что теперь здесь есть: песчаные дюны в глубине острова и водоемы — их рук дело. Из камней и ветвей они построили ловушки для рыб, дюгоней и морских черепах. Они встречали рыб и птиц, зверей и растения и каждому определяли его место. Они создали также обряды для этих тотемов с тем, чтобы люди, которые должны были затем прийти сюда, знали, как умножить число животных и растений.

Когда трое из племени балумбанда добрались до того места на полуострове, где ныне стоит дом миссии, то выкопали три больших колодца и присели отдохнуть. Марнбил решил, что им следует здесь расстаться. Он сказал Гин-Гин:

— Передай своему дяде, чтобы он шел северной стороной и продолжал свою работу. Мы же пойдем вдоль южного берега и займемся работой там. Встретимся на другом конце полуострова.

Они отправились в путь. По дороге отмечали места для проведения обрядов, копали колодцы и ставили ловушки для рыб. Каждый вечер Марнбил и Гин-Гин смотрели на другую сторону полуострова и наблюдали дымок от костра, разложенного Деваллевулом.

Когда Марнбил дошел до места, которое стало родиной моего отца, он сделал остановку и пробыл здесь довольно долго. Тут были разработаны многие обряды, которые стали потом исполняться в священных центрах. Сюда относятся площадки для проведения обрядов, посвященных *гурнгин* — валлаби, *танба* — тупоносой акуле, *ред биллу* — кулику, *нгарравун* — голубой рыбе, черной змее, а также священное место великого наводнения. И поныне мой народ верит в эти предания. Валлаби и змея были тотемами двух половин нашего пле-

мени. Мужчина мог жениться только на женщине из другой половины племени, а девушка тотема валлаби — выйти замуж только за мужчину тотема змеи.

Легенда о ред билле повествует о том, как впервые был проведен обряд инициации. В прежние времена мужчина мог жениться на девушке, которая была ему обещана, только после этого обряда.

Предание о черной змее, согласно существующему у нас обычаю, служит сюжетом при разрисовке тел, необходимой при проведении больших празднеств. На рисунке изображается черная змея, выползающая из одной норы и вползающая в другую. Она же символизирует и лучи заходящего солнца (напоминая об умерших, которые ушли от нас в другой мир). Одно отверстие, куда попадает душа умершего, находится в Млечном Пути (*Иул*), другое, откуда она выходит, — это новый горизонт, пристанище духов (*Йили-Джилит-Ньеа*).

Марнбил разработал церемонию наводнения для того, чтобы наш народ мог вызвать, если понадобится, большое наводнение и тем самым наказать врагов. Об этом и других обрядах я расскажу ниже.

Итак, Марнбил и Деваллевул продолжали идти каждый своим путем, определяя места для свершения обрядов, пока не встретились в Баралкеа на мысе Ван-Димен. Они разбили лагерь у залива Бангубелла, севернее Баралкеа. Как-то Марнбил сказал Гин-Гин:

— Скажи дяде, чтобы он оставался здесь. Мне осталось выполнить два больших дела, а потом я вернусь сюда.

Он отправился на Джилкирри (остров Черепах), чтобы построить еще одну ловушку для черепах, а пока Марнбил отсутствовал, Гин-Гин сидела под сенью пальм, разбивала орехи и выбирала из них семена. Деваллевул томился без жены и его соблазняли прелести Гин-Гин. Он решил за ней поухаживать. Гин-Гин поначалу сопротивлялась, но в конце концов уступила. Они занимались любовью в тени панданусов⁷, когда вернулся Марнбил и увидел их.

---

⁷ П а н д а н у с (*Pandanus*) — распространенный в Австралии и Океании род растений семейства пандановых. Плоды некоторых видов пандануса идут в пищу, а воздушные корни и листья служат материалом для плетения.

Дик Рафси и его брат Линдсей

Марнбил не сказал ни слова, но про себя решил, что за великий грех прелюбодеяния с женщиной, которая приходилась ему племянницей, Деваллевул должен быть убит. Немного погодя, он торжественно обратился к Гин-Гин:

— Скажи дяде, что после большой работы меня томит жажда, я хочу пить. Скажи ему, чтобы он пошел со мной, нужно вырыть колодец.

Все вместе они отправились к подножию песчаной дюны и стали прутьями и ракушками рыть колодец.

Когда вода начала заполнять дно колодца, Марнбил сказал Гин-Гин:

— Скажи дяде, чтобы он наклонился и попробовал, пресная ли вода.

Деваллевул нагнулся над колодцем, но до воды дотянуться не смог.

— Скажи дяде, чтобы он вытянул ноги и наклонился пониже, — снова приказал Марнбил.

Деваллевул так и сделал. В тот же миг Марнбил пронзил его копьем.

Деваллевул метался по земле, издавая предсмертные стоны. Затем его тело и дух поднялись в небо, но,

улетая, он посылал ужасные проклятья всем людям, которые в те времена еще были бессмертны.

— Отныне и во веки люди станут смертны. Они будут умирать от удара копья, *нулла-нулла*⁸, от магических заклинаний, от отравленной пищи, от укусов змей. Они будут тонуть и гореть в огне.

Он перечислял все виды смерти, которые ожидают людей, пока Марнбил и Гин-Гин в ужасе не убежали.

Вскоре у них родилась дочь. Ее назвали Йеги.

А когда Марнбил и Гин-Гин умерли, то превратились в скалу. Ее видно во время отлива между Ван-Дименом и островом Валлаби. Скала похожа на каноэ, в котором сидят три человека. Ноги их болтаются в воздухе. В центре — Йеги.

Есть у нас обряд Тувату, змея-Радуги. Он пришел с юга уже после Марнбила и привел с собой много людей. Место, где они разбили свой лагерь, называется Джалга-Гиндидбу — теперь оно под водой в большом заливе, в устье реки Минья-Дарга. Эту реку создал Тувату.

Люди, которые пришли с Тувату, построили свои хижины в Джалга-Гиндидбу. Здесь были: *буллебул* — пятнистый скат, *нгулма* — треска, *галтарт* — желтая треска, *гарнгуур* — чайка, *лулнгуурри* — белый журавль, *вонгабел* — дикая пчела, ящерица, валлаби, черепаха, дюгонь, акула и много-много других племен.

Тувату построил свою хижину в центре лагеря. Она была самая большая. Строили ее так: воткнули по кругу длинные прутья, наклонили к центру и связали. Затем эту раму покрыли травой *бинди*, песком, потом еще раз травой и так крыли до тех пор, пока она не стала водонепроницаемой.

С Тувату пришла его сестра Бултугу — треска с маленькой дочкой по имени Гиндидбу — трясогузка.

Однажды вечером разразилась буря, загремел гром, засверкала молния и полил сильный дождь. У Бултугу не было своего жилища. Она подошла к хижине брата и закричала:

— Брат, возьми в свою хижину мою дочь, твою племянницу.

---

⁸ Нулла - нулла — дубинка, палица.

Но Тувату крепко спал. Бултугу слышала, как он храпит. Тогда она крикнула еще громче:

— Брат, возьми к себе мою девочку, льет сильный дождь, она может простудиться и заболеть.

Тувату же очень устал, хотел спать и не желал ее слушать.

Дождь лил все сильнее, Бултугу кинулась разжигать костер, чтобы как-то согреть ребенка; она собрала хворост, разожгла большой костер и села возле него.

Дождь усилился, и Бултугу снова отправилась к хижине брата и снова стала молить его:

— Брат, проснись, возьми моего ребенка, там в уголке для девочки места хватит.

Тувату, наконец, проснулся, застонал, заохал и ответил:

— Не-е-т, это место для моих больших колен.

Закрыв коленями угол, он снова крепко уснул.

Бултугу снова позвала его:

— Брат, посади мою дочку в уголок, она дрожит от холода.

Но Тувату открыл глаза и спокойно сказал:

— Не-е-т, этот уголок для моих больших локтей.

Он перевернулся и протянул руки в угол. Однако, когда Тувату переворачивался, другой угол освободился.

Бултугу пошла взглянуть на ребенка. Вернувшись, она сказала Тувату:

— Брат, мой ребенок заболел. Возьми девочку к себе, у тебя есть свободное место.

Но Тувату, заохав, сказал:

— Не-е-т, это место для моих больших ушей.

— Тогда положи моего ребенка на другое место,— взмолилась сестра.

— Не-е-т, то место для моих больших рогов,— возразил брат сестре.

— Ну, положи ее вон туда,— снова попросила Бултугу.

— Не-е-т, там место для моей спины,— отвечал брат.

Так он и переваливался с боку на бок, придумывая всякие отговорки; то ему нужно было место для его больших рук, то для больших ног.

Бултугу вернулась к девочке и увидела, что она

совсем разболелась. Села Бултугу и горько заплакала. Вскоре ребенок умер.

Бултугу затаила злобу на брата и решила ему отомстить. Она собрала куски коры, связала их и сделала большой факел. Потом сунула его в огонь, а когда факел вспыхнул, бросилась к хижине Тувату и подожгла ее со всех сторон.

Бултугу слышала, как брат кричал и проклинал ее. Он выполз из огня обожженный, страдающий от боли и крикнул:

— *Бири, гири, гири, гири.*

Это была песнь проклятия сестре:

— *Вагата, ярра, джалбута ярра, нганья вар бирри* («Женщина, от тебя дурно пахнет»).

Он полз и продолжал петь свою песнь:

— *Бортби, бортби, бортби, бортби.*

Уползая, Тувату оставлял на земле борозды и снова пел:

— *Гарнгул биула, гарнгул биула, гарнгул биула.*

А потом запели все люди:

— *Римунг улави, римунг улави, биндунг улави, ремунг улави, биндунг улави* («Куда ты идешь, ты весь обгорел!»)

Тувату продолжал ползти, оставляя за собой борозды, которые заполнялись водой. Он расплескивал воду, она превращалась в пену, а он все пел:

— *Ла нирри, нирри ла нирри нирри, ла нирри нирри.*

Тувату полз, а огонь распространялся и сжигал все, что находилось между Тимбер-Пойнт и устьем реки Минья-Дарга. И только когда на помощь пришло море, огонь отступил, а место, где похоронена трясогузка Лалга-Гиндидбу, и по сей день находится под водой.

Тувату продолжал свой путь, и там, где он прошел, образовалась река. Вокруг громоздились камни, и каждый шаг давался ему с трудом. Тогда он свернул влево и принялся рыть большую яму. Там Тувату и устроился на ночлег. Теперь это место называется Билтудгун. Дорога, которой он пришел сюда, была слишком каменистой, поэтому он повернул обратно, дошел до излучины реки Виррингу и остановился отдохнуть. Затем Тувату отправился дальше, к Дулджитгун. Ему было плохо, его тошнило, и по дороге он изрыгал то

крабов, то лещей, то голубых рыб. Так он дошел до Гулнуд, но и здесь Тувату не стало лучше, он повернул обратно и добрался до другой излучины.

Тело его обгорело, покрылось волдырями, несколько ребер выпало. На том месте, где они упали, выросли деревья, из стволов которых теперь делают бумеранги. Тувату истекал кровью, и она превращалась в красную охру, которую и поныне можно увидеть на солончаке.

Продолжая петь, Тувату направился на Дадбингбер и далее, к месту совершения обряда звезды, где после него осталось несколько ребер и появились медоносные пчелы. Он пошел к Телгудга, однако дорога была настолько тяжелой, что Тувату предпочел повернуть к Губаргару; он истекал кровью, и она превращалась в болотных черепах и водяные лилии. Тувату двигался с трудом, слабел с каждым мигом, но продолжал ползти к Дирритуйа.

Передохнув, он двинулся в сторону Бендиго. К тому времени брат Бултугу совсем изнемог, волдыри от ожогов полопались, он весь горел. Его снова тошнило, и за собой он оставлял ящериц, валлаби, красноствольные деревья. Так дошел он до Бургаргун, где Тувату встретили люди его племени, люди-Радуги. Они увидели, как он идет к ним, и запели:

— Кто этот несчастный старик, что направляется к нам? Отчего он так болен и худ?

Тувату поведал людям-Радугам свою историю. Они пожалели его, принесли большие камни, разбили их, острыми осколками поранили себя и стали плакать над ним. И сейчас там лежит эта груда камней.

Тувату решил остановиться здесь, отдохнуть и набраться сил. Отдохнув, Тувату забеспокоился о сестре Бултугу. Он сказал людям-Радугам, что ему нужно вернуться в свою страну, отправился в обратный путь той же дорогой и наконец добрался до Бугарган. Здесь Тувату почувствовал себя совсем плохо и прилег отдохнуть под пальмой. Там, на песчаной гряде, Тувату и умер. На этом месте забил большой родник, а тело Тувату ушло под воду. Теперь по тем местам, где прошел Тувату, течет река Минья-Дарга. Нам же он оставил пищу и все, что нас окружает. Его дух обитает и в море, и в каждом колодце, и в каждом водоеме. Падающая звезда, проносящаяся по ночному небу,— это

глаз Тувату. Во время обряда инициации мы в танцах и песнях рассказываем всю историю Тувату, а юношам объясняем все обычаи и обязанности, уделяя особое внимание необходимости заботиться о детях своих сестер.

Белым людям трудно разобраться в наших нормах брака и родства, а ведь они совсем несложны. Прежде всего надо знать, какие братья и сестры считаются у нас родными, а какие — двоюродными. Определяется это следующим образом.

Брат моего отца не является моим дядей; его я тоже зову отцом. Его дети для меня такие же братья и сестры, как и мои родные. А вот сестру отца я зову тетей, а ее детей — двоюродными братьями и сестрами.

Сестру моей матери я называю матерью, а ее детей — братьями и сестрами. Брат моей матери приходится мне дядей; это он отвечает за мою подготовку к инициации и воспитание. Его дети доводятся мне двоюродными братьями и сестрами. Мне можно жениться на двоюродной сестре по материнской или отцовской линии, но, как правило, предпочтение отдается материнской.

Помимо родных братьев отца, согласно этому же закону о племенном родстве, есть люди, которых отец называет братьями и которые для меня — отцы, хотя кровное родство здесь весьма отдаленное. Детей этих отцов по племени я называю братьями и сестрами.

Это же относится к сестре отца и брату матери. У них тоже есть не кровные братья и сестры, дети которых приходятся мне двоюродными братьями и сестрами. Могло случиться так, что я женился бы на одной из своих сестер по племени. Наше родство определяется по перекрестно-двоюродному принципу, поэтому у каждого из нас есть и кровные и племенные родичи. Разницы между ними не существует: деда по племени называют *джамба*, так же как родного. Брата по племени именуют, как и родного, *табу* или *гунци*, в зависимости от того, старший он или младший. То же относится и ко всем родственникам. Вот так складываются родственные отношения между людьми одного племени и соседних племен. Для нас не существует чужих, т. е. людей без родства.

УБИЙСТВО СВЯЩЕННИКА ХОЛЛА

Первый миссионер появился на острове Морнингтон примерно в 1917 году. Им был преподобный Роберт Холл. Рассказывали, что это он построил дом миссии в Мапуне, на самом краю полуострова Кейп-Йорк. Позже Холл отправился на лодке вдоль южного берега, затем повернул на запад, к острову Морнингтон, и приступил там к строительству миссии.

Преодолев пролив между островами Денхэм и Морнингтон (возле одного из родников Марнбила), Холл обнаружил плодородные земли, пригодные для садоводства. С ним приехали несколько человек из племени *мапун*. Они разбили у родника лагерь и постепенно подружились с людьми нашего племени. Холл посадил кокосовые пальмы, дикие яблони, *пау-пау*, манго и разбил огород. Стали приходить люди, чтобы посмотреть, что он там делает. Им Холл читал проповеди.

Одним из близких друзей Холла был старейшина племени *джирргурумбанда*, лардилов северного ветра. Холл назвал его Питером и дал имена четырем его женам. Сына одной из них Питер посылал с Холлом в качестве проводника. Холл назвал его Галли Питерс. Теперь Галли — один из наших великих вождей.

Когда Холл объезжал острова, Галли всегда сопровождал его. С его помощью Холл знакомился с моими соплеменниками, их женами, узнавал, сколько жен у каждого, и всем давал имена. Моего отца он назвал Рафси, потому что слово Губалаталдин на нашем языке означает: «вода, вставшая на дыбы», или «бурное море».

Холл завез на остров лошадей и совершал на них длительные поездки в лес; навещал людей разных племен, давал им лекарства, привозил еду, одежду и одеяла. В течение почти трех лет все шло хорошо, но однажды ночью в лесу его убил человек из моего племе-

ни. Его звали Гидегал, что означает «луна». Он родился в наших краях, отца его звали Баданалин. А мать его Бингун была из рода янггарлов с острова Форсайт.

Старик Джимми Уолден (или по-нашему Налганду) из племени янггарлов с острова Форсайт, здравствующий и поныне, хорошо знал Гидегала. Он и помог полиции Берктауна поймать убийцу и его сообщников. Судя по рассказам старика, ему было около четырнадцати лет, когда Гидегал прошел обряд инициации. Вскоре после этого Уолден побывал с родителями на материке. Они отправились туда на плоту, посетили Берктаун и его большие скотоводческие фермы. Когда Джимми подрос, он стал работать кладовщиком на ферме Эскотт, которая принадлежала в то время Фрэнку Уолдену. Ферма находилась на реке Николсон, что впадает в залив Карпентария.

Старый Джимми рассказал мне, как он впервые повстречал Гидегала. Однажды вместе с хозяином они поехали в Берктаун за продуктами и по дороге встретили человека. Тот нес котелок, копье и воммеру¹. Это был Гидегал, который возвращался с юга, куда отгонял скот. Он говорил на хорошем английском языке. Работу Гидегал уже закончил, и сейчас у него была передышка.

Джимми Уолден взял Гидегала с собой и представил его сержанту Сканлану из полицейского участка Берктауна (здесь Джимми получал некоторые продукты). Позже Гидегал нашел работу на ферме Думаджи и два раза отгонял скот в Каджабби. Белые звали его Питер. Потом Джимми Уолден узнал, что Гидегал украл лошадь и седло и ускакал в Бейли-Пойнт, где был лагерь его сородичей. Там он хотел жениться на вдове брата, но не получил на это разрешения племени. Тогда Гидегал решил вернуться на остров Морнингтон. Но сначала он соорудил плот и направился на остров Форсайт, где встретил людей из племени своей матери, с которыми был знаком давно. Один из них, Джек-левша, решил ехать с Гидегалом, и они на плоту поплыли на остров Денхэм.

---

¹ В о м м е р а — копьёметалка, приспособление для бросания копья.

Абориген лудит рыбу копьём

Старик Барни Чарльз, тоже из рода янгарлов, живёт теперь на Морнингтоне. Он рассказал мне, как впервые повстречался с Гидегалом на Денхэме:

— Однажды утром я отправился на остров Денхэм, чтобы нарубить дров для «Утренней звезды», небольшого парусного судна, которым пользовались для перевозки грузов из Берктауна на остров Сэрсди. Еду обратно, вижу под деревьями сидят двое. Один из них Джек-левша. Он позвал меня: «Иди сюда, парень, познакомься со своим шурином Гидегалом. Он держал тебя на коленях, когда ты был маленьким, поэтому доводится тебе шурином».

Это старьё обычай — сажать детей на колени. Он означает следующее: если сажают девочку, то она выйдет замуж за того, кто её посадил, а если мальчика, то он имеет право жениться на сестре этого человека. Вот, что имел в виду Джек, когда назвал Гидегала шурином Барни.

— Я сошел на берег,— продолжал Барни,— подсел к ним, и Гидегал поведал мне, что возвращается домой навсегда. В то время миссия размещалась в одном доме, который священник Холл и его помощник Оуэнс построили для себя и своих семей. Днём я работал во дворе миссии, а на ночь уходил к родителям. Раза два-

три я встречал Гидегала, а потом он куда-то исчез. Наверное, ушел к своим в лес. Как-то раз утром я увидел, что священник Холл, Галли Питерс и Педди Мармис выводят вьючную, двух верховых лошадей и укладывают продукты в дорожные мешки. Я понял, что они собираются в лес. Я видел, как уехал священник Холл, помахав на прощание рукой миссис Холл, своему сыну Яну, мистеру Оуэну и всем нам. Я не знал, что вижу его последний раз. Они исчезли за деревьями, а я пошел и присел в тени. Мне было тогда, наверное, лет двенадцать. Я не умел говорить по-английски. Я был молод и многого не понимал.

Старик Педди Мармис тоже был проводником Холла и поехал вместе с Галли в эту последнюю поездку. Я спросил его, помнит ли он тот день. Вот что он рассказал:

«Мистер Холл решил ехать на север в Берри. Галли Питерс и я подготовили вьючную и двух верховых лошадей. Мы уложили продукты. Галли и я повели верховых лошадей, а еще один проводник — вьючную. Не успели мы заехать в лес, как встретили Гидегала и еще нескольких человек, направляющихся в сторону миссии. Один из них сказал, что Гидегал приходится мне дядей, правда, не родным, а по племени. Они остались в лесу, а мы поехали дальше. По дороге мы увидели улей. Когда я стал его срезать, то неожиданно увидел в кустах Гидегала и двух его товарищей. Я здорово испугался. Гидегал подошел к нам и попросил у Холла табаку, но Холл сказал: „Табак я вам дать не могу — не курю“. Мы продолжили свой путь, а Гидегал с приятелями остался лакомиться медом.

Так мы и ехали, пока не добрались до родника, где остановились, чтобы пообедать. Во время еды я оглянулся и снова увидел Гидегала с приятелями — Билли Вамбой и Майоллом Диком, они выглядывали из-за деревьев. Я сказал об этом Холлу. Он пригласил их к нам, но они сказали: „Нет, мы не можем выйти, мы голые“.

„Не нравится мне Гидегал,— сказал я священнику Холлу.— Мне кажется, он нехороший человек и может убить вас“. „Ничего, Педди,— ответил Холл.— Он только пугает тебя“.

Пообедав, мы упаковали вещи и снова отправились в

дорогу, не зная, следует за нами Гидегал или нет. Мы прибыли в Берри, когда солнце уже зашло, разбили лагерь и поужинали. Потом помогли Холлу натянуть москитную сетку, помолились и отправились на ночлег к родителям в лагерь, который находился неподалеку. Перед уходом я сказал священнику Холлу: „Мистер, пожалуй, нам лучше остаться с вами, а то Гидегал может прийти ночью и убить вас“. „Не надо, все в порядке, Педди и Галли,— ответил Холл.— Идите домой, он не убьет меня“.

Мы ушли к родителям в лагерь, который находился на берегу. Заснуть я не мог. Меня беспокоил Гидегал который ехал за нами весь день. Я был уверен, что нынешней ночью он попытается убить священника Холла. Поздно ночью Питер, отец Галли, услышал какой-то шум. „Буди всех,— закричал он.— Они, наверное, убивают его“. Однако никто не поднялся, так все были напуганы, и мы ушли спать.

На следующее утро я встал рано, чтобы развести костер и приготовить завтрак. Когда я подошел к лагерю, то увидел троих мужчин, сидящих подле тела священника Холла. Среди них был и Гидегал. Он сказал мне: „Ну, ну, не бойся, я же твой дядя. Я убил его. Он мертвый. Он не твой дядя“.

Я подошел поближе и увидел убитого топором священника Холла. Они нанесли удар, накрыв его москитной сеткой. С криком я кинулся назад: „Сюда, скорей, они убили священника Холла“. Прибежали люди с копьями и бумерангами. Они набросились на Гидегала. „Зачем ты убил его? Ты же знаешь, ведь за ним стоит много белых. Теперь они придут и убьют нас“.

Тогда человек по имени Куатор подошел к Гидегалу и начал осыпать его проклятиями. Они давно враждовали из-за женщины и, схватив нулла-нулла, кинулись в драку возле того места, где лежало тело священника. Долго они дрались, наконец, устали, крепко обняли друг друга и снова стали друзьями.

Гидегал послал двух женщин за лошадьми. Я увязался за ними. Скоро привели лошадей. Надев уздечку, Гидегал завязал один конец веревки вокруг шеи лошади, а другой набросил на шею священника. Лошадь тронулась и поволокла за собой мертвеца. Я горько плакал. Невозможно было смотреть, как волочилось по

земле тело моего хозяина. На нем была лишь фуфайка. Его оттащили подальше от лагеря, нашли песчаное место, вырыли неглубокую, фута на два, яму и закопали. Руки и ноги покойника остались торчать из земли. Я подумал, что сюда придут динго и накинутся на тело священника. Так оно и получилось. Я убедился в этом, когда через три недели приехал на это место с отрядом полиции из Берктауна».

Педди рассказал также, что после гибели священника Холла он и Галли Питерс со своими родителями ушли подальше, в Сандалвуд и обосновались там, потому что боялись возвращаться в миссию. О том, что потом произошло, нам поведал мой тесть Вильям Питерс.

Оказывается, после убийства священника Гидегал и двое его приятелей сели на лошадей и поскакали к миссии. Приехав туда, Гидегал, Билли Вамба и Майолл Дик собрали мужчин своего племени, чтобы напасть на дом миссии. Они запаслись огромным количеством копий и окружили дом, решив покончить с белыми, находившимися там, а потом проверить, что осталось из запасов в подвале.

Гидегал, Майолл Дик и с ними еще двое подкрались незаметно к дому и ударили мистера Оуэнса нулла-нулла. Он упал, но тут же вскочил и бросился на них с кулаками. Они пустились наутек. Через некоторое время Гидегал снова подкрался сзади к мистеру Оуэнсу и выстрелом из пистолета, который ранее принадлежал священнику, ранил его в руку. Мистер Оуэнс повернулся, ударом кулака поверг Гидегала на землю и начал пинать ногами. Гидегалу удалось вскочить. Он убежал, бросив пистолет.

Госпожа Холл и госпожа Оуэнс, увидев, что Гидегал выстрелил в мистера Оуэнса, в страхе кинулись в дом. Мистер Оуэнс вернулся за оружием и приготовился отстреливаться от нападающих. Он проделал отверстия в стенах небольшого, состоящего всего из двух комнат дома, покрытого рифленным железом. Дом был расположен на большой песчаной гряде среди деревьев.

Десять дней Гидегал и его сородичи держали дом в осаде, изредка забрасывая его копьями. Однако осажденные были все время начеку и отпугивали нападавших, стреляя из ружей.

Через несколько дней парусник «Утренняя звезда», на котором доставляли в миссию запасы продовольствия, вернулся из Берктауна. На нем прибыл и мой тесть Вильям Питерс. Он-то и рассказал, как спасли осажденных:

«Мы плыли по каналу, направляясь к миссии. Смотрю, вдоль берега идет Гидегал. Приглядевшись повнимательнее, я понял, что он что-то натворил, потому что за поясом у него висел топорик. Гидегал крикнул нам: „Эй, дайте мне муки, чая и сахара. Я голоден“. „У нас ничего нет“, — отвечали мы, хотя всего у нас было много, но уж очень нам не понравился его вид.

Мы подплыли к миссии, и шкипер Лучу Джерусалим, малаец из Мапуна, приказал бросить якорь. Вместе со шкипером и еще одним парнем по имени Джо мы перебрались на шлюпке на берег и пошли в миссию. Кругом не было ни души. Стояла мертвая тишина. Мы поняли, что произошло что-то страшное. Ведь обычно все выбегали встречать „Утреннюю звезду“, когда она возвращалась. Подошли к дому. Тишина. Не видно было даже маленького сына Холла, который обычно играл во дворе.

Шкипер крикнул: „Эй, есть кто-нибудь в доме?“ Ответа не последовало. Потом госпожа Холл (должно быть, она увидела нас в отверстие, проделанное в стене) выбежала к нам и начала рассказывать. Она говорила, что дикари убили ее мужа, ранили господина Оуэнса в руку и пытались перебить их всех. Шкипер Лучу обнял госпожу Холл. Они заплакали. Услышав о том, что натворили наши сородичи, мы с Джо ужасно испугались и хотели уйти. Но госпожа Холл увидела нас, подошла, взяла за руки и повела в дом.

Там мы вместе поплакали, а потом Лучу, Джо и я вернулись на „Утреннюю звезду“ и начали сгружать рис, муку, всякие железки. Работали дотемна. Ночью Лучу взял ружье и направил его ствол в сторону берега. Я предупредил, чтобы он был осторожнее и не стрелял до утра, иначе можно убить не того, кого нужно. Я напомнил ему, что стрелять нужно в Гидегала. Однако ночь прошла спокойно. Мы продолжали работать, а на следующий день разгрузка была закончена.

Теперь необходимо было запастись водой и топли-

вом для паровой машины. Потом мы взяли на борт госпожу Холл с сыном и господина Оуэнса с женой и отправились в Берктаун. Плыли всю ночь. На следующее утро мы добрались до Берктауна. Сойдя на берег, пошли в полицейский участок к сержанту Сканлону.

Весь следующий день запасались топливом, водой, крепили паруса и канаты. Когда я шел в участок за почтовым мешком, то повсюду встречал полицейских. Они искали людей, убивших священника Холла. К концу дня сержант Сканлон собрал отряд полицейских и приказал им отправиться со своими вещевыми мешками на „Утреннюю звезду“. Мы двигались по реке в полной темноте до тех пор, пока не начался отлив. Тут мы наскочили на мель.

На следующий день рано утром нам удалось снять судно, и мы вышли в открытое море и направились к острову Суирс, где заправились топливом и водой, а полицейские подстрелили там несколько коз и овец. Разбив палатки, пожарили мясо. На следующее утро поплыли к реке Дюгонь на остров Морнингтон. Полицейские собрались на совет. Некоторые предлагали пойти берегом и проникнуть в лагерь со стороны леса. В конце концов решили плыть на лодке.

Когда мы причалили к берегу, там собралось несколько человек. Сержант Сканлон приказал мне спросить у них, где находятся те, кто убил священника Холла. Мой отец, который оказался в это время на берегу, ответил, что убийцы в лагере.

Мне пришлось три раза гонять лодку, пока я не перевез на берег всех полицейских. Они хватали всех мужчин и надевали на них наручники. Некоторые говорили полицейским: — „Приятель, ты не того ловишь“, — и называли полицейским всех, кто бросал копыя в дом миссии. Их ловили и надевали на них наручники.

Основных виновников — Гидегала, Билли Вамбу и Майолла Дика — видели в лесу возле лагеря. Гидегала поймали. Майолл Дик бросился в воду и поплыл к острову Денхэм. Полицейские преследовали его на лодке и в конце концов поймали. Билли Вамбу добрые люди выследили в лесу. Он успел уйти от лагеря на несколько миль. Его привезли в полицию и тоже заковали в наручники. Всех пойманных связали одной цепью.

Вильям Питерс не пошел с полицейскими хоронить священника Холла. Он сказал мне, что там был Педди Мармис».

Вот рассказ Педди:

«Рано утром все было готово, чтобы отправиться в Берри. Полицейские взяли с собой арестованных. Они несли гроб. Весь день мы шли и добрались до места до наступления сумерек. Гидегала, Билли Вамбу и Майолла Дика привязали к большому дубу, и полицейские всю ночь по очереди сторожили их.

На следующий день мы нашли могилу Холла. Динго и вороны уже объели тело. Полицейские заставили убийц вырыть глубокую могилу. Тело священника Холла положили в гроб и похоронили. Весь день мы шли обратно. Всех, кто был причастен к убийству и участвовал в нападении на миссию, полицейские заковали в цепи и увезли в Нормантон».

Я спросил Педди Мармиса, был ли он вместе с полицейскими на суде в Нормантоне. Вот, что он рассказал мне:

«Полицейские увезли меня и Галли. Они хотели, чтобы мы сообщили, как был убит священник Холл. Мой отец, Чарли, тоже оказался в группе людей, которая бросала копья в дом миссии. Первыми в Нормантон выехали полицейские с узниками. Они пробыли там до начала суда. Затем мы все вместе уехали в Таунсвилл и задержались там надолго. Последний раз я видел Гидегала, Билли Вамбу и Майолла Дика в таунсвилльском суде. Их привезли туда из Стьюарт-Крика, из тюрьмы. Я вернулся в Нормантон после суда и вскоре нашел работу на гленорской животноводческой ферме. Там я прожил два или три года, а потом вернулся домой».

Так мне удалось услышать от своих родственников рассказ о смерти священника Холла. Трое убийц многого просто не понимали.

Незадолго до начала второй мировой войны домой вернулись некоторые из участников нападения на миссию. К тому времени все они были уже глубокими стариками. Среди них были Чарли, отец Педди Мармиса, Даррин и Барни. Все радовались их возвращению. Прежде всего они хотели знать, где их жены. Одному из стариков сказали, что его жена вышла замуж

за другого. У нее теперь трое детей, и, по нашему обычаю, ему предстояло отбить ее.

Я видел, как два старика встретились на солончаке, где обычно проходили схватки на глазах у всего племени. Каждый из них был вооружен двумя боевыми бумерангами и тяжелой нулла-нулла. С обеих сторон присутствовали родственники, готовые прийти на помощь в любую минуту. Сначала старейшина племени поворчал — ведь дело можно было уладить и без драки. Он всегда так делал, предупреждая, что, если один противник убьет другого, родственники погибшего захотят отомстить.

Затем старики разошлись по сторонам и стали бросать друг в друга бумеранги. Оба легко отбивали их с помощью нулла-нулла. Потом они сошлись и сразились нулла-нулла. Старики били друг друга по голове, ногам, рукам, прыгая по площадке. Каждому помогали два родственника. Они тоже были вооружены нулла-нулла и прикрывали ими своего родственника, как щитом, но наносить ответные удары не имели права. Когда бойцам досталось по несколько крепких ударов, борьба была прекращена. Так старик вернул себе жену.

Прошло много времени, прежде чем мы узнали о том, что случилось с Гидегалом. Оказывается, его увезли на юг, в Брисбен, и посадили в тюрьму, которая находится на острове в заливе Мортон. Гидегал пробыл там довольно долго, и ему это видно порядком надоело. Однажды он нашел большую лодку и поплыл на ней к материку. Стража обнаружила побег, когда Гидегал уже преодолел половину пути. Тюремщики кинулись за лодкой. Но не успели приблизиться, как Гидегал, взмахнув руками, скрылся под водой. Долго искали Гидегала, но так и не нашли. Решили, что его, должно быть, съела акула. Откуда преследователям было знать, что Гидегал прекрасно плавал под водой; при этом он выставлял на поверхность только нос, набирал воздух в легкие и снова нырял. Больше о нем ничего не было слышно.

Вот и вся история о священнике Холле и Гидегале. Сейчас на Морнингтоне построена церковь в память о первом миссионере. Я не был лично знаком с ним — священника убили в то время, когда я только появился на свет под сенью панданусов Гара Гара.

Убийство священника Холла напугало моих соплеменников, так как повлекло за собой крупные неприятности. Теперь они поняли, что белый человек обладает большой силой и придется ему подчиниться. На место Холла приехал другой миссионер — священник Вильсон с женой. Они построили школу, спальный корпус и убедили аборигенов оставить у них своих детей, чтобы те жили здесь и ходили в школу.

До сих пор я хорошо помню день, когда родители привезли меня в миссию. Мне было лет семь или восемь, и я еще не полностью осознавал происходящее, но чувствовал, что в моей жизни скоро произойдут большие перемены. Это меня пугало. Когда мы отправлялись в дальнюю дорогу, отец держал меня на плече, а я громко плакал.

Со страхом смотрел я на большое здание миссии. Но еще сильнее пугали меня смуглые и белые необычно одетые люди, почему-то проявлявшие ко мне большой интерес. Родители прожили со мной в миссии несколько дней, наверное, для того, чтобы дать мне возможность привыкнуть к новому месту. А потом наступило утро, когда я стоял возле школы, обнесенной металлической сеткой, и горько плакал, глядя, как мои взволнованные родители уходили в лес.

Вскоре я привык к новым порядкам. Все здесь называли меня Диком. У меня появилось трое приятелей — Перси, Дан и Дуглас. Мы все были примерно одного возраста и вскоре объединились в группу, чтобы давать отпор другим мальчишкам, взрослым аборигенам и даже миссионерам.

Священник Вильсон придавал дисциплине большое значение. Мы заучивали наизусть тексты из Библии.

Если случалось, что кто-либо из ребят воровал одежду или без разрешения таскал фрукты или овощи из

сада, его ожидала взбучка. Провинившегося клали на стол лицом вниз, четверо держали за руки и за ноги, а по голым ягодицам раз пятнадцать прохаживался ремень из резиновой трубки. До сих пор помню, какие рапы оставались после такой порки.

Жизнь была у нас тяжелой. Спали на полу, подстелив одеяла. Каждое утро около шести — подъем. Будильником служил ушат холодной воды. Затем мы носили воду и мыли полы в спальне. Это было необходимо, потому что маленькие мальчики мочились под себя. Одеяла мы вывешивали сушить на солнце. Потом выстраивались на работу, так как в противном случае можно было остаться без завтрака. Обычно мы собирали валежник, помогали в саду или выполняли какую-нибудь другую работу в миссии.

После завтрака до начала уроков мы вместе с девочками и сотрудниками миссии шли в церковь, на короткую службу. Нашей учительницей была г-жа Вильсон. Она заставляла нас изрядно трудиться весь день: писать на грифельных досках, заниматься арифметикой, учиться читать. Это была хорошая учительница и добрый человек. (Я никогда не забывал о ней и, когда через много лет приехал в Брисбен на свою первую большую выставку, я зашел навестить ее. Она тотчас узнала меня и даже вспомнила мое родовое имя — Губалаталдин).

Школьных каникул мы ждали, пожалуй, с большим нетерпением, чем белые ребята. В то время большинство аборигенов жило в лесах, на земле, принадлежащей их роду. Лишь немногие разбивали лагерь неподалеку от миссии. Наступало время каникул. Родители приезжали за своими детьми и на несколько дней располагались около миссии, чтобы повидаться с родственниками и друзьями, а затем разъехаться по домам. До чего же приятно было сбросить с себя одежду, вдоволь набегаться и помогать старшим собирать съедобные корни!

Вечерами мы сидели вокруг костра и слушали рассказы о давно прошедших временах. По ночам нас будил ритмичный перестук палочек и песни мужчин.

Но таких каникул в моей жизни было немного, ведь отец мой умер, когда я был еще подростком. Одни считали, что причиной смерти стал грипп (отец был уже

немолод), другие ссылались на *пури-пури*, то есть колдовство. С тех пор я проводил каникулы с матерью и ее родственниками или бродил по лесам со своим старшим братом Кенни.

Однажды, когда я жил дома, в нашем селении распространилась страшная глазная болезнь — трахома. Мы все ужасно мучились: веки распухли и воспалились. Многие старики впоследствии совсем ослепли. У меня и сейчас слабое зрение. Охотиться с больными глазами очень трудно. До сих пор помню, как мы голодали тогда.

Обычно старики все болезни лечили теплом. Однажды вечером мой в то время уже старый дядя сидел, склонившись над пылающим костром, оттянув нижние веки, чтобы как-то согреть глаза. Один из моих товарищей, который тоже сильно страдал от трахомы, прилежался по другую сторону костра. Когда он поднял голову, то увидел глаза старика и решил, что перед ним злой дух. Мой друг завопил и кинулся на несчастного старика с горящей головешкой. Потасовка продолжалась до тех пор, пока, наконец, не выяснилось, в чем дело.

Самым крупным событием за время моей учебы в школе был день, когда я впервые увидел самолет. Священник Вильсон часто переговаривался по радио с «летающим» доктором, который находился в Клонкарри. «Летающий» доктор велел Вильсону расчистить площадку, чтобы самолет мог приземлиться и взять на борт больных или раненых. Вильсон решил соорудить площадку на острове Денхэм, в нескольких сотнях ярдов от миссии.

В лес отправили людей собирать народ на строительство аэродрома. Стариков это известие взволновало; уж очень хотелось увидеть эту гигантскую птицу, которой управляет человек. Пришедшие на корчевку кустарника люди были одеты лишь в набедренные повязки с пришитой спереди полоской меха кенгуру. Женщинам раздали платья, но надевать их они не стали. Мы, мальчишки, тоже помогали взрослым. Однако, несмотря на наши старания, строительство полосы продолжалось более года.

Приближался день, когда должен был прилететь первый самолет, и нетерпение наше достигло предела.

В то время я и подумать не мог, что в один прекрасный день сам полечу на реактивном самолете в Канберру на выставку-продажу моих картин. Для меня день, когда я впервые увидел самолет, был более волнующим, чем тот, когда мы узнали о первом полете человека на Луну. Все старики пришли из леса и с нетерпением ждали наступления великого дня, но когда он, наконец, наступил, их не оказалось на аэродроме. Старики ушли решать собственные неотложные дела.

Самолет был небольшой, одномоторный, зато шум при его приземлении стоял страшный. Мы кинулись в кустарник. С лаем помчались собаки. Но вот мотор заглох, и мы, набравшись мужества, вышли из своего укрытия, чтобы приветствовать доктора Алана Викерса и известного тогда летчика, капитана Дональдсона. Они прилетели на этот раз не для того, чтобы лечить людей, а решили лишь опробовать посадочную полосу и оставить пока кое-какие медикаменты, необходимые для оказания первой помощи. Когда на лодке мы везли гостей в миссию через канал Аппелл, то услышали шум, доносившийся из деревни. Там дрались. Сразу же стало понятно, почему старики не пришли встречать первый самолет. В результате доктору Викаерсу пришлось изрядно поработать.

Вся кутерьма произошла из-за женщины, молодой жены Чарнджал. Мужчина, которого звали Гувада, пытался украсть жену Чарнджала, но молодая женщина отвергла его. Вскоре после этого она заболела и умерла. Тогда Чарнджал обвинил Гуваду в убийстве своей жены с помощью колдовства. Вот они-то и дрались нулла-нулла, бумерангами, и, конечно же, их родственники не остались в стороне. Драка перешла в изрядное побоище.

Потом к нам прилетало немало врачей, которые спасли жизни многим людям.

Однажды священник Вильсон позвал меня к себе и сказал, что учить меня дальше они не могут. Тогда мне было лет тринадцать-четырнадцать. Я учился в пятом классе. Это было все, что мне могла дать школа при миссии. Та же участь ждала и трех моих друзей. Настало время самим зарабатывать себе на жизнь. Дан, Дуглас и Перси ушли в лес к людям своего племени. Я же нанялся на три месяца пасти коров, принадле-

жащих миссии; иногда помогал плотникам, в общем, брался за любую работу. Потом я тоже ушел в лес и вернулся к той нелегкой жизни, какой жили мои предки.

Моя мать, старшие братья и родственники надеялись, что я внесу свою долю в общий котел. В лагере охотников лентяям не место. Дары моря — основная наша пища. Добывают ее мужчины. Женщины собирают устриц и моллюсков, выкапывают ямс, собирают орехи, фрукты и ягоды в зависимости от времени года.

Мы, молодые, обычно охотились самостоятельно. Вставали рано утром, отогревались у костра и обсуждали, куда отправиться. Завтракали, если оставалось что-либо от вчерашней трапезы, и шли на охоту лишь тогда, когда этого требовал желудок. Выросшие на море, мы живем по законам моря, подчиняясь его приливам и отливам. Иногда мы охотимся ночью.

По утрам, во время сильных отливов, мы отправлялись за крупными крабами, которые обычно прячутся в зарослях мангров¹; собирали устриц² на выступах рифов. Иногда с копьями и воммерами лучили на мелководье рыбу, черепах и скатов. Особенно вкусны были большие жирные моллюски. Открывали обычно раковины с помощью куска камня *муррава* и палочки *джилги*, а мясо складывали в маленькие миски из коры дерева. Делается это так: камень муррава, размером с гусиное яйцо, обрабатывают с одного конца, чтобы удобнее было им разбивать створки раковины. Затем раковину открывают похожей на заостренное копые палочкой джилги. Содержимое съедают или хранят в блюде из коры.

Иногда все — и мужчины, и женщины, и дети — забирались на скалы, ели устриц, разговаривали, смеялись, брызгались водой. Если на воде появлялась рябь — след крупной рыбы или ската-хвостокла, — то кто-нибудь из мужчин копьем приканчивал добычу, что вызывало всеобщее одобрение.

---

¹ Мангровые леса, или мангровы, — растительность низменных, затопляемых тропических побережий. Характерная особенность мангров — разветвленные, погруженные в ил корни.

² Устрицы (*Ostreidae*) — семейство двустворчатых моллюсков (около 25 видов). Некоторые виды имеют промысловое значение и употребляются в пищу сырыми (живыми).

Питаемся мы обычно в разное время, лишь тогда, когда что-нибудь подвернется. Рыбу жарим прямо на берегу — часть съедаем тут же, остальное завертываем в кору и относим в лагерь детям и старикам или раздаем тем, кому на рыбалке не повезло.

Старики знают о море и его обитателях буквально все: где и когда ловится лосось, где собираются косяки лобана³, луны-рыбы⁴, где прячется большая жирная треска. Самое интересное — это ловля рыбы ночью.

К ночи, когда должен начаться сильный отлив, мы тщательно готовимся весь день: мужчины отправляются к ближайшему болоту или ручью и нарезают длинные полоски коры, из которых делают факелы. Куски коры длиной от пяти до десяти футов складывают в пучки и перевязывают тонкими прутьями. Потом все рассаживаются у костров и ждут своего часа. Старики следят за положением звезд на небе и по ним точно определяют, когда начинать лов.

Первой на ночном небосклоне появляется Булдингу (Венера) — звезда женщин. Это значит, что пора разжигать костер. На нем будут готовить рыбу, которую принесут «звезды-мужчины», охотники. Эти звезды — Бидгину и Гидбу Булан — различаются на небе часам к десяти или позднее. На своих плечах они несут Йуле (Млечный Путь) — дорогу или тропу, по которой ночью пойдут охотники. Есть на этой дороге и место для стоянки, где хранятся волосяные пояса, бумеранги, копьа, нулла-нулла и многие другие предметы.

Появляются и другие звезды, такие как Нугувард, — Плеяды. Приход Плеяд предупреждает нас о перемене погоды, о том, что наступают холодные месяцы с сильными юго-восточными ветрами. В это же время можно видеть большие стаи тянущихся с юга на север караваяк, которых мы называем также Нугувард.

Когда на небе появляется Гидбу Булан, один из стариков идет взглянуть на воду. Если все идет правильно, мы забираем свои сети, зажигаем большие факелы и направляемся к заранее намеченному месту. Зайдя в воду по плечи, образуем полукруг. Тем временем двое

---

³ Л о б а н (*Mugil Cephalus*) — рыба семейства кефалей. Весит до 3,5 кг.

⁴ Л у н а - р ы б а (*Mola mola*) — рыба отряда сростночелюстных. Имеет высокое и сжатое с боков тело.

или трое наших соплеменников идут вдоль берега, колотят по воде руками и стараются произвести как можно больше шума. В тот момент, когда станет ясно, где находится косяк, мы раскидываем сети и начинаем окружать рыбу, постепенно замыкая круг. Каждый может загнать в свою сеть столько рыбы, сколько хватит сил вытащить. Часто нам удавалось вылавливать по тридцать-сорок штук трески и другой рыбы. Тогда вся ночь уходила на то, чтобы ее приготовить. Мы устраивали пиршество, потом целый день отсыпались, но к ночи были уже готовы снова отправиться на рыбалку.

Пять лет ушло у меня на учебу в школе белых, и теперь предстояло провести несколько лет в «школе предков», чтобы познать разные способы и законы охоты. Мы учились находить след черепахи на берегу после отлива, прутом или копьем прощупывая песок, и когда кончик оказывался мокрым, начинали копать и находили порой около сотни черепашьих яиц. Всякий раз, когда удавалось поймать дюгоня или морскую черепаху, у нас был повод отпраздновать это событие и потанцевать.

Все наши острова довольно равнинные, большинство поднимается не более чем на сто метров над уровнем моря. Самая высокая точка на острове Морнингтон достигает лишь пятисот футов. Острова окаймлены песчаными берегами, заросшими манграми, а дальше, за ними,—большие песчаные дюны, где есть пресная вода. Часть острова Морнингтон покрыта болотами, остальная поверхность представляет собой песчаную равнину или невысокие отроги железняка, поросшие буком и железными деревьями⁵.

В июне, июле и августе, когда дуют сильные юго-восточные ветры, на побережье холодно и неудобно. Рыба почти не ловится, мы уходим в глубь острова и разбиваем лагерь на берегу небольшого ручья или водоема, укрытого от ветра. Здесь хорошо ловить лещей, сомов, черепах. Кроме того, в это время года можно собирать морские лилии. Большая лагуна, в которой росли лилии, была избрана местом для проведения обрядов. Люди съезжались сюда со всех островов на

---

⁵ Железное дерево, или казуарина,—дерево из семейства казуариновых. Имеет очень твердую древесину.

Сбор устриц после отлива (рисунок Дика Рафси)

праздник, ели цветы, стебли и корни лилий. В это время года продолжалась охота на валлаби, динго, игуан, ящериц, змей, лягушек и птиц. На наших островах не водятся эму, кенгуру, опоссумы и ехидны — их истребили так давно, что в нашем языке им нет даже названий.

Рыбу мы загоняем в каменную западную или перегораживаем ручьи и заливчики ветками, обмазанными глиной. Когда начинается отлив, рыба не может уйти. Рыбу ловят также сетями или лучат копьями. В давние времена люди плавали на плотках вдоль рифов и копьями били дюгоней и черепах — самое вкусное для нас мясо. Я уже говорил, что в заливе Карпентария прилив и отлив бывает лишь раз в сутки, и когда отлив начинается ночью, на рыбную ловлю выходят с сетями. В расщелинах рифов над отметкой отлива устанавливаются факелы из коры бумажного дерева⁶. Когда все готово, рыбаки начинают бить по воде, тогда

⁶ Бумажное дерево — название, применяемое к деревьям *Melaleuca Leucadendron*, а также *Callistemon*. Кора их легко делится на тонкие слои.

рыба, крабы, устрицы и другие панцирные прячутся в углубления в кораллах, на которые рыбаки набрасывают сети. Там их и ловят.

В наших лесах водится много всякой живности: тут и валлаби, и игуаны, и динго, и летучие лисицы⁷, и дикие индюки, и голуби, и утки, и другая дичь. В земле находим сладкие орехи, по величине не уступающие земляным, ямс, который мы называем *банги* (по вкусу он напоминает картошку, обычно его едят сырым); собираем маниок, орехи, фрукты, ягоды, дикий виноград, мурабин, ягоды джидалл, плоды мангров, мед диких пчел.

Большинство кореньев и ягод можно есть сырыми, но ямс, личинки цикад и мангровые плоды требуют специальной обработки: их толкут, а затем в течение месяца вымачивают. Только после этого их можно безбоязненно употреблять в пищу. Есть много законов, которым необходимо следовать, когда собираешься готовить пищу.

Так, наш закон не разрешает смешивать дары земли и моря, он даже запрещает готовить их на одном огне. То, что собрано на земле, нельзя брать с собой в море, а если поешь мяса валлаби, ящерицы или меда, то после этого в течение нескольких часов не следует выходить в море. За исполнением этого закона следит Тувату, змей-Радуга. Если кто-нибудь нарушит его, Тувату прогневается и пошлет духов *мулгри* в желудок провинившегося. Нестерпимая боль порой приводит его к смерти.

Есть еще и другой закон, который не разрешает считать двустворчатые раковины, когда их собираешь. Эти крупные моллюски, или, как мы их называем, *мулла*, ползают в иле во время прилива, а когда начинается отлив, они зарываются в прохладную мягкую тину; сверху при этом видны только их макушки. Женщины и дети собирают мулла в плетеные корзины.

За соблюдением этого закона наблюдает старик Гуридмун. Он каменный; голос его можно часто услышать в мангровых зарослях — Гуридмун кричит как болотная выпь. Если только он услышит, что кто-нибудь

---

⁷ Летучие лисицы — млекопитающие из подотряда крыланов. Питаются фруктами.

считает мулла, то подкрадывается, хватается свою жертву и мучает до тех пор, пока нарушитель закона не погибнет. Для него не имеет значения, кто этот нарушитель — мужчина, женщина или ребенок.

Однажды наша семья собирала мулла, и один из ребят нашел целую колонию. От радости он принялся считать их вслух. Моя жена Элси закричала на него. В ту же минуту мы услышали возглас старого Гуридуна: «Брум, б-р-у-м» и увидели, как задрожал кустарник. Мы побросали мулла и кинулись бежать через солончак, спотыкаясь о корни деревьев, падая и вскрикивая от страха. Кое-как выбрались мы из кустарника и пробежали через солончак. Но тут я оглянулся и увидел, что мой дядя буквально валится на землю от смеха. Мы тоже расхохотались и... вернулись в лес.

С приходом ноября, когда гремят первые грозы, зацветают мангровы. Женщины собирают маленькие круглые фрукты и пекут их на раскаленных камнях в земляных печах, но даже после этого они ядовиты, поэтому их заворачивают в кору, складывают в корзинки и опускают дня на два в проточную воду. В воде плоды размокают и рыбешка объедает весь их верхний слой. После этого их вынимают из воды, толкут и получают зеленую кашу, которую теперь можно употреблять в пищу.

Земля, где растут мангры, принадлежит разным людям, и, если вы хотите свести с кем-нибудь счеты, нужно просто послать проклятие на его участок. Это делается так: берут горсть фруктов и бросают в южном направлении. На следующий день, когда владелец участка приходит собирать фрукты, на деревьях ничего нет — все плоды лежат на земле, завяли и в пищу уже не годятся.

В манграх водятся сотни больших летучих лисиц. Они забираются на самые высокие ветки и целыми днями спят, повиснув вниз головой. Когда на небе гаснут последние лучи солнца, лисицы разлетаются на поиски пищи. Они верещат и ссорятся в зарослях цветущих кустарников и плодовых деревьев, пока наступающий рассвет не заставит их возвратиться в свои убежища. Мясо летучих лисиц очень вкусное и считается у нас деликатесом. Оно темного цвета. Если мясо пролежит долго, то приобретает горьковатый привкус.

Летучие лисицы отличаются большой сообразительностью — они часто меняют свое жилище, чтобы надежно спрятаться от человека, динго и орлов, которые не прочь полакомиться их мясом.

Когда аборигены отправляются на поиски новых мест обитания летучих лисиц, то двигаются вдоль солончака через мангровые заросли, стараясь отыскать тропы, по которым шли динго.

Кроме того, местные жители ориентируются по гнездам морского белощеого орла *ярагара*, который обычно устраивается на большом дереве неподалеку от колонии лисиц. Почувствовав голод, орлан слетает вниз и хватается одну из них.

Но вот убежище лисиц найдено. Мужчины и мальчишки окружают дерево. Не давая опомниться спящим лисицам, они забрасывают их палками и бумерангами. Добычу сначала бросают в костер, чтобы опалить, а потом уже складывают в земляную печку и прикрывают ее, чтобы лисицы зажарились.

Маленьким мальчикам, готовящимся к инициации, не разрешается есть мясо летучих лисиц. Рассказывают, что давным-давно, еще во времена Сновидений, двух мальчиков *тарабаи* (то есть не прошедших инициации) послали на поиски колоний лисиц. В зарослях мангров ребята обнаружили стаю лисиц, но вместо того, чтобы вернуться в лагерь и позвать мужчин, они сами стали сбивать животных. Мальчики охотились до тех пор, пока не убили много лисиц. Потом они собрали их и хотели уже идти в лагерь, как вдруг, откуда ни возьмись, к ним подошел старик и попросил поделиться добычей. Мальчики ничего не дали ему. Старик, видимо, понял, что ребята — тарабаи, и ушел.

Неожиданно мальчики заметили, что на дереве совсем низко висит большая летучая лисица. Они сбили ее с ветки и начали колотить по голове, но когда наклонились над ней, чтобы поднять, то лисица ожила. Оказалось, что это был не кто иной, как старик Тувату, змей-Радуга. Он схватил ребят и поднялся высоко в небо, прямо к Млечному Пути, где дети и остались, превратившись в два луча света. С тех пор мальчикам, не прошедшим инициацию, не разрешается употреблять в пищу мясо летучих лисиц.

Самое крупное животное, на которое мы охотимся,

это *гандабул* — дюгонь. Его мясо — очень вкусное. В жареном виде оно напоминает свинину. Попадаются особи огромных размеров, по десяти футов в длину. У самок две груди, которыми они вскармливают детенышей.

Старики знают много разных способов охоты на дюгоней, но чаще пользуются двумя — ловят сетями или бьют копьями с плота. В сезон дождей во время прилива дюгони заходят в заливы и речушки полакомиться морской травой и мхом. Охотники наблюдают, как они поднимаются вверх по реке. По ночам можно услышать, как дюгони всплывают подышать воздухом. Вожак мягко посвистывает, следя за тем, чтобы стадо держалось вместе.

Когда в верховьях реки собирается большое стадо, охотники на плотках перекрывают устье реки крепкими (примерно тридцати футов в длину и пятнадцать в ширину) сетями, сплетенными из внутренней части коры розового дерева. Концы их крепятся к длинным шестам, один из которых вбивается в ил, а другой — в песок на отмели. Сети устанавливают впритык друг к другу, и таким образом глубокие проливы оказываются перекрытыми.

Когда все подготовлено, несколько охотников на плотках спускаются вниз по реке, колотя палками по воде, создавая при этом как можно больше шума. Напуганные дюгони, устремляются в открытое море. Когда дюгонь ударяется о сеть, охотники чуть-чуть приспускают ее, и животное запутывается. Дюгоней убивают копьями или дают им утонуть, а потом вытаскивают на берег.

Мой старший брат Тунгулминдуга, или Кенни (как его теперь называют), рассказал об одной большой охоте на дюгоней. Случилось это много лет назад, когда люди моего племени еще жили на своих землях.

Как-то ранним утром брата послали на реку посмотреть, нет ли на мелководье рыбы, черепах или дюгоней. Он прибежал, запыхавшись, и, волнуясь, сообщил, что в заливе за песчаной косой в западню попало стадо дюгоней. Мужчины бросились на берег. Дюгони пытались перепрыгнуть через косу и уйти в глубокую воду. Но тут охотники начали копьями бить животных. Мой отец Губалаталдин вонзил копье в одного дюгоня, а дед Дигайленнал убил еще двух; на долю

Абориген с копьем

старого Джуриналина пришлось четыре. Несколько дюгоней поймали сетями. Вскоре все стадо было перебито.

Старики смеялись, пели и приплясывали вокруг добычи. Теперь-то еды хватит на много дней, и не только для нашей семейной группы. Юношей угостили жареной печенью дюгоня и отправили собирать всех людей племени ларумбанда, людей южного ветра. Старики

же, женщины и дети собирали в это время хворост и камни для больших земляных печей.

В песке вырыли ямы и обложили их раскаленными камнями. Туда накидали зеленых веток, а сверху уложили куски мяса, прикрыли широкими полосами коры и засыпали песком, чтобы мясо жарилось в собственном соку.

На праздник пришло все племя ларумбанда. Пиршество продолжалось много дней, и каждый вечер мы устраивали танцы у костра. Когда кому-нибудь хотелось поесть, он открывал печь, отрезал кусок по своему вкусу, и, чтобы мясо не охлаждалось, снова ее закрывал. Правда, после столь длительного пребывания на огне мясо становилось твердым, как дерево, но это никого не смущало; его отбивали палками, оно становилось мягким и снова можно было есть вволю. Ни кусточка не пропадало даром.

Теперь же мы охотимся на дюгоней на шлюпках. У некоторых даже есть лодки с подвесным мотором. И чаще всего вместо копья пользуемся гарпуном с отделяющимся наконечником (*van*), который прикрепляем к крепкому шнуру тридцати-сорока сажень⁸ в длину. Такая охота дело довольно опасное, и однажды ночью мой старший брат Бурруд чуть не погиб.

В зимние месяцы почти весь день свирепствует сильный юго-восточный ветер. К вечеру он обычно стихает, и море успокаивается до полуночи. Затем снова поднимается ветер. Поначалу он дует с запада, но постепенно усиливается и меняет направление. В период затишья мы и отправляемся охотиться на дюгоней.

Однажды вечером мы взяли долбленое каноэ моего двоюродного брата Питера, чтобы отправиться в море. Пришлось ждать, пока не уляжется ветер. Я помогал пока Питеру крепить тросы аутриггера, а мой брат Бурруд подготавливал гарпун и веревку. Ветер, наконец, стих. Мы вышли в море. Ночь была чудесной, сияла полная луна. Я сидел на корме и правил, Питер устроился посредине и старательно греб, а Бурруд, который был главным нашим охотником, расположился на носу. Рядом с ним лежали гарпун и смотанная веревка.

---

⁸ Морская сажень равна 182 см.

Сквозь заросли панданусов на берегу виднелся наш лагерь, доносился лай собак, слышались голоса женщин, баюкающих детей. В глубине острова при лунном свете люди праздновали корробори⁹.

Мы медленно плыли вдоль берега, иногда останавливались, прислушивались и вскоре различили тихое посвистывание старого дюгоня-вожака, которого у нас называют свистун. Он, как правило, крупнее остальных в стаде. Мы быстрее поплыли в ту сторону, откуда слышалось посвистывание, стараясь при этом двигаться бесшумно. Порой бросали весла, чтобы не уйти в сторону. Теперь дюгонь-свистун, видимо, был уже совсем близко.

— Скорей,— приказал Питер.— Вы вдвоем налегайте на весла. Там, около свистуна, должно быть, много дюгоней.

Подойдя близко к стаду, мы бросили весла, и течение вынесло нас прямо на дюгоней. Бурруд осторожно привстал, поднял гарпун и уже приготовился метнуть его. Вдруг он резко отпрянул, придерживая веревку, чтобы дюгонь не потащил нас за собой. Животное неожиданно вынырнуло возле лодки. Бурруд подался вперед и изо всех сил метнул гарпун. Раздался сильный всплеск. Дюгонь ударил хвостом по воде и, обдав нас брызгами, исчез в пучине вод. Я кинулся, чтобы помочь Бурруду удержать равновесие, но он внезапно исчез под водой. Дюгонь же стремительно тянул каное за собой, и вскоре не стало видно ни его, ни Бурруда. Минуты через две лодка неожиданно замедлила ход. Мы поняли: либо дюгонь порвал веревку, либо пошел на какую-то хитрость. Но тут мы увидели Бурруда. Он барахтался в воде прямо перед носом лодки. Его рука запуталась в веревке, и дюгонь долго тащил парня под водой. К счастью, веревка оборвалась, и Бурруду удалось выплыть. Мы втащили его в лодку и с ужасом увидели, что кисть руки была почти оторвана и болталась на сухожилии.

На берегу двое наших соплеменников Принс Эскотт и Пэдди Рид помогли нам перевязать Бурруда лоскутами разорванных рубашек и привязать руку к плоской дощечке. Потом много часов мы плыли обратно — везли

⁹ Корробори — праздник с плясками у австралийских аборигенов.

Бурруда в госпиталь миссии. Почти все время он был без сознания.

На следующее утро «летающий» доктор Гарри Сагтон появился в миссии и, сделав Бурруду несколько уколов, увез его с собой в больницу в Клонкарри. Благодаря усилиям этого врача мой брат сейчас снова полностью владеет рукой, хотя она и немного искривилась. Если бы не было ни доктора, ни миссии, как в давние времена, бедняга Бурруд расстался бы с рукой, а может быть даже и с жизнью. Но охоту на дюгоней он не оставил до сих пор.

На языке лардиллов старый дюгонь называется *гунарденетарр*, старая самка — *маренгур*, а молодая — *демингур*. Детеныша мы именуем *гатура мунида*. Когда дюгонь убит, надо еще правильно разделить его. Владельцу участка, на котором он пойман, принадлежат хвост и голова. Если в этот момент хозяина нет поблизости, его долю отдают ближайшему родственнику. Гребцу достается грудная часть; хозяину плота или каноэ — спинка, которую он делит с владельцами гарпуна и веревки. Гарпунер получает лишь небольшую часть. Иногда в дюгоне находят неродившегося детеныша, мясо которого разрешается есть только старикам. Для маленьких ребятишек это мясо не годится: будучи слишком мягким, оно не придаст детишкам сил.

Сезон ловли дюгоней длится с мая по август. В это время они собираются стадами на мелководье юго-западнее Морнингтона, чтобы полакомиться морской травой. Дюгонь роет траву так же, как и свиньи. Течение несет мутные потоки воды, по которым легко определить, где кормится это животное.

На эти месяцы приходится и период спаривания. На море часто слышны шумные всплески и посвистывание — это самцы преследуют самку. Порой за одной особью гонятся пять или шесть самцов. Чтобы избавиться от их преследований, самка забирается иногда на мелководье. У старых самцов спинки совсем белые, а мясо жесткое. Поэтому мы предпочитаем метать гарпун в молодых животных. Они отличаются темной окраской.

Как-то мы с Жако и Кенни попали на чудесный риф возле Тимбер-Пойнт. Там водятся устрицы, и мы ими лакомились. Вдруг Жако крикнул:

— Эй, да тут дюгони!

Мы осторожно подплыли к ним на лодке. У дюго-ней плохое зрение, зато обостренный слух. Они улавливают малейший звук даже на большом расстоянии. Жако стоял на носу лодки и держал гарпун наготове. Вдруг он резко наклонился, метнул гарпун в дюгоня, выпрямился и оказался в лодке прежде, чем начала раскручиваться веревка. Однако веревка даже не натянулась.

Мы были разочарованы и начали подшучивать над Жако из-за его промаха. Он же уверял нас, что гарпун ударился о что-то твердое, должно быть, это был риф.

Жако принялся вытягивать веревку и складывать ее кольцом на дно каноэ. Вдруг он закричал:

— Что-то тяжелое! Ну-ка посмотрите! Братцы мои, да я же дюгоня убил наповал.

Его гарпун пробил животному череп и смерть наступила мгновенно. В ту ночь Жако (Варрабуджера) с превеликим удовольствием рассказывал всем о своей удачной охоте и с наслаждением уплетал жареное мясо.

Однажды мне довелось охотиться на дюгоня, у которого в носу был гарпун. Животное не могло набрать в легкие достаточно воздуха и поэтому оказалось не в состоянии долго находиться под водой. Но сил у него от этого не стало меньше. Всякий раз, когда мы пытались набросить петлю на хвост дюгоня, он отчаянно сопротивлялся и чуть не утопил каноэ. В конце концов дюгонь разбил аутриггер, и нам пришлось перерезать веревку и отпустить его на свободу.

С помощью гарпуна мы добываем также и черепах. Старая черепаха не может долго тащить лодку — быстро выдыхается. Тогда мы втаскиваем ее в каноэ и переворачиваем на спину, а затем на берегу оставляем в тени деревьев. В таком положении черепаха может прожить несколько дней. Это единственный способ сохранить свежим ее мясо.

Черепahi чаще всего встречаются на мелководье. Их легко ловить на берегу, куда они приползают откладывать яйца. Черепahi добираются до мест, куда не доходит прилив, и роют несколько ямок. Несколько ямок они копают для того, чтобы труднее было найти их яйца. Вот мы и бродим по берегу с копьем и про-

шупываем песок до тех пор, пока острие не наткнется на яйца. Теперь их нетрудно откопать руками.

Очень вкусное мясо у динго-вахдун. Особенно любят его старики. В июле и августе у динго появляется потомство, и мы отправляемся на поиски щенков. Динго прячут своих щенят от *ярагара* — морского орла в норах, которые роют по берегам высохших ручьев. Мы разыскиваем жирных щенков. Это — отличное лакомство.

История появления динго на Морнингтоне очень интересна. Старики рассказывают, что первые динго пришли на остров, когда он был еще полуостровом и соединялся с материком. Говорят, что первые самец и самка динго пришли на холмы Баркли с запада. Оттуда они попали на север к Пойнт-Паркер, где и обосновались на солончаках. Это место называют Нгарвин. Если там устроить стоянку, уснуть не удастся — помешает вой собак.

Потом собаки покинули Нгарвин и направились вдоль полуострова на северо-восток. На полпути, там, где сейчас остров Форсайт, самец остановился на солончаке, оглянулся и окаменел. Так и стоит он до сих пор, оглядываясь на пройденный путь. Самка же добралась до вершины Чарли Буш Бей, которая расположена недалеко от самой высокой части полуострова. Там оценилась, и теперь на этом месте, которое также называется Нгарвин и принадлежит лардилам северного ветра, проводят обряды, посвященные динго. Историю о динго всегда рассказывает Дан Буш, потому что он — главный человек тотема динго.

Каменную статую динго с острова Форсайт кто-то из первых миссионеров отправил не то в Аделаиду, не то куда-то в другое место.

Самец и самка динго не расстаются всю жизнь и вместе воспитывают потомство. Самец приносит еду для своей подруги и детенышей. Когда щенки еще совсем маленькие, родители пережевывают для них пищу. Динго питаются валлаби, летучими лисицами, ящерицами, жуками, лягушками и кузнечиками. Не брезгают они дохлой рыбой и черепашьими яйцами, которые находят на берегу. Едят они также фрукты, ягоды и орехи.

Динго — прекрасные охотники на крупных ящериц, живущих в песчаных норах. Обычно дикие собаки хо-

рошо берут след ящериц благодаря их сильному запаху. Порой ящерица взбирается на дерево, но, как правило, она прячется от опасности в норе. Нужно действовать очень быстро, чтобы поймать ее. Стоит замешкаться, и ящерица уже скрылась. Тогда придется долго раскапывать нору.

Песчаные ящерицы, или *дарвул*, откладывают яйца в таких глубоких норах, что порой сами не могут выбраться обратно. Ящерицы откладывают по пять-шесть яиц одновременно и через несколько недель выходят на поверхность. Яйца лежат в земле в течение всего сезона дождей, а потом лопаются, и маленькие ящерки выползают наверх точно так же, как черепашки.

Мы употребляем в пищу *мулгаджи*, плащеносных ящериц, а также небольших ящериц — *бунгуд*.

Дикий мед для нас лакомство. В ноябре после первых дождей зацветает бук, и люди моего племени отправляются на поиски ульев маленьких диких пчел вонгабел. Ульи мы называем сахарным мешком — ведь мед такой сладкий! Можно наблюдать, как пчелы влетают в дупло и вылетают из него. Порою вход в маленький восковой тоннель напоминает воронку. Он так похож на ноздрю, что мы называем его носом сахарного мешка.

В поисках меда аборигены внимательно следят за маленькими черными ящерицами, которые часто живут на тех деревьях, где есть ульи. Ящерицы обычно сидят у входа в улей и ловят пчел. Если постучать по дереву, раздастся глухое жужжание. Когда днем на небе видна луна, то за медом лучше не ходить — в такое время пчелы улей не покидают.

Дерево с ульем обычно срубают. Если же оно очень велико, то вырезают отверстие под тем участком, откуда слышится жужжание пчел. Затем в него вводят прутик, по которому мед стекает в сосуд из коры.

Тот, кто найдет улей и проделает в дереве отверстие, не имеет права есть мед. Он должен позвать всех, кто в это время находится в лесу, и поделиться находкой. Если же он все-таки отведал меда, то его будут преследовать неудачи. Но обнаруживший мед первым получит свою долю, когда кто-то еще найдет мед. Этот закон существует для того, чтобы мед делился поровну между всеми.

Лучшая (т. е. задняя) часть улья называется *бурман*. Там самый вкусный мед. Его не разрешается есть близким родственникам, матери или сестре нашедшего. В пищу его может употреблять только тетя или двоюродная сестра. В дело идет все, что есть в улье. Воск в смеси со смолой железного дерева используют при изготовлении оружия.

Несмотря на то что остров Лангу-Нарнджи, где я родился, находится всего в нескольких сотнях ярдов от самого большого острова архипелага, пчелы на нем не водятся. Вот что рассказывают старики, объясняя, почему пчелы не могут долететь до Лангу-Нарнджи.

«В давние времена Яррагара, морской орел, и Буллебул, пятнистый скат-хвостокол, были людьми и приходились друг другу братьями. Однажды они пошли на рыбную ловлю, наловили много рыбы и отправились к Губира-Пойнт, чтобы там приготовить ее и как следует поесть.

Наелись они вдоволь, но у обоих разболелись головы и желудки. Они сидели на высоком красном утесе Губира-Пойнт, держась руками за головы, и стонали. Потом Буллебул сказал Яррагару: „Ты, брат, не должен был мне давать так много рыбы. Ты ведь знал, что у меня совсем маленький желудок!“ Яррагара ответил: „Сам виноват, не надо было жадничать!“

Они стонали и спорили до тех пор, пока не услышали за спиной все нарастающее жужжание. Вокруг кишели крошечные пчелки вонгабел. Они забрались им в волосы и бороды, расползлись по всему телу. Буллебул проклинал пчел, приказывал им убираться прочь и не беспокоить людей.

Но пчелы сказали ему: „Мы хотим перелететь на Лангу-Нарнджи. До нас доносится запах чудесных цветов“. „Вам туда не добраться,— ответил Буллебул.— Это слишком далеко. Вы упадете в воду и утонете“.

Однако пчелы все ползали по телу Буллебула и приговаривали: „Ты не остановишь нас, все равно полетим“.

Буллебул рассвирепел и прыгнул с утеса в море. Вонгабел полетели к острову, а Буллебул стал плескаться в них водой и сбил многих пчел. Оставшиеся в живых вернулись на Губира-Пойнт, где на утесе все еще сидел Яррагара. Вскоре к ним присоединились

другие пчелы, и все они в один голос жужжали, что им тоже хочется добраться до вкусных цветов.

Яррагара сказал пчелам, что перебираться на ту сторону не стоит, это слишком далеко, да и злой Буллебул может утопить их. Но вонгабел не стали его слушать и опять полетели через пролив. И вновь Буллебул плывал туда и обратно, плеская воду на пчел. Большая их часть утонула, и лишь отдельные пчелы вернулись к тому месту, где сидел Яррагара: „Я говорил вам,— сказал он.— Возвращайтесь домой и скажите всем вонгабел, что перелететь через пролив невозможно“».

Вот почему на моем острове Лангу-Нарнджи нет сахарных мешков. И по сей день сидит старый Яррагара на утесе у Губира-Пойнт, чтобы предупреждать пчел, а по вечерам можно видеть, как пятнистый скат Буллебул плещется и прыгает в проливе.

ПОСЛЕДНЯЯ БОРА

Теперь, после школы, мне и другим ребятам моего возраста надлежало готовиться к церемонии инициации. Однако миссионеры обратились к старейшинам с просьбой не проводить этих церемоний, так как считали их жестокими и вредными для здоровья. Миссионеры не могли понять того, как много значат для нас эти обряды. Старики испугались и растерялись, услышав такую просьбу, большинство же мальчишек ликовали, что им не придется переживать тяжкие испытания. Так получилось, что законы, завещанные нам Марнбиллом, Тувату и другими великими людьми, теперь перестали признавать, и старый уклад жизни постепенно уходит в прошлое.

Спустя много лет я принял участие в проведении последней церемонии инициации. Несмотря на то что мой брат Бурруд и я не прошли инициации, нам разрешили принять участие в обряде, поскольку мальчик, которого готовили, Помпей Уилсон, доводился нам свояком (я был женат на его сестре Элси). На наших с братом спинах лежал мальчик во время обрезания.

Однако я, пожалуй, расскажу историю церемонии инициации с того момента, когда еще во Времена Сновидений была проведена первая такая церемония.

Ее зарождение относится к тем временам, когда все животные, птицы, рыбы и другие существа были еще людьми. Позже они приняли свой теперешний облик и поселились в разных частях страны. Все эти животные, птицы и рыбы, по преданию, — распорядители церемоний инициации в тех местах, где обитают теперь. Они — наши тотемы. На земле нашего племени, включающей Лангу-Нарнджи и его окрестности, основным хозяином церемонии является красноклювый черно-белый кулик. Его зовут Гергаргул. Он носится туда и обратно по

берегу и рассказывает о том, что происходило во Времена Сновидений. Вот рассказ Гергаргула:

«Как-то собрались люди со всей территории племени, чтобы решить, кому из мальчиков пора проходить инициацию. Встреча эта происходила в месте, которое называется Гадугарлпа. Гидегал, человек-Луна, был главным распорядителем, а Лулнгурри, белый журавль, главным певцом.

Они решили подвергнуть инициации Галтарра, желтую треску. Гидегал приказал людям схватить его, повязать вокруг талии волосяной пояс, чтобы подготовить к превращению в мужчину. Они привели мальчика на площадку для ритуальных танцев и посадили вместе со взрослыми. А мужчины и женщины в это время пели и танцевали.

Лулнгурри не переставая пел свои песни.

„Нингула валана?“ („Кто первый?“) — крикнул Гидегал.

Первым в круг вышел Барракута, чтобы исполнить священный танец. Одного за другим вызывал Гидегал, а Лулнгурри продолжал петь свои песни.

Два дня и две ночи мужчины и женщины пели и танцевали. На утро третьего дня было совершено обрезание. Трое свояков Галтарра легли на землю лицами вниз, а его самого положили на них. Зять Галтарра Лулнгурри взмахнул ножом из шипа ската-хвостостола и отсек крайнюю плоть, затем завернул ее в кору чайного дерева (чтобы потом отдать мальчику). Женщины набрали веток и махали ими над мальчиком, чтобы сестры мальчика не почувствовали запаха крови.

Отцу мальчика, его матери и братьям, принимавшим участие в этом обряде, впоследствии запрещалось разговаривать со своим свояком Лулнгурри. А мальчику в течение многих месяцев вообще нельзя было ни с кем общаться, ему разрешалось объясняться лишь на языке жестов. И есть он мог только определенную пищу. Много для него было под запретом».

Начальный этап обряда обрезания мы называем *луругал*. Следующий и заключительный, снова связанный с надрезами, называется *варрама*. До появления у нас белых людей все мальчики проходили инициацию, но проводилась она только после того, как их матери, отцы и другие родственники считали своих детей под-

готовленными к ней, обычно ее разрешалось проводить, когда мальчик достигал примерно двенадцати лет. Ему ничего не говорили о предстоящей церемонии. Пока обсуждался вопрос о времени ритуала, ребенок должен был спать. Для этого его дяди закапывали в песок волосяной пояс на том месте, где он спал. У этого пояса, оказывается, есть песня, которая убаюкает мальчика.

Когда все приходили к единодушному решению, свояк будил мальчика, поднимал на ноги, возлагал руки на его голову и говорил:

— Отныне ты будешь вести себя тихо и спокойно. Не пытайся сопротивляться; мы хотим, чтобы ты стал взрослым мужчиной.

Иногда мальчик сопротивлялся, звал на помощь отца и мать, но никто не обращал на него внимания и, когда он понимал, что ему никто не поможет,— смирялся. Свояк откапывал волосяной пояс и надевал на мальчика.

Если мы в это время находились в обычном маленьком семейном лагере, то старейшины говорили:

— Это всего лишь маленький лагерь. Надо послать мальчика, чтобы он объехал остров и побывал у других людей.

Дядя мальчика (брат матери) и несколько мужчин возили его по землям племени. За это время его многому обучали, в том числе языку жестов, так как в течение полугода (или даже больше) после церемонии он не должен был ни с кем разговаривать.

Старики уверяли, что знали заранее, когда на мальчика надели волосяной пояс и когда он должен к ним приехать. Если после захода солнца на небе видны темные лучи, это верный признак того, что к ним едет мальчик.

Все радуются, когда, отдав все визиты, мальчик возвращается в свой лагерь. Старики собирают длинную траву, скатывают из нее большой мяч величиной с человеческую голову и перевязывают его волосяным шнуром. Потом каждый старается отбить этот мяч, как это делают во время игры в волейбол. Не знаю, когда и почему начинается игра, но играют в нее допоздна.

С наступлением темноты дети ложатся спать, а мальчика старики уводят на *галун*, площадку для обрядовых плясок, где будет проходить церемония. Маль-

чик сидит в кругу мужчин, певцы в это время поют священные песни *гугига*, а танцоры один за другим исполняют священный танец *бундари*, который не должна видеть ни одна женщина.

При исполнении этого танца во время обычного *корробори* колени как бы вибрируют из стороны в сторону в быстром ритме, а при исполнении бундари они перемещаются скорее сверху вниз.

Пение и танцы продолжаются всю следующую ночь, а под утро к ним присоединяются женщины, которые исполняют вместе с мужчинами несколько танцев, но танец бундари танцуют по-своему. Потом женщины возвращаются в лагерь, мужчины же продолжают танцевать. Через некоторое время один из них идет в лагерь, приводит одну из своих жен и все по очереди спят с ней. Остальные мужчины в свою очередь приводят своих жен для других. Воспользоваться милостью чужой жены и не предложить свою считается смертельным оскорблением. В этом случае драки не миновать.

Затем мужчины моются в большой бадье из коры, наполненной питьевой водой, которую потом выпивают, полагая, что она сделает их сильными.

На рассвете следующего дня трое будущих родственников мальчика ложатся лицами вниз на землю, а мальчика кладут на их спины. Свояк мальчика достает завернутый в кору чайного дерева нож из шипа ската-хвостокола, который водится на мелководье в тине. У такого ската плоский хвост с коротким острым шипом; другие виды скатов не подходят, так как их шипы ядовиты и мальчик при обрезании может погибнуть.

Свояк оттягивает крайнюю плоть, показывает нож мужчинам и отсекает ее, потом заворачивает в кору (которую впоследствии передадут мальчику), куда насыпана зола для того, чтобы она лучше сохранилась. После совершения обрезания мальчик встает на колени и наклоняется над ямой, в которой тлеет огонь, с тем, чтобы тепло помогло затянуть рану, а дым отогнал мух.

После церемонии мальчик некоторое время живет в уединении; он общается с помощью жестов и ест только определенную пищу, так как всякая другая делает его нечистым. Примерно в течение полугода он

находится под присмотром своего дяди, который открывает ему секреты охоты и обучает законам племени. Дядя показывает, как пользоваться копьем, нулла-нулла и другими видами оружия.

Мой шурин Вильям Питер как-то рассказал о том, что с ним произошло, когда он нарушил один из запретов на еду в период после инициации:

— Когда я был еще юношей и только что прошел церемонию боры, мне было запрещено есть скатов. Но однажды я проголодался, а под руку мне подвернулся только скат, которого я и убил копьем. Я съел ската, а кости и кожу спрятал. Но двое мужчин нашли их и рассказали всем об этом. Меня поколотили палками и нулла-нулла.

По прошествии шести месяцев свояк решает, что мальчик должен быть вознагражден за пройденное испытание. Его ведут к морю и разрешают искупаться. Когда мальчик выходит из воды, одна из женщин, принимавшая участие в первом этапе церемонии, покрывает его голову рыбацкой сетью. Отныне он имеет право рыбачить в море. Затем мальчика окуривают дымом и «чистят» ветками, чтобы он не оскорбил своих сестер по племени запахом крови.

В этот вечер снова исполняются танцы, и вновь мужчины танцуют священный бундари. На этот раз мальчика сажают напротив певца, который исполняет тотемные песни каждого мужчины, когда тот входит в круг. Мужчины, принимавшие участие в первой церемонии, танцуя, по очереди подходят к мальчику и кладут ему на колени подарки. Первый подарок — это высушенная крайняя плоть, завернутая в кору чайного дерева. Кроме этого ему дарят копыя, бумеранги, нулла-нулла, воммеру, сети и много другого. И, наконец, объявляют, какая девочка предназначена ему в жены. Этим заканчивается церемония.

Весь обряд инициации, в котором я принял участие, был проведен так же, как и в прежние времена. Мы исключили лишь ту часть, в которой раньше принимали участие женщины.

Следующая и последняя церемония носит название варрама. Мужчина проходит ее только по собственному желанию и, как правило, уже после того, как женился и отрастил бороду. В этом случае он обращается

к своим шуринам, которые сами уже варрама, и просит их провести эту церемонию.

Мужчины варрама уводят в лес посвящаемого, жена и дети которого остаются с его матерью или родственниками. При проведении этой церемонии обрезания мужчина стоит, заложив руки за шею. Ему дают волосяной мяч, который он прикусывает зубами, чтобы было легче перенести боль. Шурина посвящаемого встает перед ним на колени и острым каменным ножом делает надрез сверху вниз на глубину в полдюйма. Надрез заполняют глиной, чтобы он не сросся. Мужчина остается в лесу до тех пор, пока не поправится.

В течение этого времени его обучают тайному священному языку *дамин*, который известен только мужчинам варрама. В первый день он учится издавать новые для него звуки (нёбное шелканье с помощью языка, фыркание носом, свист и мычание). Изучаются многие звуки, которые мы слышим в природе. В первую очередь это «разговор маленьких рыбок», а потом «разговор крупных рыб». Но даже для меня этот язык самый необычный из всех, которые я когда-либо слышал.

Когда рана заживает, мужчина возвращается к своей семье. Но ему можно пока разговаривать только на языке дамин. Постепенно его жена начинает понимать этот язык, но ей не разрешается произносить на нем ни слова. Некоторым из старших женщин позволяют говорить на дамин, если они принимали участие в особой церемонии.

Единственным человеком, который мог разрешить мужчине говорить не только на дамин, был его шурина. Обычно это происходило не менее чем через два года. К тому времени мужчина уже знал дамин в совершенстве. Шурина смазывал кончик палки своим потом и подносил ее ко рту нового варрама и таким образом освобождал его от обязательств. Только после этого мужчине разрешалось вновь разговаривать как на дамин, так и на языке лардилов.

Старики говорят, что Марнбил создал язык дамин и всю эту церемонию для того, чтобы мужчины не вели себя, как животные, и не вступали в интимные связи с такими близкими родственницами, как сестры. Мужчины варрама уверены, что после этой церемонии женщины любят их еще больше, да и надрез будто бы по-

могает избавиться от недугов: если у старого варрама разболится поясница, он расковыривает надрез и выпускает «плохую кровь», облегчая боль.

Сейчас в живых осталось всего трое мужчин варрама. Когда уйдут они, с ними уйдут из жизни все наши старые законы и обычаи. Когда-нибудь исчезнет и язык лардилов, а вместе с ним и дамин. Некоторые наши законы и обычаи были хорошими, и мы еще пожалеем, что не сохранили их наравне с законами и обычаями христианства.

ЦЕРЕМОНИЯ НАВОДНЕНИЯ

Одним из самых великих людей варрама, который когда-либо жил на земле, был уроженец нашего острова Лангу-Нарнджи. Его звали Варренби. Это был отличный охотник, танцор и военный вождь моего народа. Много лет назад он возглавил борьбу с племенем янггарл. По сей день о нем поют много песен и славают предания.

Мы не знаем точно, когда он жил, сто или тысячу лет назад, но пока будет существовать хоть один лардил, его не забудут.

Однако прежде, чем я поведаю вам о Варренби, я должен объяснить, что такое церемония великого наводнения, которую на Лангу-Нарнджи создал Марнбил. Он завещал ее нам, чтобы мы могли вызывать наводнение и топить своих врагов. Наше племя всегда наводило страх на других, и нас считали ответственными за все те ужасные наводнения, которые случались в районе залива каждые несколько лет.

Многие острова Уэлсли как на севере, так и на юге — плоские. Самые возвышенные точки на них не достигают и ста футов. Материковая же часть близ залива Карпентария также очень низменная и часто затопляется. Сильные ветры, порой дующие по несколько дней подряд, влияют на течения и приливы. Порывистый юго-восточный ветер, относящий воду во время отлива, обнажает рифы и песчаные перешейки, которых не видно годами, а ураганный северо-западный, обычно возникающий во время циклона в устье залива, вызывает обильные приливы. В период ливней вся низменная часть острова на многие мили вокруг покрыта водой. При наводнении приходят в негодность водоемы в песках за дюнами — единственный источник пресной воды на многих островах.

Наши старики говорят, что наше племя обвиняют

Во всех наводнениях, хотя происходят они независимо от того, устраиваем мы церемонию или нет. Когда я еще был мальчиком, мне довелось видеть целые мешки с подарками, которые послали на Морнингтон люди племени янггарл, живущие близ Берктауна. Они просили нас не устраивать больше наводнений. Всего лишь несколько лет назад я присутствовал на собрании людей нашего племени, где решался вопрос о том, стоит ли вызывать наводнение. Один старик из племени ларумбанда, живущий в Думаджи на материке, прислал нам палочку-письмо и просил вызвать наводнение, чтобы наказать шестерых девушек, отказавшихся выходить замуж за мужчин, которым они предназначались.

Старый Варрабуджера, мой двоюродный брат,— руководитель церемонии наводнения — показал палочку-письмо всем людям нашего племени и спросил их мнение. Большинство присутствовавших высказались против наводнения. Варрабуджере сказали, что вокруг Думаджи нет возвышенности, где бы ни в чем не повинные люди могли найти убежище. Тогда он заявил:

— Ну ладно, мы не будем устраивать наводнение. Пожалуй, небольшой циклон, что пронесся там дня три назад, достаточно напугал этих девчонок.

Вполне возможно, что люди в Думаджи и в самом деле поверили, что маленький циклон был нашим ответом на их палочку-письмо. И все-таки я не думаю, что девушки вышли замуж за тех мужчин, которым были обещаны.

В старые времена, когда принималось решение о наводнении, чтобы наказать врагов племени ларумбанда, руководители церемонии обычно говорили:

— Хорошо. Но прежде нам нужно построить укрытия от непогоды на холме (высокая песчаная гряда, возвышающаяся над островом Лангу-Нарнджи) в Динглема.

Такие укрытия-хижины строят из палок, травы спинафлекс и небольших веток, а в больших раковинах хранят запасы пищи, пресной воды и дров.

Когда все подготовлено, распорядитель наводнения говорит:

— Ну, а теперь будем вызывать наводнение.

На следующий день двое принесут кору бумажного дерева, и две палки-копалки. Потом идут в Мундува —

специальное место, где есть волшебная белая глина *киал*.

Двое избранных отправляются в Мундува (центральная часть Лангу-Нарнджи), копают на берегу маленького крика глину и несут ее в корзинках из коры на берег Бинбурраган-Крик, а потом сворачивают к Лил-Лилта-Пойнт, где изготавливают палки для церемонии наводнения.

Размеры палок — четыре фута в длину и два дюйма в толщину. Один конец палки обмазывают тщательно смоченной глиной, а наконечнику придают овальную форму. Затем этот глиняный наконечник обматывают корой бумажного дерева и перевязывают льком из *мудуд*, веток прибрежного гибискуса¹. Палка-пакет называется *дулмиджал*. Если нужно вызвать очень большое наводнение, готовят две палки.

Когда дулмиджал готова, мужчины дожидаются отлива, который обнажит риф, соединяющий Лангу-Нарнджи с маленьким островком Вунунайя, лежащим примерно в полумиле от берега. Во время отлива они переходят на него и взбираются на северный выступ, где прячут дулмиджал в мелком кустарнике, растущем в расщелинах коралловой скалы. Потом они возвращаются на Динглема и ждут там большого отлива. Только тогда над водой выступает риф, дугой простирающийся более чем на полмили на восток от Вунунайи до места проведения церемонии наводнения. В этом коралловом рифе есть пять проходов.

Когда начинается большой отлив, посланцы возвращаются в Вунунайя и приносят дулмиджал из заветного места. Они размешивают киал водой и разрисовывают лица, тела, руки и ноги белыми полосами, которые должны олицетворять белую пену разбивающихся волн или, как говорят у нас, «зубы смеющегося моря». В этот момент нужно быть особенно настороже, чтобы вовремя предупредить возможное нападение тех, кто попытается остановить проведение церемонии.

Оба посланца идут затем на восток вдоль выступающего из воды рифа и несут с собой одну из двух дулмиджал. На их пути встречается несколько узких

¹ Гибискус (*Hibiscus heterophyllus*) — растение, корни и листья которого употреблялись в пищу аборигенами Северной Австралии.

и глубоких протоков. Посланцы обычно переплывают их и в конце концов добираются до места церемонии, которое называется Биджинайя-нарви или недоброе место.

Пять проходов в рифе всегда находятся под водой. Распорядитель церемонии берет дулмиджал, срывает куски коры с глиняного наконечника, проплывает под первой аркой, откалывая при этом кусочки глины и разбрасывая их в воде. Затем он выныривает, чтобы набрать воздух, и затем проплывает через второй проход. Вода от глины становится белой, как во время прибоя или наводнения.

Пока он плавает и разбрасывает глину, его товарищи стоят по пояс в воде на коралловом уступе и громко выкрикивают:

— *Вах, вах, вах!*

Обычно достаточно бывает проплыть под тремя арками, если только речь не идет о крупном наводнении. Старики считают, что в ином случае вода затопит страну и весь народ утонет.

Когда с этой частью церемонии закончено, люди возвращаются вдоль рифов в сторону Вунунайя и доходят до небольшой песчаной отмели, которая называется Гва-арган. Здесь оба посланца совершают заключительную часть церемонии наводнения. Они вброд доходят до берега, взбираются на песок и с распростертыми руками кричат, имитируя шум моря:

— *Вах, вах, вах! Ту-ту-ту-ту-ту-ту-ту! Вах, вах, вах! Ту-ту-ту-ту-ту!*

Продолжая выкрикивать, посланцы катаются по песку, словно большие волны, набегающие с ревом на берег.

Потом они поднимаются и, вытянув вперед руки, танцуют и подпрыгивают всю дорогу от Вунунайя до Лил-Лилта-Пойнт, продолжая выкрикивать по пути:

— *Вах, вах, вах!* Теперь те люди, наши враги, погибнут. Дюгони, черепахи, акулы — все погибнут. Придет большое наводнение и смоев вас с земли. Все должно погибнуть!

Из Лил-Лилта-Пойнт они идут через Лангу-Нарнджи до Дулгарнун-Пойнт и здесь покидают остров, чтобы пройти через отмель, образовавшуюся во время отлива, и присоединиться к тем, кто ожидает их в Динглема. Племя наблюдает за ними. Если полосы

на телах посланцев смыты, то это значит, что обряд совершен. Готовясь к приближающемуся наводнению, его заклинатели, вернувшись домой, не разговаривают со своими семьями.

Наводнение может начаться по-разному. Его может принести гигантская приливная волна при ясной погоде или серия волн, причем каждая последующая идет выше предыдущей. Но, как правило, оно начинается с циклона. Днем первым признаком его приближения служит огромный ореол вокруг солнца, а ночью — вокруг луны. Воздух становится знойным и неподвижным. Дышать трудно. Сгущаются тучи, темнеет, поднимается ветер — сначала легкий и чуть ощутимый, затем порывистый, становящийся с каждым часом все сильнее и сильнее. Начинается дождь, постепенно переходящий в ливень. Ветер налетает мощными порывами, потом стихает, и, словно лавина, обрушивается на землю дождь. И, наконец, слышатся отдаленные раскаты, которые раздаются все ближе и ближе, пока тучи, как черное покрывало, не окутают весь остров. Струи дождя подобны острым копьям. Они сокрушают даже кроны деревьев. Мои соплеменники жмутся друг к другу под укрытием из коры, пережидая, пока стихия не успокоится. Иногда гроза длится по нескольку дней.

Когда мои соплеменники увидят, что причинили врагу достаточно неприятностей, то собираются вместе и просят грозу прекратиться. Они собирают камни у кромки воды, разжигают большой костер и бросают их в огонь. Когда камни накаляются докрасна, заклинатели наводнения выгребают их один за другим корой бумажного дерева так, чтобы не обжечь руки, бегом относятся на берег и бросают в изгиб волны в тот момент, когда она набегаёт, чтобы обрушиться на берег. Они повторяют эту операцию до тех пор, пока не перекидают все камни. Тогда волны «знают», что им нужно уйти.

Если дождь не прекращается, создатели наводнения отгоняют его песнями:

*Мурри вилли вилли дурежа
Гуррада валда дурежа
Мурри вилли вилли дурежа
Ви-и-и-и-и!
Валгу билли билли*

Дай нам свет.
Пусть опять засияет солнце.

*Ярна бирра бирри
Валгу билли билли
Ярна бирра бирри.
Мунма гулайя мунма гулайя
Мунма гулайя мунма гулайя
Бу-у-у-у!
Мунго гура бури
Гурагура бур бунура
Гурамурра вули дагуррабор буду
Гурамурра вули, дагуррабор буду
Бу-у-у-у!
Йида блерри го вуна
Лилга бажж-жаж
Биррилга вунда
Лилга бажж-жаж
Биррилга вунда
Бу-у-у-у!*

Появись, солнце.
Покажись, радуга.

Выгляните, звезды.
Уходите, тучи.

Проснись, ветер.
Лишь маленький дождик
Моросит сейчас.

Когда бури и наводнения прекращаются, люди выбирают из своих укрытий и бродят по берегу вдоль рифов в поисках рыбы, дюгоней и черепах, выброшенных штормом.

Самое большое наводнение, о котором вспоминают мои соплеменники, произошло во времена великого война Варренби. Это был большой и сильный человек, он прошел полный обряд варрама и жил со своими двумя женами и соплеменниками на Лангу-Нарнджи.

На юго-восточной стороне острова есть большая песчаная гряда, поднимающаяся примерно на сто футов выше уровня моря. Близ вершины гряды находится коралловая скала, а в ней небольшая пещера. Когда начались проливные дожди, Варренби со своими людьми укрывался в ней.

Дождь лил много дней подряд, вода поднималась все выше и выше, затопляя низины. Люди удивлялись, откуда пришло наводнение, ведь они его не вызывали. Должно быть кто-то наслал его, чтобы наказать их, думали они.

Дождь лил, не давая возможности пойти на охоту или рыбалку. Плоты унесло в море, топливо кончилось, было холодно. А вода все поднималась. Незатопленной оставалась лишь песчаная гряда. И вдруг люди увидели, что они не одни. Спасаясь от наводнения, оказались на этом холме змеи, игуаны, ящерицы, крысы, сороконожки и птицы.

Поначалу люди питались сырым мясом, но потом, когда дождь стал утихать, они собрали прибитые к

берегу щепки, просушили их в пещере и принялись готовить еду. Там, где раньше паслись валлаби, теперь плавали рыбы, дюгони, черепахи. Но когда вода спала, многие обитатели моря остались в мелких заводях. Питаясь «дарами» урагана, Варренби и его люди поправились.

Глядя, как отступает вода, Варренби сказал своим людям:

— Не мы вызвали это ужасное наводнение, но все равно вина падет на нас, потому что место, где совершается церемония, принадлежит нам. Многие жители острова утонули, и теперь их родственники придут, чтобы отомстить. Нужно изготовить копья и бумеранги, сделать побольше нулла-нулла.

Еды было достаточно, и мужчины принялись за изготовление оружия для предстоящей битвы. Племя ларумбанда, скрывавшееся от наводнения на возвышенности Динглема, перебралось на Лангу-Нарнджи, чтобы присоединиться к Варренби и приумножить его отряд. Чтобы племя не застали врасплох, наблюдатель день и ночь следил за подходами со стороны Дулгарнун-Пойнт.

Прошел почти месяц. Мужчины готовились к предстоящему бою, а женщины тем временем собирали ракушки, крабов и все, что можно было употребить в пищу.

Однажды наблюдатель, следивший за местом возможной переправы, сообщил, что какой-то человек направляется к ним вброд. Варренби со своими людьми отправился на переговоры с незнакомцем. Оказалось, что он из рода янггарлов с острова Форсайт. Шел он мимо в поисках людей своего племени, унесенных наводнением. Незнакомцу дали поесть, а тем временем люди ларумбанда решали его судьбу. Варренби высказал следующее мнение:

— Этот человек дурно пахнет. Думаю, что он подослан янггарлами, чтобы разведать, сколько нас здесь. Его нужно убить.

Человеку янггарлов дали еще немного поесть, и в то время, когда он с жадностью уничтожал еду, Варренби пронзил его копьем. Тело бросили в море на съедение акулам.

Прошел еще месяц. К этому времени Варренби раз-

работал план, по которому каждый знал, что ему делать. Поэтому, когда прибежал мальчик и предупредил, что к ним направляется много людей, встретить их пошел только Варренби. Остальные спрятались. Варренби увидел большую группу разрисованных воинов. Они двигались вдоль невысоких скал. Воины шли, пританцовывая и подпрыгивая на ходу. Каждый исполнял свой тотемный танец журавля, чайки или морского окуня и имел с собой несколько копий и бумерангов.

Они заметили Варренби, стоявшего на месте переправы. В руках у него была лишь пара острог, которыми лучат рыбу. Когда воины подошли ближе, Варренби крикнул им:

— Люди, что привело вас сюда?

— Мы пришли, чтобы перебить все племя ларумбанда за то, что вы вызвали наводнение и погубили много людей,— закричали они в ответ.

Воины, разрисованные красками, танцевали, доводя себя до иступления. Они выкрикивали оскорбления в адрес Варренби и его соплеменников, выдергивали волосы из бороды и бросали их в сторону Варренби с тем, чтобы наслать на него смерть посредством магии.

Варренби вышел навстречу воинам и попытался объяснить им, что люди ларумбанда не вызывали никакого наводнения. Он притворился испуганным и попросил их уйти, оставить бедных ларумбанда в покое, ведь большинство их тоже погибли во время наводнения. Янггарлы не видели никаких следов, ведущих к переправе или от нее, и поверили Варренби. Нечего было бояться съезжившегося от страха Варренби и его двух острог. Осмелев, они решили убить нескольких мужчин и захватить в плен женщин и детей.

Тем временем Варренби подходил все ближе к янггарлам. При этом он размахивал руками и кричал, чтобы они убегали. Они ведь не знали, что Варренби бросает копьё дальше любого другого воина. По пути к ним Варренби все время прикидывал расстояние. Первое брошенное им копьё оказалось полной неожиданностью для янггарлов. Оно угодило своим зазубренным двузубцем прямо в горло одного из янггарлов, повергнув его на песок.

С криками янггарлы кинулись назад, на ходу прилаживая концы копий к крючкам воммеры. Варренби

тоже отступил. На бегу он увидёл, как копьё вонзилось возле него в тину. Варренби обернулся и, бросая вызов врагам, метнул свою вторую острогу. Она угодила бегущему воину в живот.

Могучий Варренби отступал с боем, оставляя за собой врагов на значительном расстоянии. На ходу он поворачивался, выжидал, пока копьё долетит до него, ловко отбивал его воммерой, затем выдергивал из земли, прилаживал к воммере и посылал обратно во врагов, а сам тем временем бежал в сторону Дулгарнун-Пойнт.

К тому времени, когда храбрый воин добрался до Дулгарнун-Пойнт, еще двое янггарлов корчились в тине, пронзенные копьями Варренби.

Раздались торжествующие крики. Когда янггарлы увидели, как из-за высокой травы поднялся юноша и побежал впереди Варренби, они решили, что людей ларумбанда осталось мало и бросились за этими двумя в погоню. Янггарлы бежали по небольшой покрытой травой долине между двумя длинными песчаными дюнами, бросая копья и бумеранги. Варренби остановился у пандануса, повернулся и выкрикнул несколько ругательств своим преследователям, прячась за деревом, как за щитом, от града копий и бумерангов.

Вот теперь стало ясно, что янггарлы попали в западню, причем почти все бумеранги и копья они сбросали в Варренби. Вместо воинственных криков они испустили испуганные вопли, когда увидели по обе стороны долины появившихся из-за травы людей, которые стали забрасывать врагов копьями и бумерангами. Пришельцы кинулись бежать из этой ловушки, но летящие со свистом копья и крутящиеся на лету бумеранги укладывали их на месте. Лишь одному удалось добежать до перешейка, однако и его Варренби, неутомимо продолжая преследование, догнал на отмели и прикончил копьем.

Люди ларумбанда проявили по отношению к янггарлам столько же милосердия, сколько получили бы от них, и поэтому, находя раненых, били их по головам нулла-нулла, пока не убили всех и не бросили на дно глубокой протоки.

После наводнения и последовавшей за этим битвы янггарлов осталось совсем немного. С тех пор они ни

разу не выступали против нас. В наши дни на Морнингтоне живет лишь несколько янггарлов.

Старики считают, что не стоило тогда уничтожать всех янггарлов, потому что их родной остров Форсайт расположен между Морнингтоном и материком, и когда племя янггарлов было многочисленным, они преграждали путь племенам с материка, совершавшим набеги на острова Уэлсли из-за женщин. После битвы с Варренби племя яниюла из Буралула стало часто вторгаться на плотях на остров Форсайт.

Когда я был еще совсем молодым, один старик рассказал мне, как однажды он и еще несколько лардилов разбили лагерь на Форсайте, куда ездили по торговым делам. Как-то ночью люди яниюла потихоньку прокрались на своих валпах к острову и неожиданно напали на них. Двое товарищей старика погибли, пронзенные копьями. Ему же удалось убежать. До рассвета он прятался среди скал, а потом на плоту добрался до острова Денхэм. Яниюла захватили всех женщин и увезли на материк.

Прослышав об этом, лардилы очень разгневались и решили отомстить. И когда яниюлы вновь пришли на их территорию, люди ларумбанда объединились с балумбанда и в большой схватке на острове Форсайт убили многих яниюла. Это произошло незадолго до прихода белых людей.

Старик рассказывал еще и о том, как впервые увидел корабль белых — небольшое судно, команда которого состояла всего лишь из нескольких человек. Вероятно, это был люгер².

Однажды, приехав на остров Форсайт навестить своих родственников из племени янггарлов, он увидел корабль, входящий в пролив Варакуруниал («Место морской капусты»). На шлюпке люди подошли к берегу и набрали пресной воды. В благодарность за то, что им разрешили воспользоваться колодцами, белые оставили жителям острова соленое мясо.

Корабль простоял на якоре в проливе всю ночь. Поздно ночью люди, наблюдавшие за ним с берега, увидели, как белые выкидывали куски соленого мяса

---

² Люгер — небольшое трехмачтовое судно с прямым парусным вооружением.

в море. Тем самым они нарушили закон, запрещающий бросать земную пищу в море. Аборигены решили, что Тувату, змей-Радуга, разгневаются за это на белых.

Ранним утром жители острова увидели странную картину: корабль неожиданно накренился и пошел ко дну. Рассказывают, что только две собаки выплыли на берег. Старики копьями прикончили их и съели. Они были уверены, что Тувату утащил корабль под воду и убил людей за то, что они нарушили обычай.

Когда мы охотимся на дюгоней и черепах близ острова Форсайт, я часто думаю о старом времени, когда племена нападали друг на друга и не доверяли друг другу. Даже могучий Варренби и тот в конце концов был убит, правда, не янгарлами, а лардилами северного ветра. Они обозлились на Варренби из-за женщин. Почти всегда женщины были причиной драк среди мужчин.

Как-то раз Варренби вышел поохотиться с копьем на рыбу. Тут к нему незаметно подобрался люди *джирргурумбанда*. Варренби сражался до последнего вздоха. Когда нашли его тело близ Гадманджилла-Пойнт, возле него лежало еще четверо убитых. Похоронили Варренби в песчаных дюнах за Дулгарнун, неподалеку от того места, где у нас состоялась великая битва после наводнения. Его имя и поныне живо в памяти людей.

Обычно перед началом корробори мы исполняем свои любимые песни, такие как *Маргура Варренби, Тарабаи, Маргура Варренби тарабаи, Бинди-бе Бинди-бе*. Как и во всех наших песнях, эти несколько слов гармонично повторяются снова и снова. В песне поется о первой жене Варренби — Маргуре, чье имя означает «Маленький валлаби, живущий на побережье». Она подшучивает над своим мужем, великим воином, называя его мальчиком, не прошедшим инициации, хочет уйти от него и вернуться домой, чтобы вновь увидеть, как поднимается дымок над горящей травой *бинди*.

Каждый раз, когда наступает время муссона, мы вспоминаем Варренби и великую битву. Мы надеемся, что такое наводнение никогда больше не повторится. Самое большое наводнение, которое мне довелось видеть, произошло в 1948 году. Рассказывают, что его вызвал человек из племени ларумбанда по имени Шил-

линг. Это он совершил церемонию наводнения, чтобы свести счеты с миссионером — священником Маккарти.

Все началось со скандала между Шиллингом и его женой. Она вела себя дерзко, и Шиллинг изрядно поколотил ее нулла-нулла. Таков закон племени, и все было бы хорошо, не пойди она в больницу миссии и не покажи медицинской сестре раны на голове. Священник Маккарти ужасно рассердился, увидев следы побоев, и пошел поговорить с Шиллингом. Они поскандалили, и все кончилось тем, что Шиллингу пришлось неделю отработать в саду миссии.

Сад находился за миссией, в старом русле соленой реки. Несколько лет назад миссионеры построили стену, перегородив рукав реки, чтобы их не заливало во время приливов. Прошли годы, дожди вымыли соли из почвы, и она стала пригодной для выращивания овощей и фруктов, таких как *пау-пау* и дикие яблоки. Мы никогда особенно не любили работать в саду, а Шиллинг просто возненавидел эту работу еще и потому, что считал наказание несправедливым. Каждый муж имеет право побить жену, если она дерзит. Поэтому пока старина Шиллинг целую неделю работал на солнце-пеке, у него зародился план отмщения миссионеру.

Закончив работу, Шиллинг собрал свои копья и ушел в лес. Он сказал всем, что пошел на охоту, а на самом деле отправился в родные края, к месту проведения церемонии наводнения. Он сходил в Мудуву за особой глиной, принес ее в Лил-Лилта-Пойнт и жил там до тех пор, пока не наступил отлив и можно было спокойно добраться до проходов в кораллах, чтобы провести церемонию наводнения.

Когда Шиллинг вернулся в миссию, которая находилась примерно в двадцати милях западнее Лангу-Нарнджи, то никому и словом не обмолвился о том, что вызвал наводнение. И лишь через несколько недель, когда появились первые признаки надвигающегося циклона, старый Шиллинг сказал людям, чтобы они ушли на возвышенность, так как он побывал в Биджайайл-нарви, в недобром месте.

Вскоре над заливом Карпентария с диким ревом пронесся ураган. Разразился страшный ливень. Несколько дней свирепствовали ветры. Вода поднялась выше уровня обычных сильных приливов. В разгар ура-

гана, когда ветер с корнем вырывал деревья и разрушал дома, а все попрятались где было можно, море вышло из берегов и смыло стену, окружающую сад.

Когда шторм затих и люди выбрались из своих укрытий, они увидели, что сада больше нет. Море утихло, а на отмели в русле реки копошились дюгоны, черепахи и рыбы, которые попали сюда, спасаясь от шторма. Людям представилась возможность попить после нескольких дней голода и холода.

Священник Маккарти не мог поверить, что Шиллинг «напел» этот страшный ураган, и поэтому не наказал его. Стену построили заново, и теперь там снова растет сад. Однако ураган кое в чем помог Маккарти. Несколько лет он пытался умиротворить племя кайадилт с Бентинка и Суирса, входящих в группу островов Южные Уэлсли (они находятся примерно в двадцати милях к юго-востоку от Морнингтона). Кайадилты — воинственное, довольно подозрительное племя. Во время урагана низменный остров Бентинк был затоплен, и колодцы с пресной водой разрушены. Воля кайадилтов была сломлена, и в конце концов их удалось привести на Морнингтон и поселить там. Ниже я еще расскажу о них, об этом народе с острова Бентинк.

ОПАСНОСТЬ ПУРИ-ПУРИ

В заливе Карпентария и на полуострове Кейп-Йорк убийство человека с помощью магических песен называется *пури-пури* или, как говорят старики, *лар-барбиди*. Они знают множество способов убить врага или наслать на него болезнь.

Мой двоюродный брат Большой Питер рассказал, как его обучали нацеливаться костью, петь песни и пользоваться различными способами, когда нужно было кого-нибудь убить. Кость, которую он мне показал, была остатком лапы *джабиру*, большого аиста. Ее нашли возле водоема. Я попросил Питера показать, как ею пользуются. Вот что он мне ответил:

— Видишь, там сидит человек. Я отпеваю его или насылаю на него проклятие. Неважно, вижу я его или нет. Во время пения я нацеливаюсь в него костью. Если песня выбрана правильно, тому человеку покажется, что в него попала пуля или камень. Боль с каждым днем будет усиливаться до тех пор, пока от человека останутся лишь кожа да кости, и пока он не умрет.

Среди нас есть люди, чьим тотемом является звезда. К ним относятся племена *нгарридбеланги* и *бунгаринайи*. Они песней вызывают падающую звезду, глаз Ту-вату, змея-Радуги. Ночью они стоят, глядя на небо, и в песне упоминают имя мужчины или женщины, которых хотят убить, и предсказывают, каким образом наступит смерть. Если во время пения они видят несколько падающих звезд, значит, все идет как надо. Дух падающей звезды входит в спящую жертву, и человек во сне видит того, кто песней вызывает падающую звезду или нацеливается в него костью. Он не может забыть этот сон, его все больше охватывает беспокойство, он тает на глазах и скоро умирает. Для того, чтобы вылечить, ему необходимо разыскать человека, которо-

го он видел во сне, и попросить новой песней изгнать падающую звезду из его груди или желудка.

Существует еще один вид пури-пури, так называемое *мунгура* — снятие почечного жира. Для этого нужно подкрасться к жертве сзади, ударить ее по затылку, чтобы человек потерял сознание. Затем на его спине ножом из раковины делается надрез и с почки снимается жир. В образовавшееся отверстие кладут камешки или траву и зашивают тоненьким стебельком. После этого поют песню, которая вызывает заживление раны, причем так, что разреза не будет видно. А через несколько дней мужчина или женщина, подвергнутые мунгура, заболевают и умирают.

Мне рассказывали о человеке, с которым это произошло. На место удаленного почечного жира ему положили спинку ящерицы. Когда через несколько дней в лесу нашли покойника, из его рта выскочила большая ящерица и убежала. Точно так же погиб один из великих охотников ларумбанда Буйюл, чьим тотемом была черепаха, старший брат Варрабуджера (или Жако). Все произошло из-за женщин.

Буйюл был великим охотником и метателем копья. Он почти все делал так же хорошо, как и Варренби. Он был высок, силен и к моменту гибели в его бороде почти не было седины. Буйюл прекрасно охотился на валлаби, подстерегая их прохладными вечерами, когда те выходили поесть и поиграть. Он обычно брал свои копья, обходил весь лагерь и спрашивал у всех жителей:

— Сколько валлаби нужно вашей семье?

— Нам две.

— Сколько вашей семье?

— Нам три.

— Отлично, я добуду их для вас. Только пришлите кого-нибудь, чтобы дотащить их до лагеря.

Буйюл подкрадывался к валлаби, метал копье и всегда попадал в цель. Валлаби внимательно следили за Буйюлом, наострив уши, готовые в любой момент скрыться в высокой траве, но их всюду настигало копье Буйюла. Он бросал его на расстояние более чем двести ярдов и охотился на валлаби до тех пор, пока не убивал нужное количество животных. Мужчины относили добычу в лагерь.

Обе жены Буйюла умерли совсем молодыми, и он пристрастился красть чужих жен. Обычно он поджидал их в лесу, где жены собирали ямс или фрукты. Его неоднократно ловили на месте преступления. Но он был большим, сильным, ловким, прекрасно владел копьем, и всегда ему удавалось бежать.

Однажды Буйюл собрал копья и якобы отправился на охоту. На самом деле ему хотелось повидаться в лесу с юной женой своего старшего брата Кулулардина. После встречи с женщиной он, не заходя в лагерь, действительно пошел на охоту.

Мужчины, которые тоже были на охоте, заметили следы Буйюла и пошли по ним. Они натолкнулись на отпечатки его коленей там, где он отдыхал с женой Кулулардина. Когда охотники вернулись в лагерь, они обо всем поведали Кулулардину. Но Буйюлу не сказали ни слова.

На следующий день Кулулардин и его двоюродный брат Мунджи пригласили Буйюла с собой на рыбалку. Во время отлива они перебрались на рифы и наловили там рыбы. Поскольку они ушли далеко от лагеря, то устали, решили поесть и зашли за дюны, чтобы жарить рыбу.

Кулулардин и Мунджи собирали хворост, а Буйюл подбирал камни и кору для земляной печи. Когда все было готово, Кулулардин попросил Буйюла разжечь костер с помощью палочек. Буйюл сел на землю, придавил ногой одну палочку, а другую вставил в желобок и начал ее вращать. Он запел песню творца огня, обращаясь к Дидмунджи, хозяину огня, с просьбой, чтобы костер разгорелся побыстрей.

— *Шу Дидмунджа — Шу Дидмунджа-Шу, ватта ватта ватта ватта*, — пел Буйюл.

Когда Буйюл наклонился. Мунджи подошел к нему сзади и ударил по затылку палкой. Буйюл упал, а Кулулардин стал его душить.

Буйюла не убили, он просто задохнулся и потерял сознание. Кулулардин и Мунджи положили его на землю, сделали надрез на спине и сняли жир с почек. Вместо жира они натолкали в надрез травы и зашили его тоненьким стебельком. Чтобы раны не было видно, они запели:

— *Шу руракака, шу руракака* (срастайся, срастай-

ся), — и пели до тех пор, пока от раны не осталось и следа.

Когда Буйюл пришел в себя, он не понял, что с ним случилось. Решил, что просто вздремнул. Он взял свою долю рыбы и вернулся в лагерь. Бедняга Буйюл вскоре заболел. Через несколько недель он умер.

Кулулардин и Мунджи попали в тюрьму по делу священника Холла, о котором я уже рассказывал. Они не принимали непосредственного участия в убийстве, но вместе с другими совершали набеги на усадьбу миссии, воровали еду и разные вещи. Они пробыли много лет на острове Палм, севернее Таунсвилла. Кулулардин там и скончался, а Мунджи вернулся умирать домой.

Существует еще один вид заклинания — *була-була*. Для була-була необходимо иметь несколько волос жертвы или еще что-нибудь, например кусок одежды, на котором остался пот мужчины или женщины. Волосы или одежду кладут между двух деревьев, которые в ветреную погоду трутся друг о друга. По мере того, как взятые у жертвы предметы будут перетираться в мелкий порошок, жизнь ее станет постепенно уходить из тела.

Во время поездок на мыс Йорк я видел много фигурок женщин и мужчин, нарисованных специально для пури-пури. Некоторые из них изображены вверх ногами, это означает, что они умерли или умрут вскоре. На Морнингтоне нет пещер, поэтому мои соплеменники вырезают фигурки мужчины или женщины, которых нужно убить, на гладкой коре дерева. Затем они пронзают фигурку копьем и поют заклинания, чтобы человек умер.

На материке, за Буралула, есть пещера. Она принадлежит племени яниюла, и на стене нарисована большая фигура мужчины с поднятыми руками. Под мышкой фигуры в скале виднеется дыра. Если чьи-нибудь волосы или пропитанную потом ткань положить в эту дыру и произнести заклинание, то тот человек через несколько недель умирает. Из-за этого на Морнингтоне как-то произошел большой скандал. Два человека сказали, что послали рубашку одного из моих двоюродных братьев с тем, чтобы ее положили в эту дыру. А после драки признались, что просто пошутили.

Есть еще и другой вид пури-пури. В этом случае

нужно потянуть рукой бороду, затем выбросить руку вперед в сторону врага и дуть на него, приговаривая:

— *Шу, шу, шу.*

Чтобы человек заболел сильнее, надо найти отпечаток его ног или ягодиц и, дернув себя за бороду, подуть на эти следы. Если отпечатки ног потыкать веточкой ямса, у несчастного заболят ноги.

Костью лапки джабиру нацеливаются на жертву, а клюв этой птицы используют для пури-пури.

Можно убить человека, собрав мокрый песок в том месте, где тот помочился, а также кусочки экскрементов. Затем надо сложить все это в короб из коры, нагреть на костре куски термитника или камни, положить на них пакетик, полить вокруг водой, чтобы загасить почти весь огонь, а потом засыпать песком, пока не перестанет идти дым. В этом случае жертва заболеет, ее кишки перестанут работать, и человек вскоре умрет.

Вера в пури-пури жива среди стариков, которым не довелось посещать школу. Они считают, что почти никто не умирает естественной смертью и все объясняют ларбарбиди. Если кого-то убило молнией, они тотчас вспоминают, что погибший недавно с кем-то поспорил или подрался и сам во всем виноват.

Я считаю, что смерть от пури-пури наступает только у верующих людей с плохой нервной системой. Если вы не верите в заклинания, вас ничто не тревожит — останетесь живы. Когда не станет стариков, о пури-пури забудут и наши дети будут жить спокойно.

Я как-то спросил одного старика, почему он не убил белого человека с помощью пури-пури. Тот ответил:

— Мы не можем убивать белых с помощью пури-пури. Ведь у них в теле много соли.

Я сказал ему, что теперь буду есть много соли, чтобы защитить себя от пури-пури.

Мы знаем много песен-заклинаний, которые поют не только затем, чтобы убивать, но и с тем, чтобы излечивать. У нас есть песни на все случаи жизни: вызывающие или прекращающие дождь, заставляющие женщину думать о вас, полюбить и даже прийти к вам. У нас есть воинственные песни; песни для изгнания злых духов; песни, уводящие души умерших в *Йили-Джилит-Ньеа* (Страну добра), что находится за Млечным Путем.

Если мужчину ранят копьем, его родственники ухаживают за ним. Они дезинфицируют рану глиной и поют для него:

— *Ме ял кей, ме ял кей, ме ял кей* («От удара копья поправляйся скорей»).

Если рана нанесена нулла-нулла, тут к месту песня:

— *Буджу юмбу юмбу юмбу юмбу* («От удара нулла-нулла поправляйся скорей»).

Я уже рассказывал о духах мулгри. Это наши тотемы. Самый главный среди них — старый Радуга, морской орел, рептилии и различные животные. У духов мулгри есть своя страна, а обитают они в море около нее.

Духи приходят в ярость, если кто-нибудь нарушает закон, например станет готовить дары моря и земли на одном костре или выйдет в море, отведав незадолго до этого плодов земли. Дух входит в желудок провинившегося и впивается в него зубами, причиняя ужасную боль. Нужно очень долго петь, чтобы изгнать мулгри. Иногда это не помогает, тогда человек гибнет. Галли Питерс рассказал мне о мулгри морского орла.

Несколько лет назад Галли со своими соплеменниками разбил лагерь в лесу. Одни отправились на рыбалку, а другие пошли на поиски съестного в лес. Человек по имени Дарвал вернулся с крупной игуаной и пакетом пальмовых орехов. Мы их называем *вахдид*, или лунная еда, потому что в сыром виде они очень ядовиты. Их нужно обжарить, растолочь, завернуть в кору и вымачивать в воде в течение месяца. Только после этого орехи можно употреблять в пищу. Задолго до этого Дарвал положил вымачивать несколько орехов.

Пока на костре жарилась игуана, он ел орехи. В это время прибежал человек и сообщил, что на мелководье застряла стая тунцов. Надо спешить туда с сетями и копьями. Это известие всех взбудоражило. Люди схватили сети, копья и бросились к морю. Дарвал побежал с ними тоже, продолжая жевать на ходу орехи. Рыбы наловили много, еехватило, чтобы накормить в лагере всех.

Все наелись вдоволь и пошли спать. Ночью Дарвалу стало плохо. У него сильно болел живот. Дарвал лежал на земле и громко стонал. Вокруг собрался народ,

Все спрашивали, что с ним случилось. Один предположил:

— Он сегодня ходил в лес. Наверное, его укусила змея.

Другой сказал:

— Нет, это не змея. Когда я прибежал звать всех к морю, он ел вахид. И даже там продолжал жевать.

Дарвал страшно мучился. Все подумали, что он умирает.

— Дарвал нарушил закон, в его желудок вошел мулгри морского орла ярагара,—сказал один старик.—Мы должны изгнать из него ярагара, или он умрет.

Около Дарвала с двух сторон встали по человеку и запели песню, пытаясь изгнать мулгри. Они пели все громче. Вот слова этой песни:

Я отпеваю твою голову, уходи.
Я отпеваю твои зубы, уходи.
Я отпеваю твою челюсть, уходи.
Я отпеваю твои зубы, уходи.
Я отпеваю твой позвоночник, уходи.

Песня должна была обессилить мулгри, чтобы он не сжимал зубы. Люди пели все громче. Голоса их были слышны на многие мили вокруг. Однако это не помогало. Дарвал лежал без сознания.

Старики решили испробовать другой способ. Они отнесли Дарвала на берег и положили у воды. К пальцу его ноги привязали длинный шнурок из человеческих волос, а конец опустили в море. Потом они снова встали на колени около Дарвала и запели, прося мулгри разжать зубы и по волосяному шнурку уйти в море.

Пели они долго. Вдруг на небе сверкнула падающая звезда. В тот же миг шнурок оборвался, а Дарвал начал стонать и метаться. Значит, мулгри ушел к себе в море.

Дарвала нельзя было оставлять возле моря, потому что мулгри мог собраться с силами и снова забраться в желудок. Дарвал пытался повернуть голову, чтобы взглянуть на море, но ему не дали этого сделать. Одного взгляда на море было бы достаточно, чтобы мулгри снова вселился в него.

Лагерь разбили подальше от моря. На следующий день Дарвалу стало лучше. Он пошел в лес и раскидал перья морского орла. После этого он выздоровел.

Старики знают также, как лечить от укуса змеи. Мой двоюродный брат Большой Питер рассказал, как его однажды укусила змея. Это произошло задолго до прихода миссионеров, когда он еще был мальчиком:

— Однажды мы вышли из лагеря и отправились в глубь острова. Поднялся сильный ветер. На море начался шторм; оно стало грязным. Пытаться добыть дюгоня, черепаху или рыбу было бесполезно, и мы пошли искать еду в лес. Дорога была длинной, и мы проходили весь день. Уже стемнело, когда добрались до новой стоянки. Я шел за своей старшей сестрой. Мы шагали по тропинке сквозь заросли высокой травы, как вдруг вокруг моей ноги обвилась змея. Отец кинулся на помощь. Он увидел, что змея успела укусить меня в левую ногу. Отец быстро перетянул ногу куском шнура, который всегда носил вокруг талии. Потом схватил *дунанга*, ракушечный нож, и, сделав надрез на месте укуса, высосал из раны яд. Отец отнес меня в лагерь, чтобы петь надо мной заклинания. Я прекрасно спал в ту ночь.

Тех, кого укусит змея, обычно несут к морю, чтобы сбить жар. Но мы были далеко от него, и на следующий день отец отнес меня на солончак, посадил в тень и обмазал ногу глиной. Когда родители уходили на добычу, за мной ухаживала сестра. Каждый вечер меня относили обратно в лагерь. Через несколько дней я поправился.

Глина у нас считалась одним из лучших лекарств. Ею обычно смазывали раны и болячки. Чтобы избавиться от боли в желудке, глину растворяли в воде и этот состав пили. Другим болеутоляющим средством при желудочных заболеваниях служили листья и кора гуттаперчевого дерева. Их толкли в раковине, потом заливали водой. Настойка действовала прекрасно. Листья *юнгуга* считались превосходным средством от боли в спине. Их нагревали на костре и прикладывали к спине или груди. Теплом вообще лечили многие болезни.

Гидегал, человек-Луна, жил когда-то на земле и слыл большим поклонником женщин. Они постоянно были у него на уме, и Гидегал сложил немало песен, чтобы завоевать их любовь. Гидегал создал священный обряд под названием *джаррада* и обучил ему других. Во время жаррады мужчина посвящает песню женщине, которую хочет взять в жены. Этот обряд сохранился и до наших дней. Мой старший брат Бурруд, которого также зовут Линдсей, — лучший певец лардилов. Наши мужчины часто приглашают его петь песни жаррады.

Если юноше приглянулась девушка и он хочет жениться на ней, молодой человек зовет своих близких родственников (мужчин) и уходит с ними в заросли, на священные земли. Там они устраивают ритуальный круг. Для этого мужчины расчищают на песке большую площадку и тщательно выравнивают ее. В середине площадки из комочков птичьего пуха, выкрашенных охрой и белой глиной, делают овал — символ женщины.

Перед овалом в землю втыкают высокий шест, который изображает фаллос. Его украшают перьями и раскрашивают. С шеста свешивается пучок бечевок, покрытых белым птичьим пухом, символизирующий извержение семени. По обе стороны овала в середине площадки выкапывают ямки такой же овальной формы с каемкой из красных перьев.

Мужчины разрисовывают тело белой и красной краской и украшают себя красным птичьим пухом. На груди и руках они рисуют свой тотем — Мулгри, а на бедрах — овальные символы женщины.

Когда все готово, влюбленный становится перед шестом, колени его согнуты, руки — на бедрах. Два родственника (дед и дядя), стоя на коленях возле овальных ямок и ритмично покачивая бедрами, поют любовные

песни. Каждую песню они повторяют несколько раз подряд. При этом вовсе не обязательно, чтобы девушка слышала песню. В это время она может находиться за много миль от места, где совершается ритуал.

Первая песня Гидегала должна привлечь к юноше внимание девушки. В ней воспевается сила и красота влюбленного. Задача второй песни — заставить девушку мечтать о влюбленном. В ней есть такие слова: «Гурадей Лардима, Гурадей Лардима, Гура Бинба Бинба» («Ты будешь мечтать обо мне во сне»). В третьей песне поется: «Булгири Румана Мунгира Гирано» («Ты будешь мечтать о моих ласках»).

Четвертая песня должна сделать юношу еще более красивым. Исполняя ее, он натирается специальным соком из корней кустарника, смешанным с жиром ящерицы.

Затем следуют другие песни. После их исполнения девушка уже не сможет оторвать глаз от юноши. Наутро ей будет казаться, что накануне у нее было любовное свидание. После заключительной песни девушка уже знает, что принадлежит теперь мужчине, который пел ей.

Песни Гидегала поют всю ночь и весь следующий день. Они повторяются снова и снова. Звуки их долетают до вечерней звезды, которая своим мерцанием напоминает девушке о влюбленном. Юноша поет о молнии, и девушке снится влюбленный в образе молнии. Ей становится тепло и радостно.

Песни джаррада, сложенные Гидегалом, всегда достигают цели. В сердце девушки приходит любовь, даже если певец прежде не нравился ей.

Есть много способов с помощью магических песен воздействовать на девушку и завоевать сердце избранницы. Можно запрятать песню в перья птицы, скажем в перья попугая, и тогда порыв ветра перенесет их к девушке; они пристанут к ее волосам или коже. Можно спрятать песню в палку-копалку¹ или сумку девушки. В этом случае песня приведет ее на место свидания в зарослях.

Великий Варренби сложил любовную песню, чтобы завоевать сердце Маргуры, женщины тотема валлаби,

¹ Палка-копалка — орудие аборигенов Австралии для выкапывания съестных корней и т. п.

и передал ее кузнечнику. Тот полетел к Маргуре и прыгнул к ней на колени. Девушка сбросила кузнечика, но на том месте, где он сидел, осталась капелька жидкости. Девушка почесала колено, жидкость проникла в тело, и она полюбила Варренби.

Есть свои любовные песни и у женщин. Они тоже уходят в заросли и совершают там священный обряд, чтобы привлечь к себе возлюбленного. Совсем недавно моя жена Элси рассказывала, как с помощью песен она вместе с другими женщинами пыталась прекратить ссоры между нашими соплеменниками.

Дело в том, что один из мужчин нашего племени, уже женатый, пел как-то песни джаррада в честь замужней женщины, и она стала его возлюбленной. Их отношения вызвали ссоры между людьми. Но влюбленные не желали расставаться. Тогда Элси вместе с другими пожилыми женщинами отправилась в заросли петь магические песни. Они прошагали около мили, пока не нашли место, откуда ветер дул в сторону жилища этого мужчины. Там они сели в кружок, обнажились до пояса, разрисовали плечи и груди красной и белой краской и украсили себя связками белых перьев. Затем женщины встали в круг и запели. Они пели, раскачиваясь вперед и назад; их колени тряслись, женщины били себя в грудь и приговаривали: «У-у-у, ты не должна любить этого мужчину!» Так продолжалось довольно долго. Затем они вернулись домой. Однако песни джаррада, которые пел мужчина, обладали слишком большой силой. Заклинания женщин не помогли. Его возлюбленная родила ребенка.

Женщины утверждают, что могут с помощью песен-заклинаний склонить мужчину к сожительству и заставить его расстаться с женой. Элси говорит, что она не прибегала к этим песням, чтобы добиться меня.

Человека, который поет песни чужой жене и уходит с ней, называют *гунджаулом* — беглецом. Если удастся его поймать или он сам решит вернуться, то ему приходится вступать в схватку с родственниками жены. Они не успокоятся, пока не отомстят. Беглянка же получает хорошую взбучку от мужа. Если она причинила уж очень много огорчений, муж может наказать ее *мунгином*.

Мунгин — тяжелое наказание. Муж приказывает же-

не уйти ночью в заросли и по очереди посылает к ней мужчин из числа тех, кто не приходится ему близким родственником. Каждый вручает мужу подарок, и бывает, что их набирается более двадцати. Неверная жена после такого наказания долго ходит подавленной.

Мой родич — старый Чарли — попытался стать гунджаулом. Он пел песни одной вдове, и они во время охоты встречались в зарослях.

Однажды во время школьных каникул все жили в лагере. Палатка вдовы была установлена рядом с палаткой Чарли и его жены, которая заподозрила что-то неладное и не отпускала мужа от себя. Он никак не мог отделаться от нее и изрядно соскучился по своей возлюбленной.

Как-то раз Чарли сказал жене, что очень устал на охоте, и ушел рано спать. Он сделал вид, что заснул и даже громко захрапел. Через какое-то время жена легла спать рядом с ним. Вскоре и она захрапела. Убедившись, что жена крепко спит, Чарли тихонько поднялся и, не переставая храпеть, стал осторожно пробираться к выходу. Вдруг жена резко повернулась на другой бок. Испуганный Чарли поскорее вернулся назад. Он внимательно всматривался в ее лицо. Кажется, жена все-таки спит. Тогда Чарли на цыпочках двинулся к выходу. Он уже нагнулся, чтобы выбраться наружу, как вдруг получил сильный удар дубинкой по спине. Оказывается, жена тоже притворялась, что спит. Бедняга Чарли завопил: — За что же ты бьешь меня? Я просто хотел воды зачерпнуть!

Но не тут-то было. Жена кричала, что он гунджаул и называла его другими бранными словами. В то же самое время она всю орудовала нулла-нулла. Старичок Чарли пришлось долго отсиживаться в зарослях и ждать, когда гнев жены чуточку поутихнет.

Больше всего легенд у нас рассказывают о Гидегале и змее-Радуге. Змей-Радуга Тувату управляет нашей жизнью, а после смерти мы сначала отправляемся к Гидегалу, человеку-Луне, и затем попадаем в Иили-Джилит-Нъеа.

Я уже рассказывал, что еще во Времена Сновидений Гидегал был главным устройтелем церемонии обрезания. Многие из ее участников покинули место церемонии и превратились в птиц, зверей, рыб и земноводных. Гидегал пересек остров Морнингтон и добрался до Лингала на мысе Спринт, где и поселился.

Однажды ночью Гидегал услышал сильный шум. Он пошел узнать, в чем дело, и увидел недалеко от своего жилья людей, ставших большим лагерем в Миррагаде. У них было корробори.

Гидегал подошел к костру и принялся подзадоривать танцоров:

— А ну, давай! Быстрее, так, чтобы пыль столбом пошла!

Те стали танцевать быстрее, и пыль действительно поднялась такая, что танцоры уже ничего не видели вокруг.

Гидегал увидел, что на костре жарится мясо дюгоня. Рядом сидела женщина и следила за его приготовлением.

— Сестра, дай мне кусочек мяса! — попросил Гидегал.

— Нет. Дюгонь предназначен для дяди, брата, племянника, двоюродного брата и отца, которые сейчас танцуют.

— Ну, дай мне совсем маленький кусочек. Я хочу только попробовать, — умолял Гидегал.

Женщина дала ему кусок, который он с жадностью

проглотил. Потом Гидегал снова начал подзадоривать танцоров:

— Быстрее, быстрее!

Поднимая клубы пыли, в бешеном ритме двигались ноги танцующих. Женщина так увлеклась этим зрелищем, что забыла обо всем на свете. А Гидегал тем временем принялся за еду. Он съел столько, сколько смог, схватил остатки и кинулся прочь. Тут женщина увидела, что Гидегал и мясо исчезли. Она позвала танцоров. Схватив копья, каменные топоры, бумеранги, они бросились догонять вора. След Гидегала вел в сторону поляны в мангровых зарослях. Преследователи разделились на две группы. Они решили бежать кружным путем, чтобы перехватить Гидегала на поляне. Но тот уже миновал ее. Тогда они снова разделились и направились к следующей поляне. И снова упустили Гидегала. Так они бегали от поляны к поляне, стараясь опередить Гидегала. Но каждый раз находили только следы вора. Наконец мужчины оказались на последней поляне. Следов нигде не было. Гидегал, видимо, запутался в болотах, заросших мангровыми. Преследователи решили ждать его здесь. Наконец Гидегал появился на поляне.

— Где наше мясо? — накинулись на него люди.

— Все мясо здесь. Я берегу его для вас, — спокойно отвечал Гидегал.

— Лжешь! Ты хотел забрать его себе. Вор!

Они бросились на него с копьями и кололи до тех пор, пока он не умер. Тогда люди разрубили тело Гидегала топорами на четыре части и закинули на небо. Назад эти куски уже не вернулись; так и поплыли они по небу.

И там, на небе, Гидегал снова ожил. Сначала он появился на западе сразу после захода солнца — тонкий и маленький. Он лежал на спине, словно дитя в колыбели. Затем начал расти, его живот округлялся, и вскоре он стал таким, каким был после того, как съел все мясо дюгоня. Потом Гидегал исчез. Когда же он появился вновь, то выглядел уже худым, сгорбленным стариком. С тех пор Гидегал вновь и вновь умирает и каждый раз снова возвращается к жизни. Красная камка вокруг луны на ущербе — это кровь Гидегала, которую он пролил, когда его убивали.

Теперь на месте стоянки Гидегала в Лингалё, у подножия высокого утеса прямо на берегу моря бьет источник. Во время прилива его накрывают волны. Тот, кто останавливается там, должен иметь достаточный запас воды на все время прилива. В течение нескольких месяцев вода бьет сильной струей. В это время ее называют *гидегалигун гулдид*. Здесь в море живет *мулгри* — злой дух Гидегала. Набирать воду из источника надо так, чтобы твоя тень не упала на струю воды, ибо в этом случае вокруг луны появятся огромные круги, что вызовет сильный шторм или циклон.

Злой дух Гидегала теперь живет в туннеле *Винджара-Баллат-Ньеа*, который ведет в страну Добра Йили-Джилит-Ньеа, куда люди отправляются после смерти. Если посмотреть вверх повнимательнее, то на Млечном Пути можно увидеть темное отверстие. Это вход в Винджара-Баллат-Ньеа.

По мнению наших предков, человека после смерти ожидает хорошая жизнь в Йили-Джилит-Ньеа. Но сначала дух умершего должен пройти через устрашающе темный проход Винджара-Баллат-Ньеа, и только после этого перед ним откроется страна Добра. Винджара-Баллат-Ньеа — это приблизительно то же самое, что ад для христиан: страшное место, куда попадает странствующая душа умершего. Там живут злые духи.

В старые времена в дом к умирающему приходили соплеменники, чтобы выполнить над ним соответствующий обряд.

Происходило это так. Умирающего клали под навес. Старейшины собирались вокруг него. Женщины рыдали, царапали себе лицо, грудь. Мужчины пели обрядовые песни и били себя по голове бумерангами. Старейшины, вожди племени, придвинувшись вплотную к умирающему (или умирающей), пели и молились, стараясь как-то облегчить его мучения и вернуть снова к жизни. Так они пели до тех пор, пока не убеждались, что человек умер. Тогда они с криками и плачем падали ничком на его тело. Старейшины собирались на совет и решали, как лучше похоронить покойника и чем была все-таки вызвана смерть. Если при жизни он был плохим человеком или убил кого-нибудь с помощью колдовства, то ему рыли могилу в земле.

Перед тем как предать покойника земле, ему сгиба-

ли ноги в коленях и руки в локтях. Телу придавали сидячее положение: колени подтягивали к подбородку, руки опускали. Покойника обвязывали волокнами из гибискуса и в таком положении хоронили, повернув лицом к востоку — в сторону Йили-Джилит-Ньеа. Все присутствовавшие верили, что дух покойника вернется на третий день. Поэтому на могиле для него оставляли раковину с водой, чтобы он мог утолить жажду. Вечером, перед тем как разойтись спать, один из стариков взывал к умершему: — Ты ушел и оставил нас, так почему же мы должны оплакивать тебя? Ведь при жизни ты был плохим человеком.

Но при этом все продолжали оплакивать усопшего.

На третий день к вечеру старейшины собирались вместе и шли к могиле. Они втыкали в нее большую ветку дерева, чтобы дух умершего получил тень. Потом хором призывали духа к могиле. Тот являлся, и старейшины начинали выяснять, кто повинен в смерти покойного. Они выкрикивали имена подозреваемых, и, когда звучало имя убийцы, его дух появлялся рядом с духом убитого. Люди спрашивали его, зачем он совершил убийство. Если покойный получил по заслугам, то убийца может быть даже прощен. Если же убитый был хорошим человеком и пострадал безвинно, его родственники постараются отомстить. Однажды я был свидетелем такого ожесточенного столкновения, хотя человек умер далеко от наших мест — на острове Палм.

Тому, кто прожил достойную жизнь, был отличным воином, охотником или старейшиной племени, устраивают *барабал* — «захоронение на помосте». Для этого в землю вкапываются четыре столба. Затем из палок, коры и травы сооружают помост и укладывают на него покойника. Он лежит на груди, голова приподнята и опирается на подбородок, так что он «смотрит» на восток — туда, где находится страна Йили-Джилит-Ньеа. Через носовую перегородку покойнику продергивают волосяной шнур *баррумбуд* и привязывают к столбику *юрубуд*. Считается, что дух, покидая тело, вылетает изо рта умершего и сразу же находит дорогу в Йили-Джилит-Ньеа.

Мужчины и женщины раскрашивают себя белой глиной, потому что белый цвет — это цвет духа покойника. Они поют и танцуют возле помоста. Духа тоже

приглашают принять участие в танце прощания. В песнях и танцах люди вспоминают ушедшие счастливые времена. В последней песне-заклинании они обращаются к духу:

— *Лингир моуриа — данга-тага рубиамара* («Отправляйся на восток, а здесь нас больше не тревожь»).

Это заклинание повторяют несколько раз. В это время один из мужчин подходит сзади к помосту и стучит по земле нулла-нулла, чтобы отогнать дух. По окончании церемонии, перед тем как вернуться в лагерь, на место захоронения ставят раковину с водой, чтобы дух мог попить в последний раз.

Под помостом может сидеть только мать покойного. Она натирается влагой, стекающей с трупа. Это должно помочь ей скорее зачать нового ребенка, который, конечно, будет таким же хорошим человеком, каким был ее умерший сын.

Когда от тела остаются одни высохшие кости, их заворачивают в кору. Родственники покойного на плечах относят сверток в лагерь. Там его помещают в дупло дерева. В течение многих лет имя умершего вслух не произносят. Иначе дух его может явиться и причинить людям много бед. Поэтому его называют *ярубуд* («этот умерший человек»).

Духи мертвых отправляются на восток к Иуле — Млечному Пути, где находится Винджара-Баллат-Ньеа — темный проход, ведущий в Иили-Джилит-Ньеа. Это владения Гидегала. Он живет в Винджара-Баллат-Ньеа с двумя женами — Гуриньей и Наригин. Гидегал сидит с ними в темноте и поджидает духов умерших.

О приближении духа возвещает птица *джельбель*. Гидегал слышит ее крик и приказывает одной из жен:

— Иди посмотри, кто-то идет. — Женщина встает, но тут Гидегал останавливает ее:

— Сиди, жена, я сам посмотрю.

Он берет копьё, запасается жиром дюгоня и идет навстречу пришельцу. Если это мужчина, то Гидегал грозит ему копьём и кричит:

— Ты не нравишься мне. Быстро проходи, не то проткну.

А сам возвращается к женам.

Снова кричит птица. Снова Гидегал велит жене пойти узнать, в чем дело. Но каждый раз, как только она

встает, он велит ей оставаться на месте и идет сам, прихватив с собой копьё и еду. Мужчин он всегда прогоняет, называет распутниками и грозит копьём. Гидегал хорошо помнит, что когда-то на земле мужчины кололи его копьями.

Но он помнит также и женщину, давшую ему мясо дюгоня. Когда появляется дух женщины, он говорит:

— Есть ли у тебя еда, бедная женщина?

Но у нее нет с собой ничего. Тогда Гидегал говорит:

— Я дам тебе еды — возьми жир дюгоня. Приляг здесь, ешь и ничего не бойся.

Пока женщина ест, Гидегал ласкает ее. Потом она уходит в страну Йили-Джилит-Ньеа.

Старые люди говорят, что у этой истории нет конца. Всякий раз, вернувшись в свой лагерь, Гидегал слышит крик птицы, возвещающей о появлении новых духов, которые идут нескончаемым потоком. Мужчин Гидегал всегда прогоняет, а женщинам дарит ласки и угощает.

На земле Гидегал слыл обжорой и любителем женщин. К тому же он был завистлив и любил портить людям охоту. Так же он действует и сейчас: появляется на небе днем, и тогда пчелы остаются в ульях. Гидегал мешает ловить рыбу и насылает ненастную погоду. Есть люди, которые прибегают к помощи Гидегала, стараясь испортить кому-нибудь охоту. Они машут нулла-нулла или бумерангом в сторону нарождающейся луны. Гидегал лишает тогда морской прилив силы или вызывает перемену погоды.

В темном царстве Винджара-Баллат-Ньеа живут и другие злые духи — *мулгуны*. Ночью они спускаются на землю, ловят людей в огромные сети и уносят, чтобы съесть.

В старом предании племени янггарлов рассказывается о том, как на острове Форсайт мулгуны поймали двух мальчиков *луруга*, то есть недавно подвергшихся обрезанию. Ребята били рыбу копьём. Затем они забрали свой улов и пошли в заросли, чтобы там приготовить себе еду. Пока они собирали хворост и траву, добывали огонь с помощью палочек, над ними все время чирикали две птицы. Мальчики, шутя, передразнивали их. Вдруг небо потемнело, подул сильный ветер.

Птицы превратились в страшных мулгунов, которые набросили на детей большую сеть. Один мулгун взлетел, унося с собой мальчиков, а второй остался, чтобы собрать траву и хворост.

Мулгуны прилетели на песчаную отмель и, оставив там сеть с ребятами, кинулись собирать валежник для костра, чтобы зажарить добычу. Мальчики нашли возле сети кусок раковины, прорезали дыру и выбрались на свободу. Мулгуны тем временем развели большой костер. Один из них пошел за мальчиками. Увидев, что ребята сбежали, мулгун позвал своего приятеля. Они стали страшно ругаться, обвинять друг друга и подрались горящими головешками. Шум и крики слышны были людям даже на Форсайте. В небе летали искры. Ребята прибежали на стоянку и сообщили, что за ними гонятся мулгуны. Взрослые надежно спрятали их под кусками коры бумажного дерева.

Мулгунам надоело ссориться, и они отправились на поиски мальчиков. Тяжело ступая ногами, они приговаривали:

— *Даннагурра, даннагурран, даннагурра* («Посмотрим здесь — поищем там»).

Следы мальчиков привели их на стоянку людей.

Мулгуны потребовали, чтобы им отдали мальчиков. Люди очень испугались, но притворились, что не понимают, о чем идет речь, и принесли двух младенцев. Мулгуны закричали:

— Мальчики слишком малы.

Тогда привели еще двоих.

— Эти слишком костлявы, — заявили они.

Так люди показывали одного за другим разных мальчиков до тех пор, пока разгневанные мулгуны не потребовали двух упитанных ребят, пригрозив при этом, что перебьют всех в случае неповиновения.

Люди сказали:

— Хорошо, отдадим вам мальчиков. Но прежде нагнитесь. Мы хотим хорошенько посмотреть на вас.

Как только мулгуны нагнулись, двое мужчин, схватив припрятанные копыя, вонзили их сзади в мулгунов.

Те с криком взлетели в воздух. Они поднимались все выше, пока совсем не исчезли. Только белое оперенье копий было видно еще некоторое время.

С тех пор мулгуны не заходят на стоянки людей.

Они подстерегают свою добычу ночью, когда кто-нибудь в одиночку выйдет в заросли.

Старик Карнджал, который живет здесь, рассказывал мне, как его однажды утащил мулгун: «У меня был удачный день — я принес домой много рыбы. Солнце клонилось к закату. Я сильно устал, съел две маленькие рыбки и лег спать. Проснулся поздно ночью. Вдруг мне на голову села огромная муха. Такие мухи живут вместе с мулгунами и служат им. Муха полетела в заросли, а меня почему-то потянуло за ней. Я просто не мог оставаться на месте, я почувствовал, что мне необходимо оправиться. В кустарнике, при лунном свете, я вдруг увидел, как какая-то тень упала на землю. Это меня накрыла огромная сеть. В следующее мгновение я уже был в воздухе. Внизу проносились деревья, показалась водная поверхность, и земля осталась где-то справа. Я напрягал зрение, стараясь разобрать, что за сила уносит меня, но успел рассмотреть лишь сеть. Я не увидел мулгуна. Он пронес меня вдоль берега до Вирриджара — места, где водится много усриц, и опустил на скалу. Наверное, меня собирались поджарить, но через мгновение я вновь оказался возле нашей стоянки.

Наши люди рассказали мне потом, что услышали мой крик и тотчас бросились с факелами на помощь. Они долго искали меня и все время пели песню, которая должна была напугать мулгуна. Наверное, эта песня подействовала, потому что меня нашли недалеко от стоянки. Я благополучно вернулся домой».

Существует и мулгун другого вида — злой дух, который вселяется в человека. Помню один случай из моего детства. Однажды вместе с родителями я сидел в тени дерева. Подошел человек и подсел к нам. Он был из племени лелумбанда (оттуда же родом и моя мать). Его звали Муонду. Взрослые долго беседовали. Потом Муонду поднялся и пошел дальше. Моя мать схватила горсть песка, бросила его на то место, где только что сидел Муонду, и сказала:

— Иди за ним, уйди, ты погубишь нас.

Я спросил, в чем дело.

— Этот человек — убийца, — объяснила мать. — В нем заключены *ларбарбиди* и *гигу-мулгун-диву*, которые убивают людей.

Ларбарбиди — это «колдовство», а гигу-мулгун-диву — «злые духи». Мать сказала, что в сердце этого человека живет мулгун. Если мы говорим так, то это значит, что речь идет о дурном человеке.

Итак, вы видите, что у нашего народа есть свои верования, обычаи и обряды — свой ад и свой рай. Знания, которые принесли с собой миссионеры, мало отличались от наших верований, но белые не хотели этого понять. Нашу веру они считали языческой и заставляли отказаться от нее. Так ли уж важно это теперь? Не знаю. Но я после смерти все так же надеюсь увидеть Страну Добра, и неважно, зовется ли она раем или Йили-Джилит-Ньеа¹.

---

¹ Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что тотемические и анимистические верования аборигенов и монотеистическая христианская религия классового общества мало чем отличаются друг от друга. Это различные и далеко отстоящие друг от друга этапы эволюции религии, хотя их и роднит вера в сверхъестественное.

ЛЮДИ ОСТРОВА БЕНТИНК

С высоких песчаных дюн Лангу-Нарнджи в ясный день видны низменные острова, расположенные милях в двадцати к югу от побережья. Это южная группа островов Уэлсли. Крупнейший из них — остров Бентинк — населяет племя кайадилт. В старые времена мои соплеменники не общались с кайадилтами: до их острова далеко, и на плоту туда не доберешься. Но иногда, когда кто-то из жителей Бентинка ловил рыбу, сильный юго-восточный ветер уносил плоты к острову Морнингтон.

Мой двоюродный брат, старый Варрабудгера, рассказывает, как лет пятьдесят назад, когда он был еще мальчишкой, двух кайадилтов выбросило на берег у Лангу-Нарнджи. У Варрабудгеры теперь английское имя — Жако Джейкобс. Его отца звали Бултуд.

Однажды ночью Бултуд отправился рыбачить на рифы. Был сезон *маррингин*, когда созревают плоды мангров и дуют сильные юго-восточные ветры. Около полуночи начался отлив, и все мужчины вышли с длинными факелами загонять рыбу в углубления в рифах. Для этого они громко били по воде руками, затем накрывали углубления сетками и, вытащив рыбу, убивали ее.

На рассвете Бултуд вернулся домой с уловом. Он испек рыбу в земляной печи и разделил между членами семьи. Бултуд улегся спать, а женщины отправились на болото за корнями *панджа*. Жако и другие ребяташки играли возле лагеря.

Спустя некоторое время Жако увидел двух странных людей, вытаскивавших на берег плот. Он прибежал домой и разбудил отца, который схватил копья и быстро направился к морю. Два чужестранца жестами выражали миролюбие. Они говорили на незнакомом языке и знаками показывали, что их ветром унесло с

Далкавалги, как они называли остров Бентинк. Они хотели переждать здесь, пока стихнет ветер, и потом вернуться домой.

Булдтуд привел гостей в свой лагерь, напоил, накормил рыбой и знаками объяснил, что они могут здесь отдохнуть, а позже расположиться стоянкой на соседнем мысу. Булдтуд пойдет и скажет соседям, что все в порядке. Чужестранцы же должны прийти на мыс, как только увидят на нем огонь. Там он покажет им колодец с водой. Захватив копья и воммеру, Булдтуд ушел.

Однако дружелюбие его было показным. Булдтуд решил убить пришельцев. Отойдя на почтительное расстояние, он побежал к большому лагерю, где было много мужчин из племени ларумбанда, и среди них — мой отец Губалаталдин. Булдтуд прибежал в лагерь и закричал:

— К нам пришли два чужака! Они могут украсть наших женщин! Надо убить их!

Он взбудоражил всех. Мужчины приготовили свои копья, бумеранги и нулла-нулла.

Булдтуд повел всех к мысу, где должны были расположиться лагерем кайадилты. Мужчины укрылись за песчаными дюнами у колодца, о котором Булдтуд говорил пришельцам. Когда он зажег сигнальный огонь, люди с Бентинка направились к нему, неся с собой воммеры — знак мира в чужой стране. Не имея копья, не убьешь никого. Но если в человека бросили копье, он может отразить его воммерой и затем запустить то же копье в нападающего. Булдтуд махнул пришельцам, пригласив их идти в сторону колодца. Они пошли к нему, но приблизившись к колодцу, забеспокоились. Возможно, они заметили следы на длинной желтой траве и мелком кустарнике, а может заметили людей, прятавшихся поблизости. Во всяком случае, они неожиданно повернули и бросились бежать. Люди ларумбанда ринулись за ними, на ходу бросая копья. Кайадилты отражали удары, поднимали копья с земли и метали их в преследователей. Такой бой продолжался до тех пор, пока двое ларумбанда не получили тяжелые раны, один в плечо, а другой в бедро.

Все это время Булдтуд прятался за песчаной дюной. Теперь он выбежал из укрытия и стал кричать, что

людей кайадилт нельзя убивать, поскольку они — его друзья. Встав между своими соплеменниками и чужестранцами, он принялся отражать нулла-нулла летящие в них копья. Дождь копий прекратился. Булдутуд направился к кайадилтам, призывая всех быть добрыми друзьями. Когда люди ларумбанда положили оружие на землю, кайадилты медленно пошли к ним навстречу. Но и на этот раз Булдутуд лукавил. Он подскочил сзади к кайадилтам и сбил их с ног своей нулла-нулла. Люди ларумбанда подбежали с копьями и несколькими ударами прикончили беспомощных чужестранцев. Тела их оттащили к морю и бросили акулам.

Жестокая история. Но в старые времена жизнь людей была тяжела. Порою на всех не хватало пищи, и за нее приходилось сражаться. Человек мог доверять только ближайшим родственникам; среди других людей всегда мог оказаться кто-нибудь, кто задумал убить тебя при первой возможности.

Кайадилты с острова Бентинк, янгарлы с Форсайта и югулда с ближней оконечности материка говорили почти на одном и том же языке, и я думаю, что когда-то все составляли одно племя. Остров Бентинк невелик. Он не мог прокормить большое число людей, поэтому чужестранцев всегда прогоняли или убивали. Так же, как и мы, они разделили свой остров на маленькие участки. Каждая семья жила и охотилась на своей территории. Питались они в основном дарами моря, поскольку на острове водились лишь птицы, да, в небольшом количестве, игуаны и другие ящерицы.

Старик из племени кайадилт (сейчас он живет на Морнингтоне) много рассказывал о своей жизни на острове Бентинк и о том, как он впервые увидел белых людей и их корабли. Это случилось в то время, когда на острове Суирс (по соседству с Бентинком) белые начали добычу гуано. Для рабочих построили маленький поселок, который назвали Карнарвон. Вот как старый Тадудганти, или Джек, как мы зовем его теперь, вспоминает эти дни.

«Белые люди разбили большой лагерь на Суирсе. Однажды они отправились на остров Бентинк за водой. Высадившись на берег, они сразу же открыли стрельбу. Мы решили, что это злые духи, и бежали на северную оконечность острова. С тех пор мы держались подаль-

ше от белых людей. Мы называли их *нарбиа* — „дьяволы из дьяволов“.

Через несколько лет белые покинули Суирс. Убедившись, что нарбиа ушли совсем, мы ночью переправились на остров на плотках. Я был еще совсем мальчиком, и мне поручили нести запасные копыя. Двое наших людей отправились в разведку: хотели выяснить, не остался ли на Суирсе еще кто-нибудь. Я шел за отцом позади всей группы. Прошли совсем немного. Вдруг один из разведчиков громко вскрикнул; и тут какое-то огромное животное, выскочив прямо на нас из темноты, бросилось прочь. Земля дрожала под его ногами. Перепугавшись насмерть, мы кинулись в кусты и долго еще оставались там, боясь высунуть нос. Наконец вернулись разведчики и сказали, что все спокойно. Они спросили, не попался ли нам страшный зверь. Оказывается, это была лошадь. Мы впервые видели ее.

На следующее утро мы пошли в поселок и обнаружили там много полезных для себя вещей: несколько топоришков, куски стали и гвозди, годившиеся на наконечники для копий. Вдруг мы увидели у колодца каких-то странных животных. Они были белые. На голове у каждого торчало по два колышка. Прежде мы никогда не встречали коз. Все решили, что их надо убить и съесть. Другого колодца на острове не было, поэтому мы разбили лагерь поблизости от него и каждый день убивали по три-четыре козы до тех пор, пока не перебили всех.

Пришла на водопой и лошадь, мы в ланике убежали. Однако после того, как коз не стало, решили убить и лошадь. Мы поджидали ее, спрятавшись в траве у колодца. Когда лошадь появилась, мы выскочили из засады и забросали ее копыями, но лошадь ускакала, хотя копыя торчали у нее с обоих боков. Мы, впрочем, были уверены, что она снова придет на водопой.

В следующий раз лошадь появилась ночью. Мы всадили в нее еще семь-восемь копий, но она снова ускакала. Так продолжалось несколько дней. В конце концов мы убили лошадь и устроили настоящий пир. Когда на Суирсе не осталось ничего съестного, пришлось вернуться на остров Бентинк».

Прошло много времени после посещения кайадилтами Суирса. Но вслед за ними на острове поселился бе-

лый человек по имени Маккензи. Он отпугивал людей с Бентинка выстрелами из ружья. Мы жили в лесу. Я был еще совсем маленьким, но помню, как однажды на мысу Ланбарбурин, где растет много панданусов, нашли прибитую волнами шлюпку, которая принадлежала Маккензи. Мой двоюродный брат Питер и другие ребята нашли в ней ружье. Питер решил поиграть и велел своей младшей сестренке пробираться по берегу, изображая собаку. Сам же он прицелился в девочку и нажал на курок. Ружье выстрелило. К счастью, пуля вырвала лишь клочок волос и содрала кожу с головы ребенка.

Первым из морнингтонцев, кто попытался завести друзей на Бентинке, был Галли Питерс. В те дни люгер «Утренняя звезда», принадлежавший миссии, доставлял нам продовольствие из Берктауна и с острова Четверга. Во время этих рейсов судно проходило вблизи Бентинка. Галли, служивший на люгере, решил высадиться на Бентинке и завязать знакомство с островитянами. Вот его рассказ:

«Мы шли в Берктаун за почтой и провизией. Утром оказались на траверзе Бентинка. Шкиперу Генри Льюису, уроженцу острова Четверга, я предложил бросить якорь у Бентинка и завязать дружбу с островитянами. Он согласился. С двумя товарищами я отправился на берег на ялике. Издали мы видели, как вдоль берега бежали люди. Они все время опускали копыя в воду, чтобы укрепить наконечники на древках. Это было недобрым знаком. Однако я не испугался. Я был молод и верил в удачу.

Когда мы пристали к берегу, там никого не оказалось. Я велел своим товарищам оставаться в лодке, а сам пошел на разведку. Я разделся донага, чтобы островитяне могли увидеть, что я прошел все обряды инициации, и направился к песчаным дюнам. Там я увидел толпу мужчин с копиями наготове. Они стояли молча, уставившись на меня. Я обратился к ним на языке племени янгарл, на котором говорят на острове Форсайт. „Опустите копыя — я пришел как друг“.

Копья опустились. Скоро мы подружались. Я сообщил им, что мы идем в Берктаун за провизией и на обратном пути найдем к ним и поделимся припасами.

Однако мы все же боялись, что жители Бентинка

могут устроить нам засаду. Поэтому, возвращаясь из Берктауна, мы бросили якорь вблизи берега. Несколько жителей Бентинка вплавь добрались до нас, и мы дали им бататов»¹.

Галли еще раз встретился с островитянами через несколько лет. На этот раз он отправился на Бентинк с собирателями морских моллюсков, на которых в то время был широкий спрос в Китае. Их находят на песчаном дне во время отлива. На Морнингтоне многие собирали моллюсков, разрезали, очищали их и раскладывали на проволочных решетках, под которыми разводили огонь и таким образом коптили моллюсков несколько дней. Хорошо высушенных моллюсков упаковывали и отправляли на остров Четверга.

Когда моллюсков на песчаном дне вокруг Морнингтона не стало, сборщики переместились на остров Форсайт. Я тогда еще учился в школе. Тем, кто был постарше, в выходные дни и по праздникам позволяли принимать участие в сборе моллюсков. Правда, мы больше резвились в прозрачной воде, чем работали.

Через два года вокруг Форсайта и у других островов моллюсков тоже выбрали дочиста. Остался только остров Бентинк, куда и решил отправиться преподобный отец Уилсон. Я в этой поездке не участвовал, но Галли мне о ней рассказывал:

«Я только что женился второй раз. Жену звали Кора. Она из племени югулда, которое обитает близ Берктауна. Женаты были и те два парня, с которыми мы собрались на Бентинк — Яррад (Фред) и Бао (Роберт). Отец Уилсон решил снова попытаться подружиться с кайадилтами. Он предложил нам, трем молодым парам, провести медовый месяц на Бентинке, а затем приступить к сбору моллюсков.

„Утреннюю звезду“ загрузили провиантом, и мы отплыли. К вечеру встали на траверзе Бентинка. Ни на песчаных дюнах, ни на пологих холмах никого не было видно. Двух молодых женщин немного укачало. Поэтому я решил, что нам всем шестерым лучше прогуляться и заодно поискать островитян. Люгер же пойдет вдоль берега к маленькому островку, видневшемуся непода-

---

¹ Батат, или сладкий картофель (*Ipomoea batata*), — растение со съедобными корнями.

леку. Там мы решили разбить лагерь, чтобы избежать опасности внезапного нападения.

Мы разделись, чтобы кайадилты не приняли нас за нарбиа, и сошли на берег, прихватив с собой лишь немного провизии и табаку. Тем временем „Утренняя звезда“, огибая мыс, вышла из заливчика и направилась к островку. Захватив воммеры, мы двинулись в том же направлении по суше. Копий мы не взяли.

Прошли несколько миль, и тут я увидел свежий след. Он уводил вперед и, видимо, принадлежал людям, следившим за нашим люгером. Я приказал всем двигаться осторожнее, а женщинам — следовать за нами на некотором расстоянии. Мы пошли по следу и вскоре на пригорке среди низких деревьев увидели трех мужчин. Заслонившись руками от солнца, они пристально вглядывались в море. Видимо, старались угадать, что это за люди прибыли на „плоту с двумя деревьями“, идущем против ветра. Они возбужденно переговаривались, время от времени оборачивались на растущие поблизости деревья. Там я заметил еще трех мужчин. Они тоже напряженно смотрели в сторону моря.

Копья и тех, и других лежали на земле. Я знаками велел женщинам отойти подальше, а Роберту и Фреду показал на троих, стоявших на земле. Их надо было захватить врасплох, не давая возможности поднять копья.

Островитяне настолько увлеклись зрелищем нашего люгера, что мы сумели осторожно подобраться к ним сзади и, прежде чем аборигены успели понять в чем дело, схватили их. Мужчины испугались и начали сильно сопротивляться, но мы не дали им возможности поднять копья. При этом мы все повторяли, что не делаем им ничего дурного. Трое островитян, сидевших на деревьях, с криком спрыгнули вниз. Один сделал это так неловко, что ушиб обе ноги. Отпустив островитян, мы дружески вытянули вперед руки.

Они о чем-то долго говорили между собой. Наконец, после того как увидели наших женщин, поняли, что мы не собираемся убивать их или красть у них женщин. Островитяне показали нам, что идут в большой лагерь, расположенный в нескольких милях отсюда. Знаками и на языке янггарл я, в свою очередь, старался объ-

яснить им, что скоро мы придем к ним как друзья. Выслушав нас, они ушли, уводя с собой товарища с ушибленными ногами.

На маленьком островке, где мы расположились, не было воды. Во время отлива мы переходили на Бентинк и брали воду в старом колодце за высокой песчаной дюной среди панданусов. Мы зорко следили за жителями Бентинка, особенно по ночам. Однако они держались далеко от нас.

Прошло несколько недель. Кора подружилась с двумя пожилыми местными женщинами, которым она давала еду. Они приходили в наш лагерь к Коре и другим женщинам и научили нас говорить на языке кайадилт. Женщины рассказали, где находится главная стоянка их соплеменников. Мужчины же Бентинка сторонились нас, поэтому мы решили нанести им неожиданный визит.

Однажды ночью мы отправились в их лагерь. Шли вдоль берега, затем повернули в глубь острова, в сторону болота, где, как объяснили старухи, находилась главная стоянка. Была чудесная лунная ночь. На болоте дул встречный ветер, и до меня донесся дым костра. Я посоветовал мужчинам отдохнуть и покурить. Сам же отправился на разведку.

Я старался двигаться бесшумно, все время озираясь по сторонам. Сильно запахло дымом, но огня нигде не было видно. На небольшой поляне я наступил на что-то мягкое. Это была куча травы. Вдруг под ней кто-то зашевелился. Я попятился. Приглядевшись, увидел много таких кучек. Под ними спали люди. Тот, на которого я наступил, видимо, очень устал и крепко спал. Если бы он проснулся и закричал, то поднялась бы ужасная суматоха.

Я вернулся к своим товарищам и все им рассказал. Мужчины очень удивились, услышав про кучи травы. Мы думали, что увидим небольшие шалаши, какие кайадилты обычно ставили на берегу. Позже мы узнали, что укрытия из коры характерны для сезона дождей, а в сухие холодные зимние месяцы кайадилты предпочитают укрываться травой.

Мой план состоял в следующем: привести к себе как можно больше людей с Бентинка, накормить и подружиться с ними. У нас в лагере в земляных печак

жарились в это время два дюгоня. Луна еще не осветила все вокруг, и у нас было достаточно времени посидеть, покурить и все обдумать.

Когда луна поднялась высоко, мы, выстроившись цепочкой, стали приближаться к лагерю с подветренной стороны. Вышли на полянку и, объяняясь друг с другом жестами, оцепили ее со всех сторон. Вдруг кто-то громко запел, видимо, во сне. Мы крепко держались за руки, боясь, что, проснувшись, все жители острова бросятся бежать.

Я громко крикнул: „Мы пришли, чтобы забрать вас в свой лагерь. У нас много мяса дюгоня, и мы хотим поделиться с вами“. Перепуганные островитяне никак не реагировали на наши слова и пытались бежать, но мы не пускали их. Один из мужчин бросился к копьям, лежавшим на траве. Выйдя из круга, я вырвал у него копья и отбросил в сторону. Я крепко держал человека, который, по-видимому, был старейшиной, а мои товарищи тем временем сжимали круг. Внезапно цепь распалась. Каждому из нас удалось удержать лишь одного человека, остальные убежали. Я пересчитал оставшихся: семь мужчин и пять женщин. Оказывается, цепь сумело разорвать несколько местных женщин.

Мы привели островитян в свой лагерь, держали их там несколько дней и все это время хорошо кормили. Но они все так же не доверяли нам. Тогда мы их отпустили. В течение трех месяцев, что мы собирали моллюсков, островитяне так больше и не появились».

Набрав моллюсков, Галли и его компания вернулись на Морнингтон, а жителей Бентинка оставили в покое. Иногда Галли останавливался там по пути из Берктауна, но островитяне обычно убегали или попросту занимались своими делами, не обращая на него никакого внимания.

Остров Бентинк очень невелик, и людям всегда не хватало того количества пищи, которое могло дать им море. Мужчины постарше имели по две-три жены, и им было трудно прокормить семью. Когда дул сильный юго-восточный ветер, жителям наветренной стороны не хватало пищи — рыба уплывала в тихие воды. Семьи голодали. Мужчины пробирались в подветренную часть острова, ложились у моря и подстерегали рыбаков с уловом.

Молодые парни постоянно проявляли нетерпение, поскольку у них не было жен. Когда была возможность, они убивали пожилых мужчин и забирали их женщин. У меня есть друг с Бентинка, который помнит эти времена. Его родовое имя — Тандамун, что значит «Струя воды». Вот его рассказ.

«Мы с моим двоюродным братом Налга (Луна) были оба холостыми. Жили и охотились вместе. Однажды пошли на риф ловить рыбу во время отлива. Наловили столько, что можно было два раза поесть, а затем отправились в глубь острова, чтобы приготовить пищу. Костер был почти готов. Вдруг до нас долетели голоса двух женщин, находившихся в нескольких сотнях ярдов от нас. Нам надоело ходить холостыми, и мы решили обзавестись женами. Тихонько подкравшись, мы схватили их и повязали на шею лианы — знак замужества. Затем ушли с ними в заросли.

Мы знали, что за женщин придется сражаться, и стали готовить копья. Наконечники делали из твердого дерева, а наши подруги свивали веревки для креплений из волокон прибрежного гибискуса. Длинных прямых лалок, годных для рукоятки копья, под рукой не оказалось, поэтому пришлось воспользоваться короткими стволами гибискуса, связывая их по три. К такому стержню привязывался наконечник. Нужны были еще и боевые бумеранги, но подходящих изогнутых ветвей или корней деревьев тоже не нашлось. Поэтому вместо бумерангов мы решили припасти короткие дротики для метания — *лалбанин*.

Старики могли попытаться убить нас ночью. Поэтому на ночь мы разжигали в зарослях костер, раскладывали вокруг него кучки травы, а сами уходили в другое место и спали, укрывшись травой. Кто-нибудь один всегда оставался караулить.

Однажды ночью дежурил Налга. Он увидел группу мужчин, подбиравшихся к нашему костру. В тот момент, когда они всадили копья в кучки травы, мы вышли из засады и поразили своими копьями двоих нападающих. Не давая им опомниться, мы убили дротиками еще двоих. Остальные убежали.

Несколько дней спустя мы оставили женщин в укрытии и пошли на берег ловить рыбу. Из-за дюн позади нас появилась большая толпа и направилась в на-

шу сторону. Мы бросились бежать. Мужчины преследовали нас, на бегу бросая копья. В ответ мы бросали в них свои. Те, которые не сломались от удара об землю, мы подбирали и тоже метали обратно. Несколько человек убили или ранили. Наконец толпа отстала. После этого нас надолго оставили в покое».

Прежде чем выйти на пенсию (до отъезда в Брисбен), преподобный отец Уилсон сделал еще одну попытку подружиться с жителями Бентинка. Он послал Галли посмотреть, как живут островитяне. К Галли присоединилось несколько лардилов и белый человек из миссии. Перед высадкой на берег Галли велел всем раздеться и идти с пустыми руками.

Как только шлюпка ткнулась носом в берег, Галли и его спутники выскочили и исполнили приветственный танец кайадилтов. Тогда кайадилты спустились с холма, сложили копья и присоединились к танцующим лардилам. Но тут они заметили, что один из приезжих танцует как-то неумело (это был белый из миссии). Сначала кайадилты приняли его за лардила, обмазанного белой глиной. Но они очень рассердились, когда подошли поближе и потеряли его кожу. Островитяне решили, что Галли привез к ним «черта-дьявола». Угрожая Галли копьями, они потребовали, чтобы он немедленно убирался вместе с белым нарбиа. После этого случая никто не пытался подружиться с жителями Бентинка вплоть до окончания второй мировой войны.

Следующее столкновение между лардилами и людьми Бентинка произошло примерно в 1935 году. На острове не прекращались междоусобицы и убийства, и два пожилых островитянина решили перевезти своих жен и детей на близлежащий маленький островок Алан. Он хорош тем, что там есть пресная вода.

Однажды вельбот миссии (открытая лодка тридцати футов в длину, снабженная двумя парусами), направлявшийся в Берктаун, был подхвачен сильным юго-восточным ветром. Шкипер Скотти Уилсон решил поискать убежища у песчаной косы за островом Алан.

Команда вельбота состояла из Джека Оукли, Барни Чарлза и Джорджа Питерса. На борту было также несколько пассажиров — Джонни Файвмайл со своими двумя женами Сарой и Мэри, однорукий парень, кото-

рого звали Калека Джек, и две девочки-подростка — Далси и Мейвис Гейвнор. Пассажиры возвращались в миссию Думаджи, расположенную западнее Берктауна.

Вскоре на вельботе кончилась вода. Скотти Уилсон послал Барни Чарлза с пассажирами набрать воды из колодца. Было время отлива, и они отправились пешком вдоль косы, в то время как Скотти и два других матроса остались чинить порванный ветром грот.

Через некоторое время Барни обнаружил следы островитян. Поэтому, дойдя до колодца, он велел спутникам набирать воду, а сам отправился сторожить на песчаную дюну. Сара набирала воду в колодце и передавала ее наверх, когда Барни подбежал к ним и сообщил о появлении двух кайадилтов. Он посоветовал всем быть осторожными и бежать к лодке, если кайадилты затеют ссору.

Островитяне Тувату (Рейнбоу) и Гулкачи (Шарк) подошли ближе и начали приветственный танец. В то же время они не спускали глаз с двух девочек. Рейнбоу подошел к Барни и потребовал, чтобы тот показал инициационные шрамы на груди. Барни подчинился и в тот же момент чуть не получил удар копьём в живот. Он успел подставить руку, и копьё прошло сквозь ладонь. Выхватив бумеранг, Барни хватил Рейнбоу сбоку по голове и крикнул своим, чтобы они бежали к вельботу.

Барни и Рейнбоу дрались возле колодца до тех пор, пока последний не бросился бежать. Барни метнул в него бумеранг, но промахнулся, Рейнбоу подобрал его и бросил назад. Удар пришелся в цель. Однако Барни подобрал сломанное копьё, бросился за врагом и нанес ему удар в спину. Тот с криком убежал.

Барни осмотрелся и увидел, что его товарищи: через рощу панданусов бегут к вельботу. Они добрались до судна, но тут оказалось, что с ними нет Калеки Джека и одной из девочек — Далси. Пока Барни дрался с Рейнбоу, Шарк свалил копьём Калеку Джека, схватил Далси и Мейвис и унес их в заросли.

Мейвис сумела вырваться. Она была вся исцарапана, платье висело лохмотьями. У Сары была поранена голова, у Мэри — плечо. На борту не было оружия, поэтому Скотти решил поднять якорь и идти за помощью на Морнингтон.

Маленький вельбот неся быстрее ветра, и через несколько часов о нападении было доложено главе миссии преподобному Догерти. Тут же организовали большую спасательную группу, куда был включен и я. Мы вооружились копьями и получили две винтовки. Вечером, погрузив провизию и дождавшись, когда ветер чуть утихнет, отчалили.

Плыли всю ночь. Так как дул встречный ветер, приходилось все время менять галс. Уже на рассвете мы бросили якорь у острова Форсайт. Ветер снова крепчал. Почти вся команда сошла на берег. Там мы разожгли большой костер и проспали почти до вечера. Ветер уже начал спадать. Далее мы направились к острову Роберт, расположенному вблизи материка. Ветер все слабел. Мы знали, что вместо юго-восточного скоро подует юго-западный. Он-то и должен был помочь нам добраться до острова Алан.

Покинув остров Роберт в полночь, мы с попутным ветром добрались до песчаной косы острова Алан и остались там ждать рассвета.

Наутро прилив помог нам подойти вплотную к берегу, и мы приготовились высадить спасательную команду. В этот момент подул сильный ветер. Нам пришлось маневрировать. Вдруг кто-то из команды крикнул: «Эй, смотрите, вон на песчаном гребне двое за кем-то гонятся!»

Гнались за Далси. Она сидела у колодца под пристромом женщин и, увидев судно, кинулась бежать. Женщины позвали Шарка и Рейнбоу. Те пытались догнать девочку, но она прорвалась сквозь мангровые заросли и бросилась в море.

Мы видели, как Шарк и Рейнбоу с копьями наготове бросились за ней. С нашего вельбота раздались два выстрела поверх голов. Островитяне повернули назад и скрылись за деревьями. Тут мы увидели девочку, плывущую к нам, приблизились к ней и подняли на борт. Из одежды на ней оставалась только изорванная майка. На голове зияла рана. Она была крайне измучена. Мы одели ее и оказали первую помощь.

Затем мы отправились на берег за Калекой Джеком. Его след уходил в мангровые заросли. Наконец я увидел Джека. Он лежал в воде среди корней мангров. В его голове торчало два длинных копья — одно вошло

в щеку, другое в челюсть. Я позвал на помощь. Мы извлекли копья, напоили раненого и положили на носилки, сделанные из палок и травы.

Калека Джек был без сознания, жизнь едва теплилась в нем, и мы спешили. Домой прибыли в полночь и тут же отправили его в больницу. Однако на рассвете Джек умер.

Через три недели в миссию для расследования прибыла группа полицейских. Ее возглавлял сержант Флорри из Клонкарри, с ним были полицейские из Берктауна, из Маунт-Айза и других мест. В числе прибывших оказался Боб Хаггарты из Грегори-Даунс, знаток буша. Он приобрел много полезных навыков, общаясь с лесным племенем вани. Погрузившись на вельбот и маленькую моторную шлюпку, наша многочисленная группа двинулась к острову Алан.

Добравшись до Алана, мы сошли на берег и разбили лагерь. Дежурные бодрствовали всю ночь, хотя Шарк и Рейнбоу дрожали от страха при виде такой толпы на своем острове. Мы встали рано утром и группами по три-четыре человека во главе с полицейским стали обыскивать остров. Я был в группе с полицейским из Маунт-Айза.

Боб Хаггарты скоро нашел стоянку и просигналил нам двумя выстрелами. Следы оказались свежими, угли под пеплом костра еще не остыли. Осмотрев лагерь, мы обнаружили капли крови. Обшарили весь остров, но людей с Бентинка так и не нашли. Сержант Флорри сказал, что, увидев наши суда, они могли ночью переправиться на Бентинк, а там их будет уже очень трудно поймать.

Пока полицейские гадали, что делать, из мангровых зарослей раздался голос Боба Хаггарты. Он показал на недавно обломанные ветви. Мы внимательно осмотрели прибрежный песок и нашли едва заметные следы. Беглецы прошли там спиной вперед, замечая отпечатки ног ветками. Вблизи берега был риф; из воды выглядывало несколько черных камней. Мы поняли, что бедняги сидят в воде, спрятавшись за камнями и высунув на поверхность воды только нос.

Галли Питерс крикнул: «Выходите, вас не убьют, а только отправят в миссию!» Никто не ответил. По мелководью Боб Хаггарты и еще несколько человек по

грудь в воде прошли к камням и за ними нашли кайадилтов. На Шарка, Рейнбоу и женщин надели наручники и цепи. Не заковали только одну, которая держала на руках новорожденного младенца. Она родила его на рассвете и вместе с ребенком вынуждена была бежать и прятаться в воде. Этим и объяснялись следы крови у стоянки. Мы отвели обе семьи в наш лагерь и накормили их.

На следующий день Шарка и Рейнбоу в цепях привели к колодцу, где Калека Джек получил первый удар. Галли спросил, кто из них бросал копьа. Оба ответили, что копьа бросали не они, а «человек сверху» (вроде бы копьа свалились с неба). Они старались свалить вину на злого духа Гайджургала. Полицейские дважды выстрелили в воздух, чтобы припугнуть их и заставить сказать правду, но и это не подействовало. В лагере женщины услышали выстрелы и, решив, что их мужья убиты, принялись выть и бить себя по голове.

Узников и их семьи отвезли в миссию. Оттуда полицейские забрали Шарка и Рейнбоу в Клонкарри. Их жены и дети остались одни. Жены изранили себя острыми камнями и стенали в течение нескольких недель.

В Клонкарри Шарка и Рейнбоу судили за убийство. По-видимому, они не понимали суда белого человека и в любую минуту готовы были распрощаться с жизнью. Суд решил сослать их с семьями в миссию Орукун на западном побережье полуострова Кейп-Йорк. В ожидании грузового судна двух осужденных поместили в тюрьму Берктауна.

Они имели очень смутное представление о том, что происходит, и пытались заговорить с надзирателем-аборигеном, приносившим им еду. Но он был из моего племени и не понимал их.

Месяца через три в Берктаун и на Морнингтон зашел корабль из Орукун и принял на борт эту маленькую группу кайадилтов, чтобы отвезти их в чужой край. Долгое время они жили среди племени *вик-ман-кан*. Рейнбоу умер и был похоронен в Орукуне. Одну из его жен убила в драке железным прутом другая женщина. После войны почти никого из осужденных не осталось в живых. Однако старый Шарк не умер. Я был матросом на «Коре», когда его переправили об-

ратно к соплеменникам, жившим теперь на Морнингтоне.

Еще одно столкновение с островитянами Бентинка произошло в 1943 году, когда я жил среди скотоводов на ранчо. Галли рассказал мне об этом.

В это время на острове Морнингтон располагалось радарное подразделение военно-воздушных сил, которое должно было оповещать о появлении японских самолетов. Как-то раз летчики взяли взаймы в миссии моторную лодку и отправились на базу гидросамолетов в Карумбе (в устье реки Норман). Они взяли с собой Галли и Джека Оукли.

Около полудня вельбот достиг острова Суирс, где решили высадиться, чтобы посмотреть старый город Карнарвон. Когда летчики вернулись назад, было время отлива. Лодка была на мели. Галли увидел толпу кайадилтов, бегущих к ним по берегу с копьями в руках. Яростно крича, они готовились изгнать нарбиа.

Галли попробовал заговорить с ними, но ему ответили, что он плохой человек, потому что все время таскается с нарбиа. Полетели копья. Летчики и Джек Оукли забрались в каюту, а Галли остался стоять на палубе один, уговаривая кайадилтов не бросать копья. Его не слушали. Галли успешно отбивал летящие в него копья. Тогда несколько человек выбежали вперед и стали подбрасывать в воздух связки травы, чтобы Галли не видел копий. Но Галли продолжал их отражать, пока один из летчиков не схватил его и не сбросил за борт.

Галли попросил летчиков пугнуть кайадилтов выстрелом поверх голов. Один из членов экипажа так и сделал, но взял слишком низко и попал кайадилту в живот. Как только он упал, остальные разбежались. Галли с летчиком сошли на берег и похоронили убитого. Начавшийся прилив поднял лодку. Летчики поплыли в Карумбу.

Через несколько лет Галли узнал, что убитый был братом предводителя острова — человека, который стал потом известен как «король Альфред». Причастность к смерти брата короля едва не стоила Галли жизни. Галли узнал также, что одна из пуль, выпущенных из вельбота поверх голов, попала в бедро женщине, которая, сидя на корточках, выкапывала ямс.

ЗЕМЛЯ «КОРОЛЯ АЛЬФРЕДА»

Вплоть до окончания второй мировой войны жители Бентинка могли жить спокойно, то есть их остров никто не тревожил своим посещением. Что же касается самих островитян, то между ними не прекращались распри из-за женщин и пищи.

В конце 1946 года мне снова удалось побывать на острове Бентинк. Этот год мне хорошо запомнился потому, что, вернувшись домой с ранчо, я женился на Элси, но 1946 год был также и годом больших несчастий для моих соплеменников на Морнингтоне.

Миссию возглавлял преподобный Маккарти. У нас произошло много перемен. Вместо старой рации с педальной динамомашинной, появилась новая, работающая от аккумуляторов. У нас теперь был и свой баркас для доставки продовольствия из Берктауна.

Где-то в августе аккумуляторы нашей рации вышли из строя. Мы оказались отрезанными от мира и больше не могли выходить на связь с центром медицинской помощи в Клонкарри. Отец Маккарти послал Скотти Уилсона на баркасе в Берктаун. Он должен был зарядить там аккумуляторы. Но Скотти, не пройдя и полпути, вернулся — поломался мотор. Тогда отец Маккарти решил отправить батареи в город вельботом. И поручил сделать это небольшой команде во главе с Джеком Оукли. В нее вошли всего четыре человека: Сэм Ричардс — полукровка, еще мальчиком привезенный из Нормантона, Альфред Джимми, мой младший брат Дункан Рафси, мой зять Джинджер Уильямс.

Было время школьных каникул. Мы стояли большим лагерем в устье реки Дюгонь. Люди охотились на дюгоней и черепах, ловили рыбу. Поздним вечером вельбот бросил якорь недалеко от нашего лагеря. Джек Оукли хотел пополнить свою команду еще одним человеком.

Утром Джек Оукли пришел в лагерь и стал приглашать меня поехать с ними. Я отказался, но мой отчим, старый Тоби Ганбар, согласился.

Вскоре вельбот отчалил. Команда была в приподнятом настроении. Все шутили, смеялись. Я долго сидел на берегу и видел Джека Оукли у руля (он был хорошим моряком, много плавал на нашем старом люгере «Утренняя звезда»). Мой брат Дункан держал шкоты грота, а кто-то еще — кливер. Дул встречный ветер. Вельбот сделал несколько галсов, идя вдоль мыса Тимбер-Пойнт, и обогнул его, когда время близилось уже к полудню. Мы с Элси пошли на Тимбер-Пойнт, чтобы посмотреть, куда вельбот возьмет курс.

Но с мыса мы могли разглядеть только удаляющиеся белые паруса. Так как они шли на юго-запад, я понял, что вельбот направляется на остров Алан и весь его экипаж переночует там. Дул юго-восточный ветер. Море было беспокойным. Паруса вельбота вскоре скрылись из виду. Мы не знали, что видим их в последний раз.

Все в лагере готовились к празднику. Принесли крупного дюгоня, мужчины начали раскрашивать себя. Женщины жарили дюгоня. Приближалось время возвращения детей в школу.

Однажды к нам в лагерь пришел преподобный отец Маккарти. Он был очень обеспокоен. Со дня отплытия вельбота прошло уже одиннадцать дней, а Оукли с командой все не возвращались, хотя, по подсчетам Маккарти, должны были вернуться четыре-пять дней назад. Мотор на баркасе уже починили, и Маккарти решил сам отправиться на поиски вельбота, взяв с собой Галли Питерса, Скотти Уилсона, Чарли и Келли Банбаджи, Роберта Бао, Генри Питерса и меня.

Только мы преодолели мили три или четыре, как мотор снова заглох. Пока устраняли неисправность, шли под парусами. С попутным юго-западным ветром к полуночи мы добрались до острова Дуглас (самый северный в группе островов Бентинк).

Утром мы обыскали остров и обнаружили лишь следы кайадилтов, приехавших сюда за черепашьими яйцами. Было решено осмотреть все мелкие островки. Возможно, наши люди оказались заброшенными на один из них. Островки были названы именами детей

преподобного Роберта Уилсона. Однако на островах Бесси и Алан соплеменников не оказалось. Мы двинулись на запад, осмотрели остров Подковы, а поздно вечером подошли к острову Албейнна, где собирались заночевать. Но на берегу мы увидели костры кайадилтов, так что нам не оставалось ничего другого, как провести ночь на борту.

Рано утром нас разбудили приветственные песнопения кайадилтов. Отец Маккарти и Галли, прихватив с собой еды, сели в тузик¹ и поплыли к берегу. На все расспросы Маккарти кайадилты отвечали, что ни маленького судна, ни кого-либо из его команды они не видели. Тогда в надежде найти пропавших отец Маккарти решил отправиться к Берктауну.

У излюбленного места стоянок в устье реки Альберг никаких следов наших людей не оказалось. Мы прошли вверх по течению до карьера, где добывали соль (он находится в восьми милях от Берктауна). Но и там мы не нашли ни вельбота, ни людей. Решили переночевать здесь, в устье Альберта, а утром поплыли в Тригганини. И снова безрезультатно. По выражению лиц моих товарищей я понял, что они встревожены.

В Берктауне команды Джека Оукли также не оказалось. Полиция не имела никаких сведений. Весь день нас не покидали печальные мысли об участи нашей пропавшей без вести группы. Мы никак не могли связаться с Морнингтоном. Погрузив на борт новые аккумуляторы, продовольствие и почту, все с тяжелым сердцем покидали Берктаун.

Плыли всю ночь. Настроение было плохое, рулевые даже плакали. На переходе между Бентинком и Морнингтоном с юго-запада показалось маленькое облачко — первый предвестник страшного *гудбарля*. Обычно с утра эти короткие штормы налетают на море с континента. Сильный ветер окутывает острова темными низкими тучами, и начинается дождь. Галли разбудил всех и велел быть начеку. Облако приближалось, ветер завыл, на море поднялись огромные волны.

Я крепко за что-то ухватился и следил за катившимися на нас пенящимися волнами. Наши люди говорят, что белые верхушки волн — это зубы смеющегося-

---

¹ Тузик — маленькая морская шлюпка.

ся моря. В ту ночь море не улыбалось. Оно ревело, бешовалось, грозило нам смертью. Мы с Генри Питерсом следили за тузиком, плясавшим на буксире позади баркаса.

К рассвету ветер достиг наибольшей силы. Неожиданно я увидел, что тузик, прыгая на волнах, удаляется. Я громко закричал:

— Тузик сорвало!

Скотти Уилсон считал, что нужно вернуться за тузиком. Но Галли не согласился.

— Если повернем, погибнем,— сказал он.

Все напряженно вглядывались в морскую даль, выискивая на горизонте сушу. Скотти быстро забрался на мачту. Наконец он крикнул:

— Земля!

Мы почувствовали облегчение. Теперь самое страшное осталось позади. Ветер ослабевал. Волны утихали. Я подумал, что, видимо, в такой же шторм погибли и наши товарищи.

Баркас относил к югу от острова Денхэм. Вскоре мы вошли в узкий пролив между Денхэмом и Эндрю и высадились на последнем острове, чтобы вскипятить чай и перекусить перед дальней и печальной дорогой к дому.

Дул сильный юго-восточный ветер. Погода испортилась. Обогнув мыс, за которым находилась наша миссия, мы увидели на берегу толпу. Люди радостно приветствовали нас: махали руками, прыгали от радости, принимая нас за команду исчезнувшего вельбота. Каково же было их разочарование, когда они поняли свою ошибку!

Мы рассказали встречающим, что вельбот так и не достиг Берктауна. Жены, матери и дети погибших горько плакали. Женщины в знак горя изранили себя битыми бутылками, ножами и топориками. Никогда еще море не приносило нам столько горя. Много дней родственники погибших были в глубоком трауре. Старики же считали, что пропавших проглотил Тувату — страшный змей-Радуга.

Следы пропавшей команды были обнаружены позже на юго-восточном берегу острова Форсайт: там нашли пустой бочонок (к ручке его была привязана рубашка), три кокосовых ореха, вскрытых ножом, и два ве-

сла. Видимо, кто-то из потерпевших кораблекрушение держался из последних сил за бочонок, как за поплавок.

Преподобный Маккарти решил все-таки послать большую поисковую партию на остров Бентинк. Возможно, наших людей выбросило на берег. Мы поплыли туда на баркасе, взяв на буксир два тузика и две долбленых лодки. Поиски вели, разделившись на две группы. Одна — на двух тузиках пошла вдоль юго-восточной оконечности острова, а вторая (в нее попал и я) осталась с баркасом и пирóгами на западном берегу.

Эта часть острова оказалась малолюдной. В течение двух дней мы пытались хоть что-нибудь выяснить. Но так и не нашли у местных жителей ни одежды, ни каких-либо других вещей, которые навели бы на след наших пропавших соплеменников. Для островитян мы забили трех дюгоней. Затем перенесли свои поиски на северо-западный берег. Однажды, блуждая по острову, мы наткнулись на лагерь у небольшого заливычка. В нем было четверо мужчин и четыре женщины. Мы решили попытаться подружиться с ними. Укладываясь спать, я заметил, что две женщины исчезли. Всю ночь мы не спали: кто-нибудь постоянно дежурил, так как мы опасались, что исчезнувшие женщины приведут с собой большую толпу и разделаются с нами. Но ничего подобного не случилось. Наутро мы отплыли к северо-восточному мысу. Там состоялась наша встреча с «королем Альфредом» и его людьми.

Имя «король Альфред» дал ему преподобный отец Маккарти во время одной из наших поездок. Альфред был рослым, сильным мужчиной, на его счету числилось много убийств. Он был вождем северо-восточной группы кайадилтов. Как-то раз ему дали муки, чтобы испечь лепешки, но он развел слишком сильный огонь, и они сгорели. Преподобный Маккарти в шутку окрестил его «королем Альфредом»².

---

² Намек на широко известную легенду «О короле Альфреде и лепешках». Согласно легенде, англосаксонский король Альфред (849—900), скрываясь от врагов, нашел приют в хижине одной женщины. Отлучаясь из дому, она попросила Альфреда присмотреть за жарившимися на очаге лепешками. Но король погрузился в размышления о государственных делах и не заметил, как лепешки сгорели, за что и был нещадно обруган хозяйкой.— *Прим. перев.*

У Альфреда вещей, принадлежавших членам погнотшей команды, также не оказалось. Вскоре подошла наша группа на тузиках. Она тоже ничего не обнаружила. Вельбот потерпел крушение, видимо, где-то в другом месте. Преподобный отец Маккарти решил провести здесь два дня и завязать знакомство с людьми «короля Альфреда».

Несколько человек отправились на тузиках на охоту и вернулись с двумя черепаками и дюгоном. Решили, что одна половина нашей группы останется на ночлег на берегу среди островитян, а другая устроится на баркасе. Мы перенесли свои пожитки с баркаса. Мой старший брат Линдсей, не доверявший «королю Альфреду», спрятал среди своих вещей винтовку, а у Перси Тоби было ружье.

Мы разбили лагерь на песчаном берегу под панданусами. Неподалеку расположились четверо мужья-кайадилтов с женами. После плотного ужина, состоявшего из мяса дюгоня и черепахи, преподобный Маккарти усадил всех в круг возле костра и начал богослужение. Островитяне нервничали. Я заметил, что один из них знаком приказал своей жене удалиться. Теперь забеспокоился и я. Мы знали, что за дюнами, совсем рядом, собралось много людей. Но никому не приходило в голову, что «король Альфред» собирается свести с нами счеты за своего убитого летчиками брата.

Проповедь отца Маккарти была посвящена распятию Христа, а Галли переводил его слова на язык племени кайадилт. Мой тесть Уильям Питерс крикнул нам из лодки по-лардилски, что берегом идут какие-то люди. Я потерял всякий интерес к проповеди. Были слышны лишь крики потревоженных птиц, возвещавших приближение людей. Четверо кайадилтов искоса поглядывали друг на друга. Возле костра мы расположились таким образом, что по обе стороны каждого из них сидели лардилы.

Явно встревоженный, Маккарти прервал проповедь и попросил Галли коротко прочитать «Отче наш» на языке кайадилтов. Молитва началась. Мы прикрыли ладонями глаза, однако я поглядывал сквозь раздвинутые пальцы. Старый Уильям известил нас, что новые группы людей подходят к дюнам. Я услышал перестук копий и щитов и увидел сквозь пальцы, как четверо

кайадилтов в нашем кругу подталкивают друг друга, показывая, что надо немедленно убираться. Галли, уверенный, что господь бог спасет его, продолжал молитву. Однако Маккарти велел ему поскорей перейти к благодарственной молитве. Возможно, он вспомнил историю преподобного Роберта Холла.

Мой приятель Дуглас Бэрк и я больше не могли вынести звуки постукивающих копий, ведь у нас было меньше веры во Христа, чем у Галли. Мы медленно поднялись и на цыпочках пробрались к воде. Оказавшись в тузике, мы услышали, что молитва закончилась, и вместе со всеми произнесли: «Аминь». Галли передумал оставаться здесь на ночь. Перед отъездом Маккарти и он беседовали с четырьмя кайадилтами. Остальные собирали вещи и поджидали их в тузике.

Тузик с Маккарти и Галли уже шел к баркасу, и тут один из кайадилтов на берегу громко сказал:

— Надо было их убить раньше.

Мой брат потом рассказывал, что он видел, как кайадилт нащупал винтовку в его вещах. Потому-то и не был дан сигнал к нападению. Ночь мы провели на небольшом островке, а на следующий день отправились домой.

Кайадилты покинули остров Бентинк после циклона 1948 года. Сильные приливные волны, принесенные им, размыли колодцы, и жить на острове стало невозможно. Лардилы, плававшие в Берктаун за припасами, рассказывали, что жители Бентинка голодают и убивают друг друга. Поэтому преподобный Маккарти решил попытаться перевезти их всех на Морнингтон.

Я был в составе первой спасательной экспедиции. В Берктауне мы запаслись продуктами и на обратном пути бросили якорь у острова Суирс. На берегу нас встретили семь мужчин и их семьи. Изможденные, совершенно голые, они просили есть. Мы прихватили с собой мешок с бататами, и Галли велел команде отдать его голодающим. К нашему удивлению кайадилты рассыпали бататы по земле. Женщины и дети бросились на них, закрывая собой как можно больше бататов. Оказывается, они делят таким образом пищу.

Галли предложил кайадилтам переселиться на Морнингтон. Теперь результаты наших многолетних усилий завязать с ними дружбу были налицо: кайадилты со-

гласились. У этих бедняг оказалось совсем мало пожитков. Собрались они быстро. Дорогой на Морнингтон кайадилты пели песни и произносили заклинания, чтобы на новом месте охота была удачней.

После этого во время каждой поездки за продуктами мы заходили на Бентинк и забирали с собой очередную партию людей. Обычно мы привозили на остров кого-нибудь из увезенных ранее кайадилтов, чтобы показать, как хорошо и сытно живет им на Морнингтоне. Тех, кто остался на острове, позже забрали полицейские из Берктауна и все-таки перевезли на Морнингтон. Они очень скоро прижились у нас.

Сегодня кайадилты вполне довольны судьбой. Одни старики уже умерли, другие живут на пенсию. Молодые кайадилты — мужчины и женщины — выезжают работать на ранчо на континент. Они показали себя достойными гражданами.

«Король Альфред» не дожил до лучших времен. Вскоре после того, как он собирался перебить нашу группу, его самого убили — пригвоздили к земле копьём в то время, как он спал, укрывшись травой. Как мне рассказал мой друг Тандамун, это сделали западные островитяне, напавшие на лагерь «короля Альфреда» в отместку за его налет на них.

«Король Альфред» устроил большой налет на нашу маленькую группу. Его люди явились ночью, чтобы увести наших женщин. Моего брата Бадди проткнули копьём. Младшую сестру Риа схватили. Нам оставалось лишь скрыться в темноте. Бадди вытащил копьё из раны и бежал с нами. Мы забрались на мелководье, присели на риф и сидели так, выставив на поверхность только носы до тех пор, пока враги не ушли. Бадди был ранен в живот. На следующий день он скончался.

Дня через три я позвал с собой двух братьев по племени, и мы пошли на северо-восток на земли „короля Альфреда“. Я должен был отомстить — убить короля и забрать в плен его сестер. Ближе к вечеру я оставил своих товарищей в зарослях, а сам отправился посмотреть их стоянку. В сумерках я подобрался вплотную и увидел, что в лагере было только трое мужчин, пять женщин и несколько детей. Они готовили себе покрытие из травы.

Когда совсем стемнело, подошли мои товарищи. Мы

дождались, пока мужчины кончили петь и произносить заклинания перед сном. Когда все стихло, я прополз вперед, схватил их копыя и спрятал. Потом я показал товарищам, что они должны делать. Возле Альфреда было двое мужчин — Перси и Плуту. Я должен был убить „короля Альфреда“, мой товарищ — Перси, а третий из нашей группы в это время — схватить сестру короля. Плуту трогать было не надо — ведь он приходился нам дядей.

Наконечник моего копыя был сделан из трех больших шипов ската. Я подобрался к изголовью «короля Альфреда» и немного приподнял траву, чтобы лучше его разглядеть. Затем я с силой всадил копые ему в живот, чуть пониже груди. Он громко закричал и тут же скончался. Перси был ранен копьем в ногу. Убегая вместе с Плуту, он получил еще одну рану в бок. Я взял сестру „короля Альфреда“ себе в жены — теперь ее зовут Салли. Затем мы вернулись домой».

Сейчас кайадилтов охватывает чувство грусти при взгляде на юг, в сторону острова Бентинк. Не видно больше дыма костров над островом. Теперь там живут лишь птицы да ящерицы. Впервые за всю свою историю этот кусочек земли оказался покинутым, и некому теперь охотиться на дюгоней и черепах у этих островков. Не слышно криков ссорящихся, смеющихся, влюбляющихся людей — лишь волны режут у пустынных берегов.

С самого начала своего существования работники миссии решили обзавестись стадом коров. Вырученные от продажи говядины деньги должны были пойти на покрытие различных расходов миссии.

Местные жители никак не могли понять, почему нельзя убивать коров. Не было в стаде почти ни одной коровы, в которую не летели бы копья. Скот стал очень пугливым, собрать его было просто невозможно—коровы разбегались, едва почуяв запах человека. Отец Уилсон попросил чиновника по делам аборигенов ввести наказания для «охотников» за коровами. Пойманных на месте преступления стали высылать на остров Палм сроком до одного года.

Местных жителей такая мера не испугала. В тюрьме провинившихся кормили, а когда они попадали на свободу, то получали работу на ранчо в окрестностях Таунсвилла или Берктауна.

Эта история произошла примерно в 1940 году. Шла вторая мировая война. В это время я жил в буше. Вместе с моими приятелями Даном и Дугласом и несколькими стариками мы разбили там стоянку. До того как поселиться в лесу, мы одолжили долбленую пирогу и, переплывая от острова к острову, добрались до континента. Затем пешком дошли до Берктауна (хотели наняться там пастухами). Но сержант-полицейский сказал, что работы для нас нет, и с первым же судном, идущим в миссию, отправил обратно.

И вот однажды, уже дома, мы сидели как-то утром втроем и наблюдали, как старики собирались на рыбную ловлю во время отлива. Стоял сезон дождей—рыбы и черепах было мало, жить становилось все труднее. Мы решили убить быка и хорошо поесть. Конечно, за это мы могли получить наказание—ссылку

на остров Палм. Зато после отбытия срока нам должны были дать работу.

Мы одолжили у стариков большие ножи и, прихватив с собой копыя и топорики, двинулись по следу небольшого стада, которое приметили раньше, и нашли его в мангровых зарослях (коровы объедали еще зеленые плоды); оттуда вела только одна тропа, возле которой мы с Дугласом спрятались, взобравшись на деревья. Дан же пошел в обход. Он должен был гнать коров на нас.

Вскоре на тропе показалось бегущее стадо. Дуглас метнул копые в большого быка. Оно попало ему в ребро, соскользнуло и упало. Я угодил старой корове в бок, однако она продолжала бежать. Копье сломалось о ветки. Мы спрыгнули с деревьев и кинулись в погоню.

Стадо удалось догнать, когда оно уже пробиралось через заросшую манграми протоку. После сильных дождей земля была вязкой. Коровы перешли на другую сторону, оставив позади бедную старую скотину, раненную моим копыем. Она, выбираясь на берег, завязла. Мы подбежали и прикончили ее топориком. Затем вытащили с большим трудом. Стариков беспокоить не хотелось, решили держать все в секрете. Мы отрубили себе столько мяса, сколько хватило бы на несколько плотных обедов. Тут же в зарослях устроили пир.

Вечером в нашем лагере появился мальчик. Он пришел поиграть и поболтать с нами. Вернувшись домой, он рассказал родителям, что мы, должно быть, убили быка, потому что от нас пахло говядиной. Старики прикинули и решили, что им тоже надо получить свою долю добычи. Погода стояла плохая, и рыба совсем не ловилась.

На следующее утро женщины и дети отправились за фруктами и съедобными кореньями. Мужчины же сделали вид, будто готовят копыя для лущения рыбы. Они знали, что женщины не одобряют их действий, ведь за уничтожение скота их мужей высылали на далекий остров Палм — место заключения аборигенов, расположенный в двадцати милях к северу от Таунсвилля. Один из мужчин сказал Дану, что они хотят получить причитающуюся им часть добычи. Пришлось вернуться и разделить остатки туши.

Свежие куски мяса доставили огромную радость голодным старикам. Уже несколько недель им не удавалось поймать ни дюгоней, ни черепах. Разделив тушу, мы развели огонь, поджарили грудинку и тут же съели. От коровы почти ничего не осталось. С собой прихватили даже кости. Вскоре мясо, прикрытое песком и корой, тушилось в земле.

Мужчины решили ничего не говорить женщинам — пусть они думают, что в ямах жарится рыба. Когда женщины, весело болтая и смеясь, вернулись в лагерь, мы притворились спящими. Они тотчас же ринулись будить нас. Женщины бранились, называя нас лентяями, и в то же время они интересовались, что же это за рыба печется в земляных печах. Мужчины заверили, что поймали много крупной рыбы, и сказали, что она уже испеклась. Женщины открыли печки и, почувствовав запах мяса, испугались. Они кричали, что теперь-то уж им придется расстаться с мужьями, ведь мужчин сошлют на остров Палм. Я и мои друзья успокаивали их: корову убили мы и возьмем всю вину на себя. Мясо чудесно пахло. Никто не мог устоять перед соблазном. Вскоре все сидели довольные и очень сытые.

Мы пошли в миссию и рассказали всем и каждому, что мы режем бычков. Весть дошла до главы миссии. На собрании, которое устроили в лагере, он спросил, кто охотится на коров. Мы тотчас указали на себя, и преподобный отец сказал, что сообщит протектору аборигенов¹, чтобы нас сослали на остров Палм. Все нас стали оплакивать, и мы почувствовали себя важными персонами. Главное — попасть на остров Палм, а там уже легче будет получить работу и зарабатывать деньги.

Время шло, а нами никто не интересовался. Видимо, дела на войне обстояли плохо, протектору было не до бычков.

Примерно год спустя отделение полиции Берктауна попросило миссию прислать как можно больше молодых людей для работы на ранчо. Большинство скотоводов ушло в армию, и на ранчо не хватало рабочих

---

¹ Протектор — государственный чиновник по делам аборигенов.

рук. После стольких лет мы были безмерно рады получить наконец настоящую работу, за которую платят деньги. Кроме того, уехав в Берктаун, можно чему-то научиться, увидеть новое. Мы быстро собрались и на вельботе отправились в Берктаун.

Я получил работу на ферме Таллауанта, отделении фермы Лоррейн. Старшим пастухом здесь был Оскар Бун. Мы с ним отлично ладили. В первый день он сказал мне:

— Привет, парень. Что умеешь делать? Ездить верхом умеешь?

— Нет. Негде было научиться.

Тогда Оскар дал мне тихую старую лошадь. Вскоре я уже прилично ездил верхом и научился присматривать за лошадьми.

Я освоил работу пастуха — загонял и чистил скотину, ставил клейма и выполнял разные подсобные работы. Сначала было очень трудно, но потом я привык и окреп. Неделями жили мы вдали от усадьбы. Вьючная лошадь и узелок с самым необходимым — это все, что мы имели при себе.

С рассветом начиналась работа. Нас будили птицы. На завтрак всегда был кусок мяса или солонина с лепешкой. Примерно раз в неделю забивали корову. Часть туши отвозили в усадьбу, остальное предназначалось пастухам. После завтрака мы загоняли лошадей во двор, седлали их и отправлялись на работу. Каждый имел дополнительно двух сменных лошадей. Из трех лошадей, которые были в распоряжении пастуха, две предназначались для сбора скота, а одна — для перевозки грузов, отбивки коров от стада и различных работ в загоне.

Собрав стадо, мы отгоняли его в ближайшие загоны и затем устраивали привал, который обычно продолжался часа четыре. Все отдыхали, пели песни, болтали и наслаждались вечерней прохладой. После ужина ловили лошадей и по очереди при свете луны и мерцании звезд всю ночь объезжали стадо.

Рано утром первым делом мы ловили и клеймили телят и скот, еще не имевший тавра. Затем отделяли производителей и молодняк от забойных быков и направляли их на пастбища нагуливать вес. В окрестностях одного колодца мы пасли стадо в течение трех или

четырёх дней, а потом переходили в район другого. В то лето была страшная засуха. Скот сильно отощал и требовал большой заботы.

Мы часто видели, как колонны армейских грузовиков, поднимая облака пыли, шли в район залива, где был большой лагерь. Мы гордились тем, что помогаем снабжать продовольствием сражающихся солдат. Ведь среди них были такие же аборигены, как и я. Было приятно смотреть на стада, вытянувшиеся длинной линией по дороге на юг, к товарной станции в Каджабби.

Контракт мы подписали на год. За работу платили мало, но еды и табаку давали достаточно. Это было лучше, чем жить в миссии или добывать пропитание в лесу и на рифах. Через год я поехал домой на рождество. Я плыл на «Коре», принадлежавшей Джону Бэрку, и чувствовал себя счастливым. Впервые в жизни у меня в кармане были деньги — сумма небольшая, но в то время мне она казалась значительной.

На Морнингтоне мы застали суматоху. Миссионер объяснил нам, что на северо-восточной оконечности острова потерпели аварию два больших американских самолета и туда готовится спасательная партия. Работая пастухами, мы научились хорошо ездить верхом, поэтому нас также включили в нее, дали по две лошади и велели побыстрее собираться.

Уже совсем стемнело, когда мы были готовы тронуться в путь. Моя мать плакала — ведь я только что приехал и в первую же ночь снова покидал дом. Мы же были возбуждены и спешили скорее присоединиться к спасательной группе. Ехали всю ночь и лишь на рассвете прибыли к месту происшествия. Днем раньше сюда на катере прибыла группа механиков с базы ВВС в Карумбе, расположенной в устье реки Норман.

Самолеты лежали на мелководье близ берега. В прилив над водой виднелись лишь кончики их хвостового оперения. Четверо американских пилотов оставили о себе сведения прямо на фюзеляже. Они написали фамилии и сообщили, что отправляются в Австралию на резиновых лодках.

Поисковая летающая лодка «Каталина» обнаружила их примерно в ста милях от острова Валлаби. Все четверо сидели в одной лодке. Другую они оставили на мысе Ван-Димен. Вода у них кончилась — положе-

ние стало критическим. На «Каталине» летчиков доставили в миссию, накормили и переодели. Вскоре за ними прибыл самолет, и они улетели.

Оказывается, они летели из Таунсвилла на остров Четверга. Маршрут был новый, и их инструктировали в полете держать Австралию слева от себя, двигаясь так до оконечности мыса, где и расположен остров Четверга. По-видимому, они проглядели мыс Кейп-Йорк, обогнули его и добрались до побережья пролива. Над Морнингтоном у них кончилось горючее.

С нашей помощью команда из ВВС построила большой плот. Его подтянули к самолетам, и в течение нескольких дней каждый раз, когда начинался отлив, мы занимались разборкой машин, снимая все, что можно было использовать. Детали отвезли в Карумбу на катере. Почти двадцать лет спустя, когда я работал у Рега Ансетта в Карумба Лодж, я увидел там все эти детали. Сложенные в большую кучу, они ржавели в старом сарае.

Остовы двух самолетов иногда попадают на нас на глаза, когда мы охотимся в той части острова. Они обросли кораллами и похожи на большие скалы.

Уже после войны на моем родном острове Лангу-Нарнджи разбился другой самолет — маленький «Москито». Его пилот — некий мистер Холл, решил побить какой-то рекорд на трассе Новая Зеландия — Англия. Мистер Холл и его спутник погибли. Людям с фамилией Холл у нас почему-то не везет.

Об этой аварии мы сначала услышали от старика по имени Большой Барни. Со своей семьей и еще одной супружеской четой он жил на острове Сидней. Погода стояла плохая. Сквозь шум дождя Барни и его соседи ночью услышали гул низко летящего самолета. Через несколько мгновений раздался сильный взрыв. Затем воцарилась тишина.

Рано утром Барни вышел посмотреть, что же все-таки там случилось, и наткнулся на обломки самолета, прибитые к берегу. Это было то самое место, где когда-то сражался Варренби. Судя по всему, люди в самолете погибли. Весь день Барни шел в миссию, чтобы сообщить о катастрофе.

На следующий день мы отправились большой группой на место происшествия. В воде на глубине шести

футов нашли остов самолета. Преподобный Маккарти послал радиограмму на материк. Через несколько дней над нами пролетел гидросамолет из Карумбы и сбросил записку. В ней просили показать знаками, найден ли самолет и уцелел ли кто-либо из экипажа. Под водой мы обследовали самолет. Две ноги и рука — вот все, что осталось от бедных пилотов после того, как сюда наведальсь акулы. Под обломками также нашли резиновую лодку и парашюты. Останки погибших переправили в миссию. Из Карумбы за ними прилетел самолет с гробами.

В 1943 году я уехал в Грегори Даунс и нанялся на ранчо. Снова тяжелая работа. Шесть дней в неделю проводил в седле: гуртовка, клеймение, борьба с клещами. Питался рисом с карри² или солониной и лепешками. Как роскошь раз в неделю мы ели жареную свежую говядину.

В конце года я поехал домой на праздники и увидел на острове радарную станцию ВВС. Ее обслуживала небольшая группа военнослужащих.

Иногда здесь проводились учебные воздушные тревоги. В деревню прибегал человек и кричал, чтобы все немедленно прятались в лес. Многих островитян уже вывезли на материк в Думаджи, остальные на время тревоги покидали деревню. Но японские самолеты так и не появились над Морнингтоном.

Как-то днем поднялся переполох. В залив вошло незнакомое судно. Все решили, что японцы намереваются высадиться на Морнингтоне и устроить здесь свою базу. В деревню вошли военные и приказали мужчинам взять копья и идти в казармы. Женщины и дети спрятались в лесу.

Перед казармами собралась большая толпа. Нас разделили на отряды по десять человек. Каждый отряд получил своего командира — служащего ВВС с винтовкой. Мы заняли оборону по береговой линии. Группу, в которой оказался я, поставили около радара. Мы залегли за песчаным гребнем и стали ждать.

Стемнело, а мы все ждали. Пожалуй, все мы были немного испуганы. Хотелось курить. Я прислушивался,

---

² Карри — блюдо из мяса и риса с пряностями. Здесь — острая приправа.

как кричит птица джебель, возвещая нарождение луны, когда до нас донесся стук и перезвон консервных банок, развешанных на сигнальной проволоке. Что-то замаячило впереди. Сержант-летчик начал палить из винтовки, а мы принялись кидать копья. Никто, однако, не стрелял в ответ. Когда сержант расстрелял все патроны, мы снова стали ждать и всматриваться. Некоторые мужчины из нашей группы, использовав все копья, исчезли. Я остался на месте, наверное, просто потому, что был слишком напуган, чтобы сбежать.

Несколько позже взошла луна, и мы увидели какой-то предмет, лежащий на берегу. Через некоторое время спустились вниз и нашли мертвую корову. В нее попали две пули и копьё. Бедная тощая старая корова оказалась единственной жертвой войны на острове Морнингтон.

После войны радарное подразделение покинуло остров. У солдат оставалось много консервов, которые не разрешалось раздавать населению. Их должны были уничтожить. Но солдаты решили просто закопать консервы в разных местах на острове. Уезжая, они посоветовали жителям покопать вокруг старого лагеря. Началась «охота за сокровищами». Все бродили с копьями, ковыряя землю в поисках рыхлого грунта, скрывающего клад. Консервы откапывали руками, и скоро у счастливых оказались большие запасы таких чудесных продуктов, как консервированное масло, мясо, овощи, варенье и фрукты. Две пожилые женщины пришли в страшное возбуждение, обнаружив рыхлый грунт. К своему великому огорчению они откопали яму с нечистотами.

После войны я получил работу на скотоводческом ранчо недалеко от побережья залива³. Хозяин там был хороший, я работал у него одно время еще в годы войны. На этот раз я приступил к своим обязанностям в самом конце сезона дождей, когда земля была еще мокрой и болотистой и кругом стояла вода. Я не знал тогда, что мой босс собирается захватить своих соседей врасплох и увести с их участков весь молодняк и весь не клейменный скот, пока они сидят на верандах, ожидая сухой погоды.

---

³ Имеется в виду залив Карпентария.

В лагере нас было пятеро аборигенов и двое белых — повар и старший пастух. Мы выехали из лагеря вдоль бурной речки, имея каждый по две верховых и две вьючных лошади. Подъехав к забору, ограждавшему участок, мы спустились с берега и прошли немного по мелкой воде. У пастуха были с собой клещи-кусачки, чтобы прорезать отверстия в проволочной ограде. Тут и там в ограде видны были заплатки в тех местах, где в дождливый сезон ее прорывали потоки воды.

Мы выделили двух разведчиков, которые должны были наблюдать за местностью по обе стороны реки и предупредить нас, если кто-либо появится поблизости. В течение нескольких недель мы сгоняли скот по реке и ее притокам. У нас набралось больше сотни голов неклеяменого скота, в основном телят. К этому времени я уже понял, что мы вовсе не помогаем соседям, а занимаемся угоном чужого скота.

Лучших клейменных бычков или упитанных телок мы забивали на обед. Такого мы не могли позволить себе на нашей ферме. Отстрел клейменого скота — дело рискованное. Клеймо удостоверяет права собственности, поэтому лучше всего избавиться от него возможно скорее — на случай, если появится привлеченный выстрелами владелец.

Поставщиком мяса у нас в лагере был мой приятель Билли. Он отлично стрелял с седла. Выбрав и подстрелив упитанное животное, он соскакивал с седла и тут же срезал с туши тавро и уши. Затем хватал палку и запихивал эти знаки собственности глубоко в кишечник коровы. Ни одному белому человеку не пришлось бы в голову рыться там. Так было гораздо надежнее, чем закапывать срезанные куски или прятать их в дупле. Затем Билли надрезал шкуру по хребту и сдирал ее с одной стороны. Мы отрезали эту часть туши, накрывали остатки шкурой, переворачивали тушу нетронутым боком вверх и уходили. Затем к делу приступали вороны, динго и дикие свиньи, и через два-три дня все выглядело так, как если бы животное умерло естественной смертью.

Собрав все, что можно было захватить в окрестностях, мы погнали наше маленькое стадо назад вдоль реки и снова заделали ограду. Следы наших стоянок тщательно уничтожили, а то немногое, что осталось,

вскоре смыли последние ливни уходящего сезона дождей. После таких налетов еще на два соседних участка у нашего хозяина прибавилось примерно 500 голов скота. Соседи, наверное, решили, что динго были особенно прожорливы в этом году.

В начале 1950 года я снова нанялся на ранчо Джорджа Шульца в Лорейне. Место было хорошее. Шульца я хорошо знал, работал у него еще во время войны. Теперь, после очень приятных рождественских праздников, которые я провел дома с Элси и нашими двумя детьми, я решил вернуться в Лорейн и наняться еще на год.

В лагере был новый повар — здоровый рыжий детина, неопрятный и раздражительный. У него было обыкновение готовить большой котел риса с карри и подавать его на стол три раза на день. Моим напарником в лагере был Лон Хилл Альберт из племени югулда. Он был невысок ростом, но крепок и решителен. Альберт был готов ввязаться в драку даже из-за упавшей шляпы, и с ним было опасно шутить.

Нам надоела плохая пища, и мы пожаловались повару. Но он, эта мордастая скотина, заявил:

— Ешьте, что дают, а не хотите — не надо.

Альберт пожаловался мистеру Шульцу. Тот посочувствовал нам, но сказал, что просто не может найти другого повара.

Мы терпели еще месяц. Я понимал, что настало время собирать пожитки. Как-то вечером я приехал в лагерь и застал повара и Лон Хилл Альберта в разгаре ссоры. Повар обзывал Альберта хитрым черным выродком, а Альберт отвечал, что может быть он и черный выродок, но от него, в отличие от некоторых, не воняет, как от козла. Я думал, они подерутся. Но повар, наругавшись вволю, удалился в палатку. Возможно, он слышал о той репутации драчуна, которую имел Альберт, а может, ему просто не понравилось полено в его руках.

Мы собрали пожитки и отправились на ранчо в надежде, что до Берктауна нас подвезет почтальон. Но Джордж Шулец был против нашего ухода и заранее запретил почтальону брать нас с собой. Тогда мы выпросили у работавших по соседству аборигенов немного солонины и муки и двинулись пешком. Нам

предстояло пройти более 100 миль на север, до Берктауна.

В первую ночь мы остановились на привал у песчаного русла реки Лайкхардт, милях в восьми от нашего ранчо. На следующий день добрались до ранчо Нарду. Здесь мы надеялись найти кого-нибудь из родственников. Скотник оказался моим знакомым, он снабдил нас чаем, сахаром и табаком. Выйдя из Нарду, мы пересекли реку и пошли вдоль колеи, надеясь на попутную машину. Стояла страшная жара, и мы решили идти ночью, а днем спать где-нибудь в тени.

Мы уже свернули в сторону поросшей кустарником речки, когда Альберт разглядел облачко пыли на горизонте. В дрожащем мареве плыла какая-то черная точка — это была попутная машина. Мы вернулись на колею и, сев на свои узелки под деревом, стали ждать.

Старая помятая машина принадлежала двум охотникам на кенгуру, и даже запахи бензина и нагретого масла не могли скрыть этот факт. Охотники ехали в Берктаун, но могли подвезти нас только до Огастес-Даун; возле этих мест они собирались поохотиться. Забросив свои узелки, мы взобрались в машину. К запаху бензина и кенгурятины мы скоро привыкли, а ехать было гораздо лучше, чем идти пешком.

Охотники оказались хорошими парнями. Оба были молоды. После армейской службы они не смогли привыкнуть к городскому быту и предпочли вернуться к суровой жизни на необжитых пространствах. Худые, почерневшие под солнцем так, что их кожа мало чем отличалась от моей, и тем не менее веселые, они всю дорогу болтали с нами и делились табаком.

Уже смеркалось, когда мы подкатили к стоянке у колодца в красивой тенистой местности. Это и был Огастес. Здесь охотники собирались остаться на пару месяцев. Вместе попили чаю, новые друзья снабдили нас рисом, и мы двинулись в путь по ночной прохладе.

Рассвет еще не наступал, когда мы увидели рощицу у ручья и решили сделать привал. До ранчо Армрейналд на реке Лайкхардт оставалось всего несколько миль. Мы решили появиться там на следующий день перед ужином.

В то время управляющим в Армрейналде был Джек Шафферт, а на ранчо Миранда-Даунс, за дорогой на

Нормантон — его брат Фил. Оба были хорошие парни, всегда готовые накормить человека, особенно темнокожего или того, кому не повезло. Мы поужинали и остались на ночь поболтать с земляками.

На следующий день на небе сгустились тучи, и сразу после завтрака мы поспешили отправиться в Берктаун. Но к полудню прояснилось, солнце жгло так жаростно, что мы решили остановиться на полдороге и двинуться к Берктауну лишь на следующее утро.

Берктаун не меняется. Это небольшое скопление крытых жестью хижин на реке Альберт как раз в том месте, где к заливу подступает солончаковая равнина. Даже козы и тучи коршунов, рыскающие по пустынной окрестности в поисках пищи, выглядят здесь тощими и голодными. Мы сели на наши узелки под деревом у полицейского участка и принялись ждать, когда кто-нибудь оттуда появится.

Долго ждать не пришлось. Сержант, по-видимому ожидавший нас, подошел к дверям и сказал:

— А, явились. Иди-ка сюда, Лон Хилл Альберт, ты мне нужен.

Альберт вошел в помещение, а я остался на веранде. Я слышал, как сержант — здоровый краснолицый детина с бычьей шеей — напустился на Альберта, крича, что он всем надоел, что он вечно жалуется на плохой харч и сбегает с ранчо. Спор становился громче, потом послышалась возня, и я увидел в окошко, как они тузят друг друга. Толстый сержант недолго продержался — Альберт в конце концов уложил его двумя ударами и встал над ним, отдуваясь.

— По должности ты опекун аборигенов, — орал Альберт, — а когда мы приходим к тебе за помощью, лупишь нас!

Сержант медленно поднялся и крикнул полицейскому, чтобы он надел на Альберта наручники. Но молодой полицейский, которому, видно, надоело слушать сержантские окрики, стоял на веранде, не трогаясь с места. Тогда сержант позвал полицейского следопыта-аборигена и приказал ему запереть Альберта. Но молодой полицейский удержал аборигена за руку. Впрочем, сделать это было нетрудно, ведь следопыт был родственником Альберта.

Тогда сержант посмотрел по сторонам и сказал:

— Ладно, Альберт, твоя взяла. Иди в лагерь и жди, пока я решу, что с тобой делать.

Вероятно, у молодого полицейского был длинный разговор с сержантом. Под конец сержант был настроен уже вполне дружелюбно и через несколько дней поехал вместе с нами на почтовой машине в Лорейн. Грязного повара скоро выгнали, и мы с Альбертом проработали у Шульца еще год. Но потом я поехал домой на рождество и решил, что с меня достаточно этой тяжелой работы, ночевок под деревом и обеда из одной солонины и лепешек. На ранчо я больше не вернулся.

Я стал моряком — поступил палубным матросом на «Кору». Это было одно из судов Джона Берка, снабжавших провиантом все поселки и миссии вдоль залива. Другое судно «Элсанна», покрупнее, доставляло припасы из Брисбена, Таунсвилла и Кэрнса, а на острове Четверга их перегружали на «Кору».

Забрав груз, мы шли вдоль берега залива на Нормантон, Берктаун и остров Морнингтон. Иногда мы возили грузы для острова Вандерлин. Постом «Кора» возвращалась к острову Четверга и брала груз для миссии Йирркала в заливе Мелвилл, для острова Грот-Айленд, Роуз Ривер и Буролула. Работа на судне была легче, чем на ранчо, а еда намного лучше. Мне нравилось работать на палубе и стоять двухчасовые вахты у руля. На море всегда дул прохладный ветерок, и я с удовольствием смотрел из рулевой рубки, как играют дельфины и летучие рыбы носятся вокруг судна. Это куда лучше, чем ездить на костлявой лошади и смотреть на коричневые пыльные смерчи, поднимающиеся к парящим в небе коршунам.

В заливе не всегда было тихо и спокойно. В зимние месяцы на мелководье юго-восточный ветер поднимал большую волну, и при такой погоде нам приходилось плавать неделями. Самый тяжелый рейс за два года моей работы на «Коре» был с Вандерлина (на юго-западе залива) на остров Четверга. Мы прошли полпути и оказались как раз на середине залива, когда начали сгущаться тучи и пошел сильный дождь. Шкипер сказал, что барометр быстро падает и, похоже, приближается циклон.

Я по-настоящему испугался. Несколько лет назад, как я уже рассказывал, в сильный шторм в заливе уто-

нул мой младший брат Дункан со своими товарищами. Теперь, по мере того как рев ветра нарастал, я все больше убеждался, что мне уготовано место на дне рядом с братом. Ветер дул с северо-запада, и шкипер уводил судно чуть-чуть в сторону. Волны вздымались, как грязновато-зеленые горы. «Кора» зарывалась в них носом так, что, казалось, мы уже больше не выскочим. Вода переливалась через верхнюю палубу, но судно медленно выпрямлялось, стряхивая ее с палубы, и шло навстречу новой волне.

Мы сражались с морем весь день, а часам к десяти вечера ветер начал спадать. Море успокоилось. Циклон переместился в сторону Арнемленда. Небо еще было закрыто облаками, дождь продолжался, и шкипер не мог определить наши координаты. Поэтому он просто взял курс на восток. На следующий день вдали показалось устье реки Арчер, впадающей в море с западной стороны мыса Йорк. Мне случалось плавать вверх по Арчеру до миссии Орукун, расположенной в нескольких милях от устья, и я хорошо знал это место. Спустя еще день мы благополучно бросили якорь у острова Четверга.

На острове мы всегда проводили время тихо. В те времена ни нам, ни коренным жителям островов Торрессова пролива не разрешалось пить спиртное в отелях. Конечно, были бы деньги, и тогда всегда можно достать грог или, в крайнем случае, денатурат. Мы выпивали в летнем кинотеатре или в маленьких кафе. Белые ребята из нашей команды обычно напивались, затем некоторые из них уходили с островитянками с Торрессова пролива. Я советовал им держаться подальше от этих девчонок: многие из них подхватили заразу на японских и китайских рыболовных судах.

В этом рейсе коком у нас был молодой белый парень. Он забавлялся с женщиной с острова Хорн, а в ответ на мои предупреждения только смеялся. Последнюю ночь, пока мы стояли в порту, она провела у кока в кубрике. Утром я пришел на камбуз, где он готовил завтрак, и спросил, как дела. В ответ он только охнул. Я посоветовал коку рассказать о своей болезни помощнику капитана, но тот продолжал работать. Тогда я сам пошел к помощнику. Услышав, что кок готовит завтрак, помощник сказал:

— Черта с два будет он мне готовить завтрак!

И тут же кок был отправлен в больницу.

Через несколько недель мы снова оказались на острове Четверга. Как-то вечером, когда мы с коком возвращались на «Кору», навстречу нам попала та самая бабенка с острова Хорн. Она позвала кока:

— Пойдешь со мной? У меня кое-что есть для тебя. Кок выругался и спросил:

— Ну, что еще теперь — проказа?

Они поскандалили, и дело кончилось тем, что кок погнался за ней по дороге, размахивая бутылкой.

С женщинами развлекались и в Борролула. Сюда с реки Ропер обычно съезжались местные жители для проведения обрядов инициации, которые сопровождались обменом жен. Как-то раз мы взяли слишком большой груз и не смогли пройти вверх по течению до пристани. Пришлось бросить якорь в том месте реки, которое носит название «Переправа чернокожего». Здесь товар перегружался на большие долбленки и шлюпки.

Напротив нашей стоянки люди с реки Ропер разбили большой лагерь. Они мечтали разжиться табаком, едой, одеждой и мылом. В ту ночь я сидел, покуривая, на палубе. Вдруг о борт судна что-то ударило и послышались тихие голоса. Оказалось, что какой-то старик подъехал на долбленке и стал предлагать команде двух девушек. Старик окликнул одного из наших:

— Эй, парень, иди сказать шкиперу, у меня два девушки, хорошая, молодая.

Матрос изобразил полную готовность, хотя на самом деле вовсе и не собирался будить шкипера. Он ушел в кубрик, потом вернулся назад и сказал:

— Не могу его разбудить, старик. Слишком крепко спит.

— Ладно, буди механик. Скажи, два молодая девушки.

Матрос снова ушел, но, вернувшись, сказал, что не мог разбудить и механика.

— Ладно, где тот желтый парень? Может, он найдет четыре шиллинг, или рубашка, или мыло!

В конце концов он сторговался с моим хитроумным земляком и матросом-полукровкой. Наутро оказалось, что у меня пропали шорты и две рубашки, пошедшие в

счет уплаты за девушек. И каждый раз, когда мне приходилось бывать в этих местах, какой-нибудь старик предлагал своих жен за деньги, табак или одежду.

В миссиях по берегам залива у меня завелось много хороших друзей. Я бывал на корробори и наблюдал, как местные художники рисуют на древесной коре. Мы любили посидеть, рассказывая всякие истории и выясняя, кто кому родственник. Я как-то сказал друзьям, что родился в Бураланги, и у меня тут же нашлись родители.

— Вот этот — твой брат, — говорили мне, — этот — отец, вот двоюродный брат, вот сестра, жена, мать.

И я почувствовал себя совсем как дома. Когда-нибудь я еще побываю здесь.

Прошло время, и «Кору» сняли с линии. Я потерял работу. Оставалось вернуться к моей семье на Морнингтон.

ПРИЕЗД ВАРРЕНБИ

Закончив плавание на «Коре», я оставался дома года два. К тому времени у меня было уже пятеро детей — Мервин, Рэймонд, Кевин, Элинор и Безил. Деньги, заработанные на «Коре», скоро кончились, и, чтобы прокормить семью, мне пришлось всерьез заняться охотой. Кроме того, я изготовлял бумеранги на продажу.

Главой миссии в то время стал преподобный Даг Белчер — он и до сих пор там. Белчер приехал вскоре после войны, и ни один миссионер еще не оставался у нас на такой долгий срок. Притом он оказался и лучшим из всех, стал настоящим лардиллом и, как мне казалось, поселился у нас навсегда. До него ко всем миссионерам у нас обращались со словом «хозяин», но Дагу Белчеру это не нравилось. Он попросил дать ему лардильское имя. Мы стали звать его Гундта («отец»). Он изучил наши обычаи и верования и стал использовать их в своих христианских проповедях.

Жить на Морнингтоне было все так же трудно. Если человеку удавалось получить работу на ранчо где-нибудь на материке, он посылал деньги семье и обеспечивал ей сносную жизнь. Но большинство людей оставалось без работы и пробавлялось охотой и изготовлением бумерангов, копий. Оружие продавали в магазине миссии, а оттуда переправляли в Департамент по делам аборигенов или в магазины сувениров для туристов. На вырученные несколько долларов можно было купить муки, риса, чая и сахара. Если погода была плохая и охота неудачная, мы сидели на лепешках и пустом чае.

Во время школьных каникул мы вывозили детей в прибрежные становища, где в окрестностях была хорошая охота, и досыта кормили их рыбой, мясом дюгоня и черепахи. Бывало, однако, и так, что во время долгих рождественских каникул стояла плохая погода,

и мы ходили голодными. Миссия кормила только стариков, слишком немощных, чтобы добывать пропитание охотой.

Мы жили в маленьких домиках, которые строили сами под присмотром плотника, нанятого миссией. Это были не ахти какие жилища с европейской точки зрения, но они, конечно, не шли ни в какое сравнение с шалашами, в которых мы обитали когда-то. К тому же мы надеялись, что в один прекрасный день наше селение снесет сильным циклоном, и тогда правительству придется построить нам новые, добротные дома, как это было в миссиях Митчелл-Ривер и Эдвард-Ривер. Пожалуй, стоило прибегнуть к помощи всех пяти полукружий в Лангу-Нарнджи и устроить большой магический обряд, чтобы вызвать наводнение.

В 1962 г. мне повезло — я устроился на работу дворником в Карумба Лодж, в устье реки Норман. Здесь раньше находилась база гидросамолетов. Она перешла в руки авиакомпании «Ансетт Эйрлайнз» и превратилась в туристскую базу, где охотились и ловили рыбу. Заведующим базой был мой старый друг Кит Де Витт. Я познакомился с ним, когда плавал на «Коре». В то время он водил лоцманский катер в гавани Карумбы. Кит и его жена Элси венчались на Морнингтоне у Гундты Белчера, который оказался единственным пресвитерианским пастором поблизости. Я был шафером у них на свадьбе.

Вместе со мной на работу в Карумбе поступил и мой приятель Диггер Адамс. Мы ухаживали за садом, рубили деревья и выполняли всякие мелкие работы. Как-то раз нам довелось принять участие в съемках телефильма об охоте на крокодилов. Мы исполняли там песни и танцы нашего племени. Самый неприятный момент при съемке был тот, когда нам пришлось ворочать и таскать дохлого крокодила, так чтобы он казался живым. Он уже четыре дня как издох, и вонь стояла ужасная! В свободное время я изготавливал бумеранги на продажу туристам, которые приезжали на машинах или пассажирским самолетом ДС-3, каждую неделю прибывавшим из Кэрнса. Я не мог и предполагать, что с ДС-3 будет связана большая перемена в моей жизни.

Как-то в пятницу я увидел командира самолета, который рисовал на дне недавно построенного плаватель-

ного бассейна грудастую русалку. С тех пор как мне впервые попались на глаза работы великого Наматжиры, я мечтал стать художником¹. Кит сказал, что человек, расписывавший бассейн,—это капитан Перси Трезайс, и я попросил познакомить меня с ним. Мне пришлось в голову показать ему несколько моих картин. Может быть, он что-нибудь посоветует.

В тот же вечер мы пошли в бар, где пилоты пили пиво, и Кит представил меня. Я очень стеснялся, но они были веселые ребята, и вскоре мы непринужденно пили и разговаривали. Я показал Перси несколько небольших картин. Я написал их в стиле Наматжиры, но, по-моему, они не произвели большого впечатления. Перси сказал, что мне надо писать только то, что я хорошо знаю, и что надо всегда исходить из своего собственного опыта и вкуса.

В этот вечер у нас был большой разговор. Он затянулся до полуночи. Суть его свелась к тому, что для того, чтобы стать художником, надо усиленно работать, лет десять «вкалывать вовсю», как сказал Перси. Прежде чем я пошел спать, программа на десять лет была готова. Первые пять я должен был работать на коре и писать картины на темы наших легенд. Продавая их туристам, можно зарабатывать себе на жизнь. Перси сказал, что за пять лет я сделаю себе имя, и мне будут неплохо платить. Затем я смогу начать писать маслом в европейском стиле. Еще пять лет работы и учебы, и я стану продолжателем дела покойного Альберта Наматжиры.

Дело стало за корой. В окрестностях Карумбы не было подходящих деревьев, но Перси обещал помочь — кору можно нарезать на холмах за Кэрнсом. В ближайшую пятницу я с нетерпением ожидал прибытия ДС-3. Наконец он загудел над базой, так что задрожали окна, и затем побежал, разгоняя овец, по взлетно-посадочной полосе. Из хвостового отсека я вытащил кору и отправился на базу, горя желанием сделать свой первый шаг в карьере художника.

Вероятно, мои первые опыты были не особенно удачны, но Перси подбадривал меня, давал советы и

---

¹ Альберт Наматжира — известный австралийский художник-абориген.

пополнял запасы коры. К концу первого года он решил, что можно уже устроить выставку моих работ в Кэрнсе. В течение месяца я урывал каждую свободную минуту и работал по ночам, чтобы подготовить достаточно картин для выставки. Кит Де Витт предоставил мне отпуск на несколько дней, а авиакомпания разрешила бесплатный полет до Кэрнса.

Самолет, на котором я прибыл в Кэрнс, вели Джон Даффи и Тэд Эллиот. Загружая мои картины на коре в хвостовой отсек, они шутили, называя меня Намат-жирой. Мне все еще трудно было поверить в то, что это происходит со мной. Старенький ДС-3 взревел, побежал, подскакивая по взлетной дорожке Карумбы, поднялся в воздух, разгоняя стаи коршунов, развернулся на Нормантон, а затем взял курс на Кэрнс. Стюард Клив Лимкин подал мне пива. Потягивая его из банки, я смотрел на проплывающие далеко внизу деревья и размышлял, что будет со мной в этой новой жизни. Показались зеленые контуры гор, и я понял, что мы приближаемся к Кэрнсу. Я бывал там года три назад, когда плавал на «Коре».

Моя первая выставка состоялась в библиотеке художественного училища. В день открытия я от волнения не мог говорить. Впрочем, беспокойство оказалось напрасным: все картины были проданы, и я получил кучу заказов. Я познакомился со множеством людей, в том числе с художниками Рэем Круком и Эриком Джолиффом. Юмористические рисунки Джолиффа «Племя Уитчетти» хорошо известны на острове Морнингтон — мы немало хохотали, рассматривая их. Рэй Крук жил недалеко от Кэрнса и пригласил меня посмотреть свои картины. Это были чудесные работы, и я надеялся, что в будущем смогу рисовать не хуже.

На моей выставке в Кэрнсе побывал и директор Департамента по делам аборигенов и островитян Торресо-ва пролива мистер Пат Киллоран. Он предложил мне отобрать несколько работ и лететь с ним в Брисбен. Там меня должны были представить специалистам-искусствоведам — возможно, мне следовало учиться. Перси и Рэй Крук были против. Они считали, что я должен придерживаться своего стиля. Специалисты, с которыми я встретился в Брисбене, были того же мнения. Таким образом, в Брисбене я только выступил по телевиде-

нию а затем вернулся в Кэрнс и оттуда — назад в Карумбу.

Домой на рождество я ехал в прекрасном настроении. В кармане вместе с деньгами, заработанными в Карумбе, была сумма, вырученная за картины на выставке, и я знал, как можно заработать еще больше. Надо только упорно работать. Элси и дети радовались и гордились, когда я рассказывал им о своих путешествиях и мечтал о будущем. Маленькая Элинор решила тоже стать художницей. В этом году у семьи Рафси было веселое рождество и вдоволь еды.

Сразу после рождества я получил письмо от Перси. Он писал, что приедет на Морнингтон на весь январь и будет давать всем желающим уроки живописи. Он также хотел познакомиться с нашими легендами и обычаями.

Этот месяц прошел хорошо. Мы часто ходили в лес на охоту и за корой. Там нас как-то захватил небольшой циклон; пришлось прошагать длинный путь до миссии. Потом все время, пока погода не прояснилась, Перси продолжал давать уроки в школе. Однажды вечером мы устроили большой корробори с песнями и танцами. Рассказывали истории о Варренби и в тот же вечер нарекли Перси именем Варренби. Ему понравились наши песни и танцы. Правда, было много хлопот, чтобы разрисовать себя, сделать церемониальные головные украшения из коры, шнурков и перьев эму, подготовить площадку для танцев.

На следующий день вновь нареченный Варренби созвал старейшин и предложил устроить лардильское корробори в Кэрнсе, чтобы белые австралийцы увидели его и, может быть, помогли сохранить этот праздник. В тот период вся молодежь увлекалась танцами в стиле островитян Торресова пролива. Их перенимали, плавая на кораблях или во время работы на материке. Лардильскими обычаями больше не интересовались. И как же обрадовались старики, когда Варренби посоветовал им забыть об обычаях с Торресова пролива и придерживаться своих собственных традиций. Ведь в Квинсленде осталось совсем немного мест, где они еще сохранились. Предложение встретили с ликованием, обещав сделать все, что потребуется. Варренби улетел, мы махали вслед самолету, полные больших надежд.

Рисунок Рафси, выполненный на древесной коре.

После сезона дождей я вернулся в Карумбу и продолжал писать картины. Когда кончалась кора, Варренби нарезал ее в Кэрнсе и привозил мне на ДС-3. Он занимался подготовкой большого корробори в Кэрнсе, а мои соплеменники на Морнингтоне репетировали песни и танцы и готовили церемониальные принадлежности.

Но в тот год устроить корробори не удалось. Незадолго до назначенного дня приехал новый глава миссии преподобный Гордон Кутс, а вслед за тем в селе-

нии разразился большой скандал. Кто-то из парней обокрал продовольственную лавку. Никто не признавался в краже, и преподобный Кутс в наказание запретил корробори. Запрет огорчил всех, а особенно моего брата Линдсея, запевалу нашего хора. Варренби договорился в Кэрнсе о том, чтобы вместо корробори организовать совместную выставку для меня и Линдсея, который тоже начал рисовать на коре.

Когда картины были готовы, Линдсей приехал в Карумбу морем, а оттуда мы отправились до Кэрнса на самолете («Ансетт Эйрлайнз» предоставила нам бесплатные билеты). Еще раньше глава авиакомпании мистер Ансетт прилетел с капитаном Даффи к нам на Морнингтон. Я был там вместе с ними, и мы чудесно провели время. Мистер Ансетт (теперь он получил рыцарский титул сэра) во многом помогал нам.

И снова выставка имела большой успех. За два дня все картины были раскуплены, и у нас оказалось больше денег, чем мы видели за всю свою жизнь. Мы купили большую крепкую шляпку с подвесным мотором и отослали ее домой. Кроме того приобрели рыболовную сеть и много других полезных вещей. С лодкой и сетью всегда можно иметь в достатке рыбы, мяса дюгоня и черепахи, так что в следующий сезон дождей мы снова отлично провели время на Морнингтоне.

Я решил не возвращаться в Карумбу. Кит Де Витт уехал на остров Данк, где он получил место управляющего туристской базой, а нового управляющего в Карумбе я не знал. Варренби считал, что если я приеду на зиму в Кэрнс и буду продавать свои работы туристам, то смогу заработать больше. Он купил мне билет, и в конце марта я прибыл в Кэрнс.

Варренби только что вернулся из миссии Орукун. Он ездил туда в отпуск вместе с Рэем Круком. Они помогали людям племени вик-манкан изготавливать картины на коре и разные поделки. В Кэрнс одновременно со мной приехал из Брисбена еще один друг Варренби — Фрэнк Вулстон. Втроем мы отправились в ущелье Изабеллы недалеко от Куктауна раскапывать пещеру, где в старые времена жили люди из племени *гугу-имаджи*.

Для меня это была очень интересная поездка: я встречал новых людей и видел новые места. Занятый сбором коры для картин, пока деревья еще были в со-

ку, я почти не принимал участия в раскопках. Было как раз то время, когда кора снимается легко. Приблизительно в конце июля ток древесных соков прекращается, и кора плотно прилегает к стволу. Поэтому мне надо было накопить запас, чтобы хватило до следующего сезона дождей.

Снятую кору нужно нагреть над огнем и спрессовать так, чтобы на ней не было трещин. Полученные плоские листы затем сушатся в стопках под грузом. Недалеко от нашего лагеря на поверхность выходили большие пласты красной и желтой охры. Так что я тут же собирал и смешивал краски.

Раскопки были закончены. Мы перенесли свой лагерь на реку Лора. Здесь, в песчаниках вокруг реки, Варренби уже в течение нескольких лет исследовал пещеры с сохранившимися на стенах старыми рисунками. Он обнаружил немало больших галерей такого рода и собирался подготовить их описание для Австралийского института истории и культуры аборигенов. Большинство местных жителей в этом районе погибло от рук золотоискателей во время золотой лихорадки на реке Палмер почти сто лет назад. Лишь несколько оставшихся в живых стариков могли бы кое-что рассказать о пещерных росписях. Варренби пытался разговаривать с ними и выведать значение рисунков. Но те держались скованно, не доверяя никому из белых. Они слишком хорошо помнили, как белые перебили их родичей. Варренби попросил меня потолковать со стариками и объяснить им, что ему надо лишь записать старинные легенды и обычаи, чтобы они не исчезли без следа.

Я встретился со стариками в селении Лора. Они жили со своими семьями в хижинах, вытянувшихся в линию вдоль реки. Старый Джордж Пегус оказался моим родственником по отцовской линии. Он и познакомил меня с остальными. Среди них были Уилли Лонг и Барни, Джерри Шеперд и Джо Масгрэйв, старый Старлайт и некоторые другие. Мы скоро подружились, и старики согласились помочь Варренби. Джордж и Уилли потом стали его друзьями. Он много писал о них в своей книге «Страна Кинкан».

Из Лоры мы снова отправились на поиски пещерных росписей. Варренби показал нам несколько больших галерей, обнаруженных им раньше в горах над

Каучуковые деревья (рисунок Дика Рафси)

крокодильим питомником. Размеры и число росписей поразили меня. Крупные изображения животных-тотемов были выполнены красной, желтой и белой охрой хорошо подобранных оттенков. Фигуры людей — мужчин и женщин, — вероятно, были столь же известными легендарными персонажами, как наши Марнбил, Гин-Гин и Деваллевул. Мы увидели также огромный рисунок змея. Позже Варренби узнал от Джорджа и Уилли, что этот змей — персонаж известной истории о змее-Радуге. У нас его называли Тувату, а в этом племени — Гуриалла.

На этот раз мы нашли несколько небольших галерей и одну крупную, которую Варренби назвал «галереей Вулстона» в честь нашего друга Фрэнка. Мы решили, что в будущем следует сделать еще несколько таких вылазок. Они принесут нам много больших открытий.

Вернувшись из этого путешествия, я остался в Кэрнсе, где продолжал писать картины на коре и продавать их туристам. Деньги я отсылал домой Элси и

детям. Несколько своих лучших работ я каждую неделю откладывал для большой выставки, которую Фрэнк Вулстон собирался организовать для меня в этом году в Брисбене.

Варренби не оставлял своих планов устроить большое представление корробори в Кэрнсе. Наконец, оно было назначено на август 1964 года. Компания «Ансетт Эйрлайнз» привезла наших лучших певцов и танцоров — больше 20 человек, и мы устроили корробори в «Малом театре» Кэрнса. Сцена была превращена в лесные заросли. Световые эффекты отлично имитировали костры.

Всю неделю театр был битком набит. И как же гордились мы, люди племени лардилов, когда долгие аплодисменты гремели после закрытия занавеса. Мы были поражены тем, что белые люди заинтересовались нашей культурой.

На представлениях у нас было два почетных гостя — наш старый друг Джордж Пегус, которого Варренби вызвал из Куктауна, и мистер Рег Ансетт, прилетевший из Мельбурна. В Мельбурн я направил специальный жезл-послание, призывавший мистера Ансетта на корробори. Я писал, что его отсутствие будет расценено как тяжкое оскорбление. И если он не придет, то придется устроить обряд, вызывающий наводнение; тогда воды реки Ярра поднимутся и затопят половину Мельбурна. Мистер Ансетт появился в Кэрнсе, держа в руках жезл.

Вскоре после корробори я поехал в Брисбен на открытие своей выставки. Ее организовали Фрэнк Вулстон и его жена Бэрил. Почти все картины были проданы. Я прожил неделю в семье Вулстонов, встречал их друзей и разъезжал по окрестностям. Мне показали место старого поселения бора в Сэмпфорде. Там было пустынно, и, казалось, все тосковало по прежним обитателям. Я снял с себя европейские одежды и исполнил наш танец. Теперь здесь играют только опоссумы. Люди, жившие когда-то в поселении, ушли навсегда.

Денег, заработанных в Брисбене, было достаточно, чтобы поехать домой на сезон дождей. По дороге я сделал остановку, чтобы принять участие в лардильском корробори в Маунт-Айза. Участники корробори

приехали туда на катере и на автобусе и устроили представление для местных жителей.

Дома у Элси родился еще один малыш. Это был мальчик, и мы назвали его Дункан в честь моего брата, погибшего в море. В миссии мне хорошо заплатили за несколько картин, и, кроме того, я набрал много заказов в Кэрнсе и Брисбене. Поэтому большую часть 1965 года я провел дома. Была здесь и еще одна причина. Я знал, что Варренби собирается приехать на Морнингтон с заданием от Австралийского института истории и культуры аборигенов. В начале июля он прибыл с небольшой группой снимать документальные фильмы о старинных способах охоты и о наших традиционных обрядах. В роли оператора выступал Фрэнк Вулстон. В составе группы были также художник Рэй Крук и летчик Тони Эллен, оба из Кэрнса.

Варренби нужно было избавиться от женщин и детей, и, кроме того, он хотел найти место, где много дюгоней и черепах. Мы решили, что наиболее подходящими будут наши прежние родные места: Лангу-Нарнджи — остров Сидней. Нужно было плыть от миссии вдоль берега миль двадцать. Катер миссии, который нам предоставил Гундта Белчер, должен был отвезти на место всю нашу группу в двадцать человек и принадлежности для лагеря. Большинство лардилов в группе были родом из Лангу-Нарнджи, но трое с севера и трое — с острова Бентинк.

В день отъезда все были очень возбуждены. Жители селения пришли нас провожать. Зависть была написана на лицах уроженцев Лангу-Нарнджи — им очень хотелось повидать свою родину. Они не бывали там уже несколько лет и знали, что в Лангу-Нарнджи должно быть много животных — непуганые дюгоны, черепахи и большие жирные моллюски. Ведь там уже давно не охотились. Некоторые старики были несколько обеспокоены тем, что для съемок надо было устраивать обряд, призывающий наводнение. Но мы пообещали не делать все по-настоящему — не опускать в море настоящую глину с Мандавы.

Юго-восточный ветер сменился легким бризом, и утреннее солнце ярко светило, когда мы плыли по проливу Аппеля. Вдоль берега долго бежала, размахивая руками, группа ребятишек, пока дорогу им не прегра-

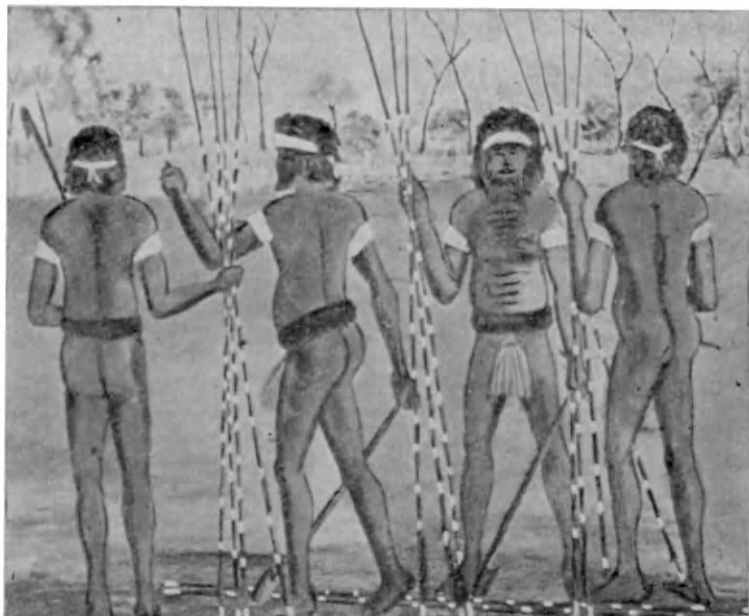
дил поросший манграми ручей. Мотор нашего старого катера раза два заклинивало, и приходилось ждать, пока он остынет, но в целом плавание прошло хорошо, и к вечеру мы бросили якорь в проливе между Лангун-Нарнджи и островом Морнингтон.

Базовый лагерь разбили на берегу Дулгарнан вблизи того места, где когда-то сражался Варренби. Мы поставили палатки, привели себя в порядок и откопали старый колодец за высокими песчаными дюнами. Год был засушливый, и, чтобы добраться до воды, пришлось копать примерно футов на десять в глубину. В песке мы нашли несколько раковин, которыми здесь пользовались люди в старые времена. Ствол колодца закрепили бочками с выбитыми днищами. Вода была чуть солоновата, но зато во время прилива ее было достаточно.

Варренби захватил с собой много продовольствия — муку, рис, картофель, мясные консервы, чай и сахар. Кроме того, мы надеялись добывать свежее мясо и рыбу в море. У нас было две шлюпки с подвесными моторами и несколько больших сетей. В первый же день удалось загарпунить двух черепах и большого дюгоня. Аромат жареного мяса дюгоня и черепах привлек динго, и они всю ночь выли вокруг лагеря.

Всем доставили удовольствие съемки фильмов о том, как в старые времена вязали плоты, охотились на дюгоней и черепах, сражались копьями, бумерангами и нулла-нулла, готовили пищу и совершали различные обряды. Молодым парням было особенно интересно, поскольку они видели все это впервые. Съемки производились лишь несколько часов в день. Остальное время мы бродили по окрестностям, собирали больших болотных крабов в мангровах и прекрасных устриц на обширных отмелях во время отлива, охотились на дюгоней и черепах и ловили рыбу.

Каждое утро на рассвете Варренби будил нас выстрелом из ружья — надо было тащить большой сетью рыбу из воды на завтрак. Два человека садились в шлюпку и шли на веслах, расставляя сеть большим полукругом, а затем мы все вместе вытаскивали ее. Порой улов был очень большой — двести или триста фунтов самой разной рыбы. Каждый выбирал себе что хотел, остальное возвращали морю.

Мужчины с копьями (рисунок Дика Рафси)

У Фрэнка Вулстона было много соли, и он показывал нам, как солить и сушить рыбу, чтобы она сохранялась неделями. Старый Жако сказал, что можно наловить много лосося в узком проливчике между двумя поросшими мангровыми островками Думану и Баргру как раз против нашего лагеря. В старые времена здесь ловили рыбу во время прилива, перегораживая ветвями оба выхода из пролива. Когда начинался отлив, лосось вместе с другой рыбой застревал в небольших лужицах на дне.

Рэй Крук и Тони Эллен, оба заядлые рыбаки, помогли нам перегородить выходы из пролива большими нейлоновыми сетями. Когда сети были установлены, мы в ожидании отлива пошли собирать устриц и крабов. Вернулись во второй половине дня. Сети провисли под тяжестью улова, а на мелководье вода вскипала от множества застрявшей там рыбы. В веселой суматохе, с криками и смехом мы выбирали крупных лососей из

сетей и забрасывали их в шлюпки. Затем взяли остроги и пошли лучить рыбу на мелководе, осторожно обходя огромных скатов, яростно бившихся на мели. Скоро у нас стало столько рыбы, что бочки для засолки не могли ее вместить.

Лососей разделали и заложили на ночь в рассол. Затем рыба два дня висела на кустах под солнцем и, когда хорошо подсушилась, была упакована. Теперь мы могли везти ее домой. Наш запас соли был использован. Но у Варренби была с собой рация. Он связался с миссией и попросил выслать еще соли. Как раз в это время там находился «летающий доктор». На следующий день он прилетел на «Дровере» и сбросил нам мешок соли.

Было еще веселее в тот день, когда мы снимали ловлю черепах большими сетями из волокон гибискуса, какими люди пользовались в старые времена. Эти сети когда-то применялись и для ловли дюгоней в устьях рек. На рифе мы поймали черепаху. Ширина пролива, когда вода ушла, сократилась до пятидесяти ярдов, а глубина у берега — до четырех-пяти футов. Как раз в таких условиях и ловили в старину черепах. В это время Фрэнк выбрал подходящее место и установил камеру.

Мы взяли две большие сети с ячейками в квадратный фут, и три человека побрели с ними по воде. Сети нужно было протянуть на самом глубоком месте. Все остальные выстроились по обе стороны сетей, образовав цепь поперек пролива. Молодые парни никогда не видели, чтобы черепах ловили таким образом. Они были уверены, что черепаха уйдет и уговаривали нас на всякий случай привязать ее на длинную веревку. Им казалось, что они не получают жареного черепашиного мяса на ужин.

Старый Жако заворчал на молодежь, сомневавшуюся в мастерстве предков. Пусть они заберут свою веревку, заткнут глотки и смотрят. Жако руководил съемками всех сцен. Он ходил вокруг, подавая знаки своей воммерой, обозначающие что кому делать, пока все не становилось на свои места. Если Жако что-либо не нравилось, сцену снимали снова.

У нашей бедной черепахи не было никаких шансов. Она исполняла свою роль так, будто ей платили за

работу, тыкаясь туда и сюда, и каждый раз громкие удары по воде преграждали ей дорогу. Наконец она сделала отчаянный рывок туда, где путь, казалось, был свободен, и наткнулась на сеть. Ее сразу же ослабили, черепаха запуталась и была вытащена на берег. Жако торжествовал, а молодые парни были посрамлены.

В течение нескольких дней мы снимали обряд наводнения. Специальную глину доставили с Мандавы. Старики изготовили из нее магические палки *думиджалы*, но не позволили заносить их в воду, опасаясь накликать большое наводнение. Для съемок под водой палки изготовили из теста. Вероятно, все было сделано правильно, потому что в том году циклонов не было.

Зимний закат солнца на Лангу-Нарнджи очень красив. Пока в земляных печах поспевал ужин, мы сидели, любуясь красками неба, отражавшимися в спокойной глади пролива. Когда меркли последние отблески заката и на небе высыпали яркие звезды, мы садились у костра и пели старые песни или рассказывали истории о Времени Сновидений. Их здесь же записывали на магнитофонную пленку. Было так приятно снова побывать в родных местах.

Наши счастливые недели в Лангу-Нарнджи подходили к концу. Ко времени окончания съемок мы уже договорились с Варренби об организации нового корробори в Кэрнсе. Имея надежду на будущее, можно было с легким сердцем возвращаться в миссию, тем более что для своих семей мы везли засоленную рыбу и двух только что забитых дюгоней.

В октябре этого года жители Кэрнса проводили фестиваль, называемый «Веселье на солнце». Они попросили Варренби помочь включить в программу праздника корробори. Снова самолет «Ансетт Эйрлайнз» привез нас в Кэрнс. На этот раз мы устроили представление в театре «Палас». В Кэрнсе было хорошо — мы повидали старых друзей и наслаждались вкусной пищей и холодным пивом. В те дни еще действовал закон, запрещающий аборигенам алкогольные напитки, но обычно после представления Варренби одаривал каждого из нас пирогом с мясом и парой бутылок пива.

Во время фестиваля мы принимали участие в улич-

ных шествиях, музыкальных программах, спортивных состязаниях и знаменитых крокодилийх бегах. Варренби уже видел их раньше и считал, что их надо оживить. Он обратился за помощью ко мне и моим старшим братьям Линдсею и Кенни. Затем послал организаторам бегов заявку на участие, в которой назывался профессором Хартли-Криком. Варренби написал, что хочет выставить на бега никому не известного крокодила по кличке Рег Ансетт, который непременно выигрывает гонку.

Из дерева мы вырезали крокодила длиной около двух футов, и затем поймали плащеносную ящерицу (по-нашему *мулгаджи*) такого же размера. Мы выкрасили ее акварелью в цвета самолетов компании «Ансетт»: хвост сделали красным, а на боках вывели имя: Рег Ансетт. Ящерицу держали в темном ящике, чтобы она отвыкла от дневного света.

В день бегов мы втроем облачились в наряд для лардильского корробори — опоясались украшенным перьями волосяным шнурком, разрисовали себя красной и белой охрой и с помощью кусков коры, шнурков и пучков страусовых перьев сделали себе высокие прически. Варренби надел большой лохматый парик, который шел к его черной бороде, а сверху водрузил на себя белый тропический шлем. Вид у нашей группы был весьма дикий, и мы едва сумели прорваться мимо привратника теннисных кортов, где должны были состояться бега.

Участники уже выставляли своих крокодилов, когда явились мы с большим мешком. Крокодилы были длиной от одного до шести футов. Челюсти их крепко связали, чтобы никто из болельщиков не лишился пальцев.

Варренби вытащил из мешка нашего деревянного крокодила, показал его распорядителям и объявил, что три его лардильских брата с помощью волшебных песнопений оживят этого деревянного крокодила и он будет участвовать в гонках. Он снес положил деревянную фигуру в мешок, а мы исполнили свои песни и заклинания. Ящерица же тихо лежала в мешке.

Через некоторое время Варренби пошарил в мешке, покачал головой и велел нам петь громче. Наша ящерица мулгаджи шевельнулась, Варренби изобразил

радость и объявил, что колдовство подействовало, наш крокодил ожил и готов к бегам.

Все телекамеры были направлены на крокодилов, выстроившихся в ряд на старте. Распорядители хотели взглянуть на нашего участника, но Варренби объяснил, что крокодил будет очень нервничать, и поэтому его надо держать в темноте до стартового выстрела. Он побился об заклад с распорядителями, что Рег Ансетт не только будет первым, но и легко побьет рекорд в двадцать три секунды, установленный на этой площадке. Судья поднял стартовый пистолет и начал считать, а я переместил мулгаджи поближе к верхней части мешка. Раздался выстрел, и я открыл мешок. От солнечного света мулгаджи зажмурился, зашипел, разинул широкую пасть, потом встал на задние лапы и побежал по дорожке не хуже олимпийского спринтера. Большинство местных жителей и туристов никогда не видели, как ящерица бегаёт на задних лапах. Зрители едва верили своим глазам. Старина мулгаджи легко обставил крокодилов и покрыл дистанцию за пять секунд. Но победа его не интересовала. Ему надо было выбраться из этих теннисных кортов и убраться подальше от безумного вопля очнувшейся толпы. Он проскочил линию финиша и взлетел вверх по одной из опор ограждения.

Мы вчетвером бежали за мулгаджи, подбадривая его, так что он бросился вперед и, мотая хвостом из стороны в сторону, спрыгнул прямо на головы зрителей. Дальнейшее его продвижение можно было проследить только по вскрикам женщин, когда он начал взбираться по чьим-то ногам. После шумной суматохи мы наконец поймали его и поместили в центре беговой дорожки. Он тотчас встал на задние лапы и вызывающе зашипел на наезжавшие телекамеры.

Мы потребовали первый приз, но судьи отстранили Рега Ансетта, а с ним и профессора Хартли-Крика от участия в любых крокодилийх бегах пожизненно. Отставной спринтер мулгаджи поселился в зоопарке Харгли-Крик, где до сих пор увеселяет туристов.

После корробори я остался в Кэрнсе. В то время под руководством Рэя Крука я уже стал пробовать силы в живописи маслом. Мои старые работы обеспечивали безбедную жизнь, но мне уже хотелось рисовать

пейзажи и перенести на полотно частичку окрестностей Морнингтона.

Я работал упорно, и перед моим отъездом домой на сезон дождей Рэй решил организовать в галерее Маккуэри в Канберре выставку картин, в которой вместе с ним участвовали Варренби, Линдсей и я. Что до меня, то я был очень доволен тем, как осуществляется наш десятилетний план.

У меня скопилось достаточно денег, чтобы построить новый дом. Миссия заказала тес и кровельное железо. Их доставило грузовое судно «Кеннеди», а через несколько дней я приехал домой. Мы собирались поставить небольшой двухкомнатный домик с верандой для старших мальчиков Мервина и Рэймонда. Я привез с собой нейлоновую рыболовную сеть, и Элси с мальчиками ловили достаточно рыбы на всех, пока с помощью плотника из миссии я собирал дом. Мы давали свою сеть в займы соседям и, когда у них была удачная охота, получали за это свою долю мяса дюгоня и черепахи.

Шлюпкой, купленной в Кэрнсе, в основном пользовались мои братья Линдсей и Тимми. Они же снабжали Элси и детей рыбой в мое отсутствие. Однажды днем, когда я был занят на постройке дома, один из моих родичей попросил шлюпку. Она лежала без дела на берегу под панданусами. Я решил, что никому из нашего семейства лодка не понадобится, и позволил взять ее на все утро. В обед за лодкой пришел Линдсей, но ее еще не вернули. Узнав, что я одолжил ее, не спросив у него, Линдсей разозлился. Мы жестоко разругались. Дело дошло до бумерангов и тяжелых нулла-нуллы.

Все соседи сбежались на нас смотреть. Я отвык от старого оружия и чувствовал, что у меня мало шансов против Линдсея, отлично владевшего боевыми приемами аборигенов. Но я был в ярости, потому что шлюпка все-таки наполовину принадлежала мне, пусть даже я и младший брат. Старый Жако прыгал вокруг, ругая нас и уговаривая помириться. Но это было бесполезно. Элси, тоже вне себя от злости, подбадривала меня. Я бросил первый большой бумеранг в Линдсея, целясь в ноги. Он был готов к этому и отскочил: мой бумеранг ударился в панданус. Его оружие со свистом

пролетело на уровне моего плеча, и я сумел перекинуть его через голову нулла-нулла. Мой второй бумеранг был нацелен лучше, но Линдсей нулла-нулла отбил его. У меня оставалась лишь нулла-нулла. Я готовился отбить его последний бумеранг и потом сойтись в ближнем бою.

Бумеранг, вращаясь, стремительно полетел в меня. Я поставил вертикально перед собой нулла-нулла, бумеранг ударился об нее, раскололся, и большой кусок попал мне в висок. Элси рассказывала потом, что я упал, дернувшись, как поджаренный кенгуру. Таким образом, проиграв поединок, я потерял свое право на шлюпку. От этой битвы у меня остался лишь шрам на голове.

Сезон дождей в этом году наступил рано, в декабре пошли сильные ливни. Я был рад, поскольку это давало возможность скорее заготовить кору.

Дом был готов вскоре после рождества. Мы с Элси взяли большую палатку и отправились на Тимбер-Пойнт на восточной стороне реки Дюгонь. Я хотел нарезать и засушить коры на весь год; к тому же вокруг Тимбер-Пойнт всегда хорошая охота.

Мы разбили удобный лагерь в тени густой рощи панданусов недалеко от берега. В прохладные утренние часы Элси помогала мне обдирать кору, а днем я писал картины маслом. Элси и дети играли в воде, ловили сетью рыбу или собирали в кустарнике вдоль берега дикий виноград, инжир и другие фрукты и ягоды, созревающие в это время года.

К концу школьных каникул большие штабели коры уже сушились у нас под навесом. Я приготовил около двадцати картин маслом, чтобы отослать Рэю Круку в Кэрнс. Он должен был вставить их в рамки. До следующего рождества мы надеялись собрать денег на новую шлюпку и на поездку Элси с детьми в Кэрнс.

КАНБЕРРА И ПЕЩЕРНЫЕ РОСПИСИ

Художественная выставка в Канберре состоялась в конце апреля. Туда я летел самолетом и сильно нервничал. В аэропорту Брисбена Фрэнк Вулстон встретил нас и пожелал удачи. Он рассказал, что собирается провести в июне этнографические исследования в обширных районах дождевых лесов к югу от Кэрнса. Вулстон звал меня с собой, но я не мог ни о чем думать, кроме выставки, открывающейся через несколько часов. Что-то скажут о моих работах?

Я смотрел в иллюминатор на береговую полосу далеко внизу. Вдруг Варренби сказал:

— Ну, Губалаталдин, как, по-твоему, выполняется наш десятилетний план?

И мы стали вспоминать тот первый вечер в Карумбе несколько лет назад и все, что происходило потом, строить планы на будущее.

Я сидел в кресле самолета, летевшего высоко над облаками, и думал о том, как мне повезло, что я встретил людей, пришедших мне на помощь. Как много прошло времени с тех пор, когда я маленьким мальчиком бегал по песчаным берегам Лангу-Нарнджи и знал лишь мир своих предков. Конечно, это были счастливые дни. Потом, уже повзрослев, в своих скитаниях я понял, как страшен удел несчастного темнокожего в мире, управляемом белыми. Я стыдился цвета своей кожи. Она ставила меня в неравное положение по отношению к белым людям. Однако мне повезло: я стал художником, и почти все, кого я встречал, считались со мной как с человеком мыслящим и держались наравне. У большинства же моих соплеменников до сих пор нет хороших жилищ, не хватает пищи, они не могут получить работу из-за того, что не имеют образования.

Самолет снизился и пошел на посадку в Сиднее. Я не мог поверить своим глазам при виде такого ко-

личества домов с красными крышами. Они занимали все пространство до горизонта. Мы должны были пере-сесть на другой самолет, и, выйдя на улицу, я удивил-ся, что в Сиднее холодно. Однако в Канберре, куда мы прибыли днем, было еще холоднее.

Мы остановились в центре города, в мотеле. Здесь нас ждала записка от директора галереи Маккуэри Анны Саймонс с приглашением прийти и принести на-ши последние работы. Я очень обрадовался, когда уви-дел в галерее свои картины. Они висели рядом с ра-ботами Рэя Крука, Варренби и Линдсея и смотрелись хорошо.

Выставку открыл в пять часов мистер Фред Маккарти из Австралийского института истории и культуры аборигенов. К открытию собралось много народу. Мне трудно вспомнить, что происходило там — я разговари-вал со множеством людей и, пожалуй, выпил слишком много шерри. К шести часам были проданы все мои и бо́льшая часть картин моих товарищей. Анна Саймонс и ее муж Джо пригласили нас на ужин. После шумно-го вечера, устриц, бифштексов, красного вина и шам-панского я уже не шел, а плыл назад в свой мотель.

Ночь была лунная. Поеживаясь от холода, мы шли зелеными улицами Канберры. Я взглянул вверх на старика Гидегала и подумал, что сейчас он видит моих родных и соплеменников там, в наших теплых краях у залива Карпентария. Далеко же меня занесло.

В мотеле вместе с нами лифта дожидались еще два солидных господина. Я заметил, что они пристально рассматривают меня. У меня были длинные волосы и большая волнистая борода, и одет я был в двубортный жакет с серебряными пуговицами и серые брюки. Я пробормотал что-то насчет холодной погоды, и один из них заметил, что у меня на родине, наверное, на-много теплее. Когда мы вошли в нашу комнату, Вар-ренби расхохотался, и я спросил, в чем дело.

— Они решили, что ты из Индии. Им и в голову не могло прийти, что какой-то «паршивый местный темно-кожий» может остановиться в таком месте,— сказал он.

В Канберре мы провели всего несколько дней, по-скольку Варренби надо было возвращаться на работу. Он летал на авиалинии «Фоккер Френдшип». В Кэрнсе я продал многие свои рисунки на коре в магазин «Рок

шоп». Владелица его, миссис Симпсон, предоставила мне квартиру. Теперь можно было вплотную взяться за работу и подготовиться к туристскому сезону. Кору мне присылали с Морнингтона.

В июне на две недели приехал Фрэнк Вулстон, чтобы провести двухнедельные исследования в дождевых лесах. Он взял у Варренби «лендровер» и палатку, а я поехал с ним в качестве переводчика, чтобы помочь беседовать со стариками. Я захватил с собой много коры и охры для своих картин.

Погода была очень плохая. Дул сильный юго-восточный ветер, и почти каждый день вплоть до нашего отъезда шел дождь. Я впервые был в дождевых лесах, и мне там очень не понравилось. Все время было такое ощущение, что эта мрачная, темная сочащаяся водой зелень вот-вот поглотит тебя. Наткнувшись на какое-то дерево с колючками, я повредил руки и еще несколько недель спустя чувствовал боль. Больше меня туда не заманишь.

Фрэнк с большим увлечением собирал у людей, выращивающих сахарный тростник, разные старые каменные орудия. Он разыскал стариков, которые умели делать старинные корзины и тростниковые ловушки для рыбы. Они-то и рассказывали ему народные предания. Кроме того, Фрэнк твердо решил взобраться на Баргл-Фрир, высочайшую гору Квинсленда, поднявшуюся на пять тысяч футов над уровнем моря. Крутые склоны ее были покрыты густым дождевым лесом. Фрэнк познакомился с золотоискателем. Тот разрабатывал небольшую жилу на склоне Баргл-Фрир и обещал показать тропу через дождевой лес. И я потащился с ними тоже.

Прихватив с собой еды на день, мы отправились в путь рано утром. По словам золотоискателя, к вечеру мы должны вернуться назад. Шел дождь, однако Фрэнк надеялся, что к тому времени, когда мы доберемся до вершины, небо прояснится и можно будет сфотографировать окружающую местность. Привыкнув к пронизывающей сырости, мы шли сначала довольно легко. Потом двигаться стало все труднее. Туман не рассеивался, дождь шел не переставая, во многих местах подъем был такой крутой и скользкий, что мы с трудом карабкались по склону.

Присев отдохнуть на заплесневелую корягу, я решил вылить из ботинок воду. В них оказалась кровь. Все дело было в пиявках, которые, напившись моей крови, отвалились и попали мне в ботинки. Действительно, у моих ног лежали свернувшиеся колечком маленькие черные пиявки, готовые в любой момент снова питаться в чье-либо тело.

Дождь все не прекращался. В полдень, когда мы были уже почти на вершине горы, я вдруг почувствовал, что не могу смотреть — левый глаз закрылся. Я попросил Фрэнка взглянуть, в чем дело. Оказалось, что под веко забралась пиявка. С трудом мы вывернули веко и прижгли пиявку горячей спичкой. Она тотчас же отпала. Вскоре усталые, промокшие, все в крови, мы добрались, наконец, до вершины и повалились на влажные стволы огромных упавших деревьев. Окрестность отсюда просматривалась всего на тридцать ярдов, не более. Все было закрыто лесом, пеленой дождя и туманом.

Мы перекусили и немного отдохнули. Потом, спотыкаясь и падая, буквально скатились с горы. Это отняло у нас всего лишь два часа. Не думаю, что мы с Френком еще раз решимся совершить восхождение на эту гору. После сырых мрачных дождевых лесов я с особым удовольствием вернулся к живописи.

На август Варренби планировал большую экспедицию на полуостров Кейп-Йорк. Он собирался исследовать верховья Ханн и другие районы. В Лоре лавочник Боуи Костелло рассказал Варренби о каких-то росписях, которые он видел, когда работал пастухом в окрестностях реки Ханн. Еще тогда ему пришло в голову, что, должно быть, аборигены пользовались необычными красками, потому что они как бы сливались с камнем. Варренби сказал, что это больше похоже на гравировку по камню, покрытую красками. Если так, то это очень важно, ибо крашеную гравировку по камню в Австралии еще не находили, хотя она известна в других странах.

Район, где Боун видел росписи, был расположен довольно далеко от ранчо Кулбэрра. Дороги туда не было, и он считал, что «лендровер» там не пройдет. Однако мы знали, что старый Уилли Лонг когда-то в молодости охотился в тех краях. Решили найти его и взять

Дик Рафси в галерее Крокодилов Кейп-Йорка

проводником. Варренби слышал, что Уилли сейчас находится в Куктауне. Мы сели в «лендровер» и отправились за ним.

Уилли жил в семье Джо Масгрэйва в поселке аборигенов, в одной из тесно прижавшихся друг к другу лачуг на окраине города. Джо Масгрэйв перебрался сюда из Лоры, поближе к куктаунской больнице, где он лечил язвы на ногах. Джо рассказал, что он тоже пас стада в верховьях реки Ханн, точно знает, где находятся пещеры, и предложил показать нам дорогу. Он уверял, что на «лендровере» проехать туда можно.

Мы с трудом разместили свой багаж в машине, ведь нас было четверо, к тому же мы прихватили с собой много оборудования для лагеря. Поэтому мы разбили по пути следования базовый лагерь и оставили там большую часть груза, взяв с собой лишь спальные мешки и недельный запас продовольствия.

Уилли хотел запастись еще и бутылкой рома. В поселке мы подъехали к трактиру. В законы об аборигенах уже были внесены изменения — нам разрешалось употреблять алкогольные напитки, но только не на территории миссий и не в наших селениях. Однако в

трактире местных жителей по-прежнему не обслуживали. Зная об этом, Варренби сам пошел в трактир за ромом, мы же остались ждать его под манговыми деревьями. Джо Масгрэйв ужасно сердился. Почему он не может купить себе холодного пива? Ведь он столько лет проработал старшим загонщиком и, уж конечно, имеет право выпить кружку, если захочет. По дороге на Авер мы еще долго обсуждали этот вопрос.

Варренби рассказал о своем разговоре с содержательницей трактира миссис Уоткинс. На его вопрос, почему она не обслуживает аборигенов, она заявила, что не может взять на себя такую ответственность, так как аборигены, по ее мнению, не умеют обращаться с алкогольными напитками. Она опасалась, что если им дать возможность покупать спиртные напитки когда вздумается, то они могут пристраститься к ним и это будет бедствием для их семей. Варренби считал, что запрет на спиртное для аборигенов отменили безусловно правильно, но предварительно надо было в селениях и в миссиях открыть пивные, где аборигены приучались бы под контролем к умеренному употреблению пива.

Мы приехали на ранчо Кулбэрра. Однако ни Майлза Костелло, ни его жены дома не застали. Они уехали на пастбища. Старый абориген-загонщик Томми Дубой, оставшийся присматривать за хозяйством, заверил нас, что Костелло вернутся лишь через неделю. Он рассказал, как найти дорогу, которая ведет в пещеры. Мы двигались по ней миль десять. Тут она поворачивала на север вдоль ручья Уангоу. Пещеры находились к юго-западу за ручьем, милях в двадцати по прямой, но на «лендровере» нам надо было преодолеть все сорок. Варренби ручей не понравился: воды в нем почти не было, но берега у него высокие и песчаные. Переправиться через ручей оказалось несложно, но широкая полоса глубоких песков на восточной стороне сильно затрудняла дорогу назад. Однако Варренби все-таки решил перебраться на другую сторону. Мы втроем перешли ручей вброд. Варренби провел ревущую машину по глубокому песку. Она с шумом врезалась в воду. Варренби чуть-чуть свернул в сторону, чтобы подняться на берег под углом. Мы подбежали сзади и вытолкнули машину на твердую почву.

Уилли и Джо сидели впереди и показывали дорогу.

Машина медленно двигалась сквозь заросли бумажных и хинных деревьев. Мы то и дело останавливались в поисках переправы через маленькие ручьи, впадавшие в Ханн. Уже в сумерках, прокладывая себе путь топорами и лопатами, мы оказались у ручья Бычий. Переправились через него и устроили привал среди огромных бумажных деревьев.

Уилли был счастлив, что возвращается в родные места. До них оставалось всего лишь сорок миль по низкому песчаному плато. Оно служило водоразделом для многих рек и речушек, включая Ханн.

Днем мы видели диких свиней, и Уилли рассказал, как он как-то вместе с двумя другими мужчинами охотился на них. Вооружены охотники были копьями со стальными наконечниками и воммерами. Взяв с собой трех динго, они шли по следу стада диких свиней. В русле реки среди панданусов собаки окружили большого черного кабана. Когда Уилли и его товарищи пробрались туда по высокой траве, зверь стоял, оцетинившись, спиной к высокому берегу. Один из охотников, спрятавшись в панданусах, вложил копьё в воммеру и с размаху метнул его. Он попал кабану в плечо. Зверь дико завизжал, ухватил копьё зубами, вырвал его и стал обнюхивать. Затем он потянул воздух носом, огляделся и тут увидел охотника. Кабан кинулся на человека, не обращая никакого внимания на собак, кусавших его со всех сторон. Охотник успел метнуть второе копьё, но, к несчастью, промахнулся. Кабан ударом больших белых клыков пропорол ему пах и живот, а сам исчез в густой траве, унося с собой собак, вцепившихся в его бока.

Все произошло так быстро, что Уилли и третий охотник не успели прийти на помощь товарищу. Когда они нашли его, несчастный стонал и корчился от дикой боли. Товарищи тщетно пытались остановить кровотечение. Вскоре охотник умер. Уилли объяснил нам, что, нападая на человека, лошадь или собаку, кабан всегда старается пропороть живот. Джо Масгрэйв заметил, что лишь у болотистых берегов Ханна водятся так много диких свиней. У нас в «лендровере» лежало две винтовки, и мы надеялись, что в один из ближайших дней отведаем жареного поросенка.

На следующий день рано утром мы отправились в

путь. Вязкие пески встречались все чаще, лес становился гуще. Двигались мы очень медленно, машина все время шла на первой скорости. Свечи забрасывало маслом. Через каждые две мили мы останавливались, и я помогал Варренби вывертывать и чистить свечи. После полудня мы достигли, наконец, реки Ханн. Она протекала по узкой долине, сильно заболоченной, покрытой высокой травой и кустарником. Мы пробирались с черепашьей скоростью вдоль Ханна сквозь траву, валежник и болота. К вечеру показались истоки Ханна, скрывающиеся в узком ущелье на краю Пустынного плато. Джо сказал, что это те самые места, где он видел рисунки. Поскольку дальше ехать было невозможно, мы решили разбить здесь лагерь.

В верхнем течении Ханн не похож на обычные мелководные реки с песчаным дном. Его русло представляет собой узкую и глубокую ложбину с удивительно прозрачной водой. Дно прекрасно просматривается и кажется, что оно совсем близко. На самом деле глубина здесь от шести до восьми футов, а ширина — лишь три-четыре фута. Местами река достигает десяти ярдов в ширину, образуя покрытые лилиями заводи, возле которых греются на солнце черепахи и небольшие пресноводные крокодилы.

Мы разбили лагерь среди тенистых бумажных деревьев. Уилли и Джо разожгли костер и принялись печь пресные лепешки, а мы с Варренби пошли в ущелье искать рисунки в пещерах. Мы прошли по восточной стороне примерно с милю и нашли два маленьких скальных навеса, в которых обнаружили несколько отпечатков ладони. Они не представляли никакого интереса, поэтому мы перешли Ханн и отправились назад по противоположному берегу. Но и там тоже ничего особенного не было. В лагере Варренби посмотрел карту и сказал, что на другой стороне Ханна как раз под нами край плато повернут к западу. По мнению Джо, рисунки должны находиться на той стороне. И мы решили с утра отправиться на поиски.

Всю ночь дикие свиньи сновали возле лагеря. Оказывается вдоль реки, недалеко от нас, проходила их тропа. У этих животных слабое зрение, но острый нюх. Стоило им приблизиться к лагерю ярдов на пятьдесят,

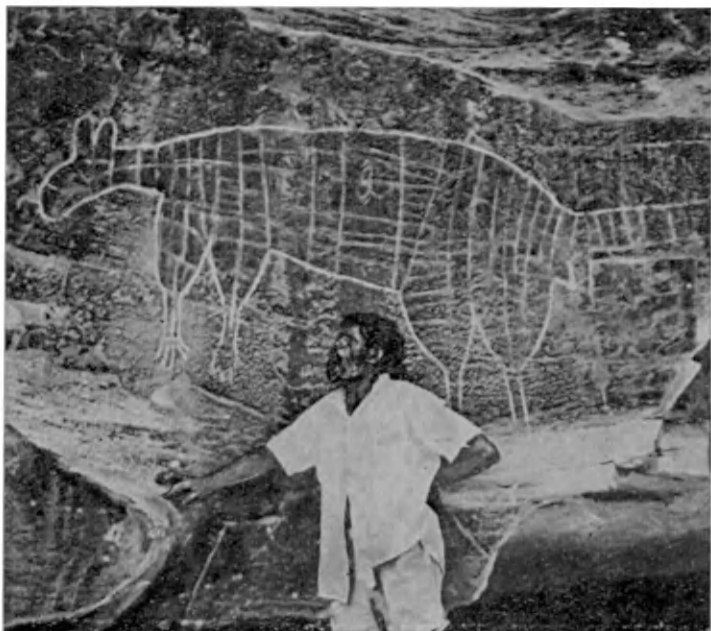
как хрюканье внезапно смолкло. На секунду воцарялась тишина. Затем было слышно, как дикие свиньи с шумом бросались назад. Человек и динго — их главные враги.

На следующий день Уилли и Джо, оставшиеся в лагере, попросили нас взять винтовку и подстрелить поросенка на обед. Варренби решил захватить автоматическую винтовку двадцать второго калибра. Боуи Костелло рассказывал ему, что на болотах у Ханна водятся много огромных коричневых змей с красными глазами. Они особенно опасны из-за своих длинных полых зубов. Через них яд глубоко проникает в тело жертвы. Услышав об этом, я решил не снимать сапог и быть предельно осторожным. У укушенного змеей шансов на спасение очень мало.

Мы перешли Ханн и направились по тропе вдоль низких утесов, образующих восточный край плато. Уже через несколько сотен ярдов мы обнаружили первую небольшую нишу. Место для отдыха было неподходящим. Там мы также нашли несколько отпечатков рук красного цвета. Варренби стал искать следы гравировки по камню, а я прошел вперед, чтобы исследовать небольшую расселину. В конце ее оказалась обширная пещера. Подойдя поближе, я обнаружил рисунки бумерангов и человеческих фигур. Я позвал Варренби, а сам вошел в пещеру и стал ее осматривать. Она была двадцати футов в высоту у входа, двадцати в глубину и около сорока в ширину. Присмотревшись к рисункам, я определил, что они не только нанесены краской, но и выгравированы на камне.

Варренби был в восторге от нашей находки. Он сказал, что нет ничего удивительного в том, что Боуи показалось, будто краска въелась в камень. Рисунки изображали бумеранги, людей и рыб. В основном углубления были закрашены темной или светло-красной охрой по внутренней стороне, но в некоторых местах красная краска была просто нанесена сверху. Часть изображений находилась на задней наклонной стене, переходившей в потолок, на высоте примерно двенадцати футов. Пещера имела форму полураскрытой раковины. На покрытом песком полу остались следы угла — по-видимому, в пещере долго жили люди.

Мы решили продолжить поиски в надежде найти

Дик Рафси в пещере у обнаруженного им рисунка кенгуру

поблизости новые галереи. В полумиле от пещеры обнаружили две маленькие галереи и одну большую, аналогичную первой, с такими же изображениями бумерангов, людей и рыб. В пещере от потолка отвалилась большая плита, похоронившая под собой часть рисунков. Она лежала на полу, наполовину засыпанная песком. Сверху на ней были сделаны небольшие насечки каменным топором. Варренби считал, что на той стороне плиты, которая прилегала к полу, должна сохраниться гравировка. К тому же плита, вероятно, упала на угли, и по ним можно определить возраст рисунков¹. По-моему, роспись на стенах относилась к очень давним временам.

Мы пошли вдоль низкой отвесной стены, и примерно через милю она стала совсем пологой. Варренби по-

---

¹ Имеется в виду датировка методом радиоуглеродного анализа.

слал меня проверить, есть ли дальше крутые подъемы, где могли бы оказаться пещеры, а сам вернулся, чтобы расчистить найденную роспись. Я прошел мили три, пока не удостоверился в том, что отвесная стена исчезла совсем, и вернулся к Варренби. Вооруженный фотоаппаратом и рисовальными принадлежностями, он был целиком погружен в работу. Я вскипятил воду в котелке, и мы решили пообедать, а кстати, и поговорить о наших находках.

Я никак не мог представить себе, как художник сумел на высоте двенадцати футов от пола нарисовать бумеранги. Вряд ли он пользовался шестом с рогаткой на конце, ибо ее некуда было прислонить — ведь рисунки выполнены на сводчатом потолке. Варренби заметил, что на нижнюю часть стены, на высоте четырех или пяти футов от пола, рисунки нанесли только красками, резьбы же на камне не было, хотя поверхность там подходила для этой цели. Он заключил, что резьбу, которая оказалась теперь сверху, вероятно, наносили, стоя на полу. Последний в те времена был гораздо выше. Песчаник здесь очень твердый, и, по его мнению, возраст выгравированных изображений может исчисляться тысячами лет.

Должно быть, бумеранг представлял собой в те далекие времена важный родовой тотем, ибо здесь он был изображен десятки раз. В сравнении с рисунками на нижней части стены красная краска вокруг бумерангов выглядела очень старой. Я пытался представить себе, как тысячи лет назад люди находили укрытие в этих пещерах в сезон дождей. Тут, наверное, их укрывалось много.

Варренби заметил, что он не хотел бы жить в пещере, и показал на длинный туннель в ее конце, уходящий в глубь скалы. Там вокруг камней лежала свернувшаяся старая кожа, сброшенная огромной коричневой змеей. Я осторожно вытащил ее: она оказалась футов десяти в длину. Еще утром мы видели среди скал несколько таких кож. Место было действительно очень подходящее для змей: сухие укрытия в скалах всего лишь в сотне ярдов над болотом, где полно жирных лягушек и другой добычи. Я без особой радости вспомнил просьбу Уилли пойти на болота и подстрелить поросенка.

Варренби кончил работать часов в пять, и мы двинулись назад в лагерь по кабаньей тропе. Варренби с винтовкой шел впереди, высматривая свиней. Мы, направляясь в лагерь, уже готовы были свернуть с тропы и пересечь Ханн, когда услышали легкий шум возле скалы и, заглянув туда, увидели большого старого секача, лежавшего в каменном углублении. Высунув голову, он следил за нами, хотя мы зашли с подветренной стороны, чтобы он не мог нас ни учуять ни различить. А возможно, он вообще никогда раньше не видел человека и, приняв нас за какой-то новый вид кенгуру, спокойно улегся на траву.

Я стоял в двух футах позади Варренби и видел, как охотник медленно, дюйм за дюймом поднимает винтовку, чтобы животное не заметило никакого движения. Я чувствовал себя не совсем хорошо: зверь был всего ярдах в двадцати от нас. Варренби после рассказывал, что он не тревожился, так как прикинул, что сможет всадить в животное шесть пуль, прежде чем секач доберется до нас. Я на всякий случай заметил высокую скалу ярдах в тридцати назад по тропе, на которую можно было влезть.

Прошло несколько напряженных минут, пока Варренби медленно поднимал к плечу винтовку и наклонял голову, прицеливаясь. Я знал, что он будет стрелять секачу в глаз. Его палец напрягся на спуске. Грохнул выстрел, и я отпрянул в сторону. Старый кабан взревел и кинулся к нам. Я заметил только, что винтовка качнулась, и понесся к скале. Почти пробежав до нее, я вдруг осознал, что больше выстрелов не было, и обернулся. Варренби, отскочив, ударил зверя сбоку винтовкой. Но тот пронесся мимо, вломился в высокий болотный тростник и исчез.

Варренби с проклятиями дергал затвор. Он здорово перепугался, когда после выстрела винтовку заклинило, обернулся, чтобы выхватить у меня из-за пояса топорик, но меня уже не было. Бежать было поздно, поэтому Варренби повернулся к кабану и, когда тот приблизился вплотную, прыгнул в сторону и тут же сделал выпад винтовкой, как копьем. Кабан попытался ударить клыком, но промахнулся и проскочил вперед. Варренби сказал, что пуля попала зверю в глаз. Поболоту шел треск, и кабану, по-видимому, недолго оста-

лось жить, но у нас не было никакого желания идти за ним.

Уилли и Джо были разочарованы. Они слышали выстрел и ожидали нас с молодым поросенком или хотя бы с куском мяса большого кабана. Я предложил Джо утром пойти на охоту, пока Варренби будет работать в пещерах.

На следующее утро дул северо-восточный ветер. После завтрака я взял крупнокалиберную винтовку, а Джо дал винтовку двадцать второго калибра, которую Варренби накануне тщательно почистил и смазал, чтобы ее снова не заклинило. Самым подходящим местом для охоты было болото ниже по течению реки, где при северном ветре кабаны не могли нас учуять. Туда мы и пошли.

Мили через две вышли на ровную площадку, клином врезавшуюся в болото, и скрытно пробрались по ней к большому поваленному дереву. Спрятавшись за ним, мы стали ждать. Свиньи должны были пройти по тропе вдоль края болота ярдах в тридцати от нас. Вскоре мы услышали их хрюканье и повизгивание.

Появилось стадо голов в двадцать с полосатой маткой во главе. За ней шло несколько хряков и свиной поменьше. Потом мы увидели то, что нам нужно: большая матка вела за собой семь или восемь трехмесячных поросят. Они были упитанными и как раз подходили для нашей земляной печи. Краем глаза я видел, как Джо целится. Однако он должен был стрелять лишь в том случае, если я промахнусь. Я прицелился в самого упитанного поросенка и держал его на мушке, пока все стадо не остановилось, вынюхивая какие-то корешки. Выстрел сразил поросенка наповал — пуля ударила сверху в плечо и перешибла ему хребет. Эхо от крупнокалиберной винтовки не успело утихнуть, а стадо уже исчезло. На болоте все замолкло.

Мы выпотрошили поросенка, связали ему ноги и на шесте понесли в лагерь. Уилли тем временем уже собирал камни и дрова для земляной печи.

Я предоставил возможность Уилли и Джо заниматься поросенком, а сам вытащил кору и краски и принялся за работу. К нашему возвращению в Кэрнс мне нужно было написать много картин, чтобы хватило средств привезти на каникулы свою семью. До тех пор

в Кэрнсе бывали только Кевин и Элинор. Они приезжали как-то в августе на школьные каникулы.

Старый Уилли спал почти весь день. Он провел беспокойную ночь из-за того, что верил, будто бы злые духи этих мест *кинканы* могли добраться до его почечного жира. Когда мы собирались лечь спать, старик увидел в отблесках костра что-то белое и сказал, что за ним следит кинкан. Джо возразил, что это просто муравейник, но Уилли знал, как хитры кинканы и как они умеют быть похожими то на пень, то на муравейник. Кинканы — духи многих людей, которых Уилли знал когда-то, — бродили в этих краях. Еще по дороге сюда Уилли показывал нам огороженный песчаный холмик, где он похоронил своего отца много лет назад.

Ближе к вечеру Уилли проснулся, зевнул, потянулся и подошел ко мне поболтать. Я как раз закончил на коре большое изображение Тувату, змея-Радуги, и рассказал о нем Уилли. Он сказал, что у его племени *олкула* тоже есть история о Радуге, в которой часть событий происходит на Пустынном плато недалеко от нас. Реки, стекающие с плато во всех направлениях, — это следы змей, уползавших от страшного колдовского огня, который люди-птицы зажгли, чтобы уничтожить людей-змей после большой ссоры с ними. Потом Уилли поведал мне о том, какие неприятности доставил ему змей-Радуга всего несколько лет назад.

В то время Уилли работал у Боуи Костелло на ранчо Калинга. В одно из воскресений он отправился с семьей Костелло на рыбалку на реку Мурхед. Это одна из рек, которые потекли по следам змей в давние Времена Сновидений. Уилли с двумя детьми пошел вверх по течению к месту, где, как он знал, хорошо ловится рыба. Они ловили леща, зубатку и треску. Вдруг Уилли почувствовал, как что-то очень большое схватило у него наживку и потянуло его в воду. Началась борьба. Уилли почти вытащил рыбку на поверхность, но тут же чуть не свалился сам. Он продолжал водить ее, пока не утомил, и страшным усилием («У меня чуть кишки не вывалились») вытащил на поверхность. Два зеленых глаза глядели на него. «Я уставился ей в глаза, а она — мне. Ну, смотри! Это ж я подцепил проклятого змея-Радугу!» Уилли быстро обрезал леску, надеясь, что змей-Радуга простит его. Но тот появился

В тропических лесах Северной Австралии

вечером в небе и обрушил на рыбаков сильнейший ураган. Они едва сумели спастись от наводнения.

По-моему, Уилли зацепил тогда большого пресноводного крокодила. Его горящие глаза напугают кого угодно.

Солнце почти зашло, когда вернулся Варренби. Ему не терпелось добраться до жареного поросенка. Он слышал выстрел, а несколько позже мимо него пробежало два стада свиней. Варренби искупался в Ханне и выпил рюмку рома, затем открыл земляную печь и наслаждался тушеным мясом с бататами и красным вином, охлажденным в реке.

Варренби был занят в пещерах еще два дня. Один из этих дней с ним вместе провел Уилли. Он рассказывал ему истории, связанные с рисунками. Когда мы уезжали, у меня было шесть готовых картин. Кроме того над нашим лагерем я нарезал себе коры.

Обратно мы ехали гораздо быстрее, поскольку можно было следовать по нашей собственной колее и не было надобности валить деревья или искать брода через речки. Теперь нам предстояло отправиться в высокогорные края Большого Водораздельного хребта и об-

следовать районы ручьев Мун Гин и Рыбьего в поисках новых росписей. Варренби сказал, что для стариков Уилли и Джо это путешествие будет слишком трудным, поскольку придется делать многодневные пешие переходы с грузом за плечами. Надо было отвезти их в Куктаун.

Джо очень хотелось привезти домой хорошего поросенка, поэтому по дороге мы внимательно смотрели вокруг. Стадо свиней появилось однажды, но тут же исчезло в траве, прежде чем мы выстрелили. Мы ехали по открытой песчаной местности в сторону ручья Уангоу, когда Уилли крикнул:

— Ичамба!

В двухстах ярдах от нас сквозь кусты бежало стадо из семи или восьми эму. Уилли и Джо были очень возбуждены, поскольку мясо эму — одно из любимых блюд аборигенов. Мне казалось, что мы вряд ли сможем подстрелить эму, но Варренби остановил машину и сказал:

— Свистни погромче.

Я плохо знаю повадки эму. Ничего не поняв, сунул пальцы в рот и громко свистнул. Эму продолжали бежать, но Варренби сказал, чтобы я свистел еще громче. Вскоре я с удивлением увидел, как эму замедлили бег, а затем остановились, оглядываясь на «лендровер». Я пронзительно свистел, а эму медленно шли к нам. Варренби приготовил крупнокалиберную винтовку и объяснил мне, что бедные эму очень любопытны, и их привлекает странный звук. Если мы останемся в «лендровере», они подойдут прямо вплотную.

Варренби спросил Джо, которого эму он хочет. Джо весь дрожал от возбуждения и лишь вымолвил:

— Любого, босс, любого, только не промахнитесь.

Эму медленно приближались, вертя головами и подозрительно глядя на странного зелено-коричневого зверя, готовые бежать при малейшей тревоге. Варренби уже открыл дверцу и положил винтовку на капот, целясь в стадо. В нем было два старых эму, остальные — молодые. Когда стадо подошло на тридцать ярдов, Варренби выстрелил и свалил одну из птиц. Остальные повернули и, наклонив длинные шеи, помчались во всю прыть.

Уилли и Джо были в восторге. Этого мяса будет

достаточно и для их семей, и для друзей в Куктауне. Они собрались было тут же свежевать птицу, но Варренби сказал, что лучше заняться этим у ручья Уангоу, пока он будет разведывать путь через широкий песчаный берег на той стороне. Мы привязали эму на капот и тронулись к ручью.

Эму пошел в дело почти целиком. Я взял себе перья для нашего следующего корробори. Уилли и Джо срезали мясо и уложили его в мешки и в бочонок на четыре галлона. Пока они занимались этим, мы с Варренби зачерпнули воды в ведро и полили песчаную полосу, чтобы она затвердела. Затем, на полном газу мы рванулись вперед, с ходу подтолкнули машину на той стороне — и ручей Уангоу остался позади.

На ночь остановились в базовом лагере на Лоре и устроили пир из жареного мяса эму. Уилли и Джо запекли весь наш запас в земляной печи, чтобы сохранить его до дома. В Куктауне, куда мы прибыли на следующий день, мои друзья стали весьма популярными фигурами.

В течение еще трех недель мы исследовали труднопроходимые места Большого Водораздельного хребта и обнаружили множество росписей. Но они не были столь хороши и красочны, как рисунки на Лоре и в окрестностях Куктауна.

Возвращаясь в Кэрнс, мы обсуждали планы на будущее. Все места, которые были исследованы, расположены в бассейне реки Палмер, где почти сто лет назад бушевала золотая лихорадка. Варренби очень хотелось попытаться счастья в поисках «Ворот Ада», легендарного места в горах, где воины-аборигены устраивали засады золотоискателям, вторгшимся в их страну. Где находятся эти «Ворота» — никто уже не помнил. Мы решили на следующий год отправиться на поиски и одновременно попробовать найти следы первооткрывателей Кейп-Йорка.

Мы имели в виду Эдмунда Кеннеди и его группу. Им пришлось невероятно трудно, и из тринадцати человек уцелели лишь трое. Единственным участником экспедиции, которому удалось пройти до северной оконечности мыса, был проводник-абориген Джеки Джеки. Он должен занять достойное место в истории. Но сначала нам надо пройти по его следам через весь полу-

остров, чтобы по-настоящему понять, какие испытания выдержала экспедиция. Может быть, мы сможем разыскать деревья с инициалами Кеннеди и обозначениями, указывающими на места стоянок.

Мы ехали в Кэрнс, и я был счастлив. В багажнике «лендровера» я вез тридцать готовых работ на коре, а в перспективе была выставка в Кэрнсе недели через две, в разгар туристского сезона. К концу года Кит Де Витт собирался организовать для меня и Варренби совместную выставку в Уэйпа. Учítывая, что должны были прийти деньги, вырученные на выставке в Канберре, я считал, что у меня было достаточно средств, чтобы привезти на праздники в Кэрнс Элси и детей. А возвращаясь домой на сезон дождей, мы привезем с собой новую шлюпку и рыболовные сети.

Перед семьей Рафси открывалось счастливое будущее.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга, которую вы прочли, необычна. Прежде всего тем, что это первая автобиографическая повесть, написанная австралийским аборигеном, потомком тех людей, которые заселили этот материк тридцать тысяч лет назад, а может быть, даже и раньше*. Своеобразен и жанр, избранный автором. Автобиографические сведения переплетаются в произведении Дика Рафси (Губалаталдина, как зовут его соплеменники) с рассказами о судьбе его народа, традициях и обычаях, расцветиваются многочисленными мифами и сказками аборигенов Северного Квинсленда, родных мест Рафси.

Многие из этих обычаев и норм жизни могут показаться странными, так как они слишком отличны от всего, что нам привычно. Например, у соплеменников Рафси человек называет отцом не только своего действительного отца, но и многих других мужчин. И равным образом у любого человека много матерей и бесчисленное количество братьев и других родственников. Все дело здесь в том, что система родства коренных австралийцев и других народов Америки, Африки и Азии, живших в былые времена первобытнообщинным строем, основывалась не на биологическом, а на так называемом классификационном родстве, когда родные отец и мать не выделялись из состава половозрастных групп, в которые они входили. Как практически функционирует эта система, выражавшая родство между целыми группами людей, хорошо объясняет сам Рафси (стр. 21). Возникла же она потому, что в обществах, имевших в прошлом родо-племенную организацию или в какой-то мере сохраняющих ее до сих пор, и экономические и брачные отношения людей определялись родством. Чужак, не родственник, не мог быть членом общества, основанного на родстве, но его можно было «усыновить», включить во всеобъемлющую систему родственных связей.

Родные отец, мать, братья, сестры не выделялись в этой системе родства, так как она возникла тогда, когда семья, состоящая из отца, матери и детей, еще не обособилась и главным для человека было его членство не в семье, а в более крупных социальных объединениях — роде, общине, половозрастной группе и т. д.

Д. Рафси много внимания уделяет религии аборигенов Австралии, нашедшей свое отражение в мифах. Для традиционных верований аборигенов характерно сознание единства человека и природы. Согласно этим верованиям, у людей были родственники и предки — животные, растения, камни и т. п. Это так называемые тотемы, о ко-

---

* Поэзия появилась у аборигенов несколько раньше, чем художественная проза. В Австралии пользуется широкой известностью поэтесса, аборигенка по происхождению, К. Уокер, опубликовавшая три книги стихов.

торых неоднократно упоминает автор. Одушевление всего окружающего (анимизм) и вера в родство между человеком и животными, растениями и явлениями природы (тотемизм) — опять-таки черты, присущие не только аборигенам Австралии, а определенному этапу развития первобытнообщинного строя и в других частях света. Следует, однако, иметь в виду, что во многих местах, например, в Европе, этот этап пройден очень давно и мы забыли о нем.

Не выделяя людей из окружающей природы, отдельного человека из его возрастной группы, аборигены Австралии и время расчленяли не так резко, как это делаем мы. В книге много раз упоминается так называемое Время Сновидений, когда мифические герои создавали землю и людей. По существу, это далекое прошлое, но для аборигенов оно не ушло навсегда, а продолжает существовать в настоящем, проявляясь в обрядах и символах.

Как же сложилась судьба австралийских аборигенов после начала европейской колонизации?

К приходу англичан в Австралию жило около 250 тыс. аборигенов, занимавшихся охотой, собирательством, а в прибрежных районах также промыслами морского зверя, черепах и рыболовством. Около 100 тыс. из этого числа аборигенов жили в Квинсленде.

Полтора века беспощадного истребления привели к уменьшению численности коренного населения Австралии (к 20-м годам XX в. в 5—7 раз). В последующие десятилетия она стала несколько возрастать, особенно с середины века, главным образом в результате улучшения медицинского обслуживания, а не повышения уровня жизни аборигенов.

В начале 70-х годов XX в. в Австралии насчитывалось немногим более 100 тыс. аборигенов, из которых уроженцами Квинсленда были 24—25 тыс. человек. Они продолжали либо вести традиционное хозяйство, либо работали на скотоводческих ранчо и в миссиях, либо переселились в города, оторвавшись от своих прежних племен и общин. Так, в Брисбене с 1961 по 1971 г. число аборигенов выросло с 1 тыс. человек до 2,6 тыс. А на севере Квинсленда, то есть в родных местах Рафси, уже в 1966 г. более 1/3 всех аборигенов жили в городах Таунсвилл и Кэрнс и были заняты в промышленности и сфере обслуживания*. Вовлечение в ряды австралийского рабочего класса способствует повышению политической сознательности аборигенов Северного Квинсленда, как и других районов страны, знакомству с общеавстралийской культурой.

В последние годы среди аборигенов Австралии развернулось движение за полное, не только формальное, но и фактическое равнопра-

---

* R. Pугор. The aboriginal population of North Queensland: a demographic profile,— «Newsletter Australl. Institute of Aboriginal Studies», 1974, № 2, с. 13—19.

вне с англоавстралийцами. Среди других вопросов представители этого движения обратили внимание на ограничение права аборигенов на владение землей, на низкую оплату их труда, низкий уровень образования, вопросы пенсионного обеспечения*. Некоторые из требований этого движения, в частности о снятии ограничений на владение землей и о признании прав аборигенов на часть «племенных» земель, были учтены в новом федеральном законодательстве в отношении аборигенов, вступившем в силу в 1975 г., когда у власти в Австралии находилось лейбористское правительство во главе с Г. Уитлемом. Новое законодательство существенно изменило положение аборигенов и создало препятствия для их миграции из резерваций. Они формально были уравнены с остальным населением. Прежние дискриминационные положения, запрещавшие аборигенам селиться в городах, были отменены. Однако одновременно с федеральным законодательством в отдельных штатах Австралии продолжают существовать и принимаются свои местные законы в отношении аборигенов. По свидетельству австралийской печати, особенно жестоким, ставящим аборигенов в неравноправное положение по сравнению с белыми австралийцами является «туземное» законодательство штата Квинсленд. По оценкам исследователей, около 20 тыс., то есть подавляющее большинство аборигенов Квинсленда, получают в той или иной форме материальную помощь от штата, но условия этой помощи предусматривают ограничение передвижений коренного населения. Примерно половина его живет в специальных контролируемых властями поселениях для аборигенов, представляющих скопления лачуг**.

В 1972 г. в Квинсленде вступили в силу принятые парламентом штата новые законы в отношении аборигенов и островитян Торрессова пролива. Как справедливо констатирует австралийский исследователь Г. Нетхейм, эти законы, будучи формально призваны уточнить правовое положение аборигенов, фактически во многих отношениях ставят последних вне закона, так как предусматривают, что на аборигенов, работающих по найму, не распространяются правовые нормы, регулирующие трудовые отношения в промышленности, а также законы штата об управлении недвижимостью, заключении различных договоров, судопроизводстве и т. д.***.

---

* C. Rowley. From humbug to politics: aboriginal affairs and the academy project.— «Oceania», 1973, vol. 43, № 3, с. 182—197.

** G. Guthrie. Moving or staying: locational attitudes among Queensland reserve dwelling aborigines.— «Proceedings International Geogr. Union Regional conference and 8th New-Zealand Geogr. Conference, Palmerston North, 1974», Hamilton, 1975, с. 175—182.

*** G. Nettheim. Outlawed: Queensland's aborigines and islanders and the rule of law. S. 1973.

И пока еще справедливы слова Рафси, который пишет, что большая часть его народа не имеет ни удовлетворительного жилья, ни достаточного количества пищи и уровень полученного образования слишком низок, чтобы получить работу (стр. 155).

В то же время нельзя не сказать, что в последние годы, отчасти уже после выхода в свет книги «Луна и радуга», в положении аборигенов Австралии наметились определенные благоприятные сдвиги. Они связаны и с отменой дискриминационных федеральных законов об аборигенах и с изменением в отношении англоавстралийцев к коренным жителям этой страны. На смену пренебрежению приходит интерес к культуре аборигенов, к их обычаям, легендам, праздникам, искусству*. Уже Д. Рафси рассказывает, каким успехом пользуются театральные инсценировки древних праздников — корробори, как раскупаются произведения художников-аборигенов.

Живопись у аборигенов имеет давние традиции. Они создали целые «картинные галереи», рисуя на скалах. В конце 30-х — начале 40-х годов возникает аборигенная школа акварельного пейзажа. Ее основателем был Альберт Наматжира из племени аранда. Наиболее известные его пейзажи — «Эвкалипт в Палм-Валли» и «Старый эвкалипт». К тому же племени принадлежал и другой видный художник — Пареруля. С конца 40-х годов приобретают известность пейзажи более молодой группы художников, выходцев из резервации Кэрролуп, к югу от г. Перт, на юго-востоке Австралии. Были художники и на северо-западе Австралии в родных местах Рафси. Следуя старым традициям, они писали охрой и углем на кусках коры. К такой же технике прибегал и Д. Рафси. Он приобрел сначала известность как живописец и лишь затем стал писателем.

Думается, что творчество художников-аборигенов возбудило интерес их белых сограждан к культуре и судьбе коренного населения. Этому же способствовали такие австралийские писатели, как А. Маршал, посвятившие свои книги судьбам аборигенов**. Некоторые из этих писателей, такие как Ф. Виккерс, имели в числе своих предков аборигенов, то есть были метисами по происхождению. Но Дик Рафси (Губалаталдин) — первый чистокровный абориген, который за несколько десятилетий прошел путь от охотника до писателя, рассказавшего о жизни и обычаях коренных жителей австралийского севера. Этим он внес немалый вклад в борьбу прогрессивных сил за признание культуры аборигенов, которая представляет собой неотъемлемую и ценную часть национальной культуры Австралии.

Л. Файнберг

---

* Это отмечает, в частности, В. Кудинов, несколько лет проживший в Австралии. См. его предисловие к кн. «Мифы и легенды Австралии». М., 1976.

** А. М а р ш а л. Мы такие же люди. М., 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
БЕЛОЛИЦЫЕ	6
ЛЕГЕНДЫ ПЛЕМЕНИ ЛАРУМБАНДА	10
УБИЙСТВО СВЯЩЕННИКА ХОЛЛА	22
УЧЕБА В ШКОЛЕ :	32
ПОСЛЕДНЯЯ БОРА	53
ЦЕРЕМОНИЯ НАВОДНЕНИЯ	60
ОПАСНОСТЬ ПУРИ-ПУРИ	73
ГИДЕГАЛ, ЧЕЛОВЕК-ЛУНА	81
ИИЛИ-ДЖИЛИТ-НЬЕА	85
ЛЮДИ ОСТРОВА БЕНТИНК	94
ЗЕМЛЯ «КОРОЛЯ АЛЬФРЕДА»	110
ПАСТУХ И МАТРОС	119
ПРИЕЗД ВАРРЕНБИ	135
КАНБЕРРА И ПЕЩЕРНЫЕ РОСПИСИ	154
ПОСЛЕСЛОВИЕ <i>Л. А. Файнберга</i>	172

Дик Рафси

ЛУНА И РАДУГА

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Э. О. Секар*. Младший редактор *М. В. Малькова*. Художник *А. Ф. Сергеев*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13290

Сдано в набор 2/III 1978 г. Подписано к печати 14/VII 1978 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 5,5. Усл. п. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,35. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4114. Зак. 157. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, д. 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИСПРАВЛЕНИЕ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
174	11 сверху	создало препятствия	устранило препятствия

Зак. 670

Цена 95 коп.